ИСКУССТВО КИНО

2 0 0 8

24 k/c

ИСКУССТВО КИНО

НАСТОЯЩЕЕ КИНО

Дорогие друзья!

Никогда не поздно подписаться на единственный в России ежемесячный журнал по искусству. Нас знают потому, что «Искусство кино» — это профессия и досуг, это новости кино и телевидения, статьи о новинках репертуара и интервью с мастерами современной культуры, увлекательные мемуары и сценарии, новейшая отечественная и зарубежная проза.

НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 70402

Электронная версия журнала в Internet по адресу www.kinoart.ru

Тел. (499) 151-6751. Факс (499) 151-0272. E-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru 125319, Москва, ул. Усиевича, дом 9

В этом номере, подводя итоги года, мы по традиции отдаем должное слову, с которого и в кинематографе, как ни крути, все начинается.

Чтобы получить деньги и запуститься в производство, нужно иметь заявку, синопсис, обоснование проекта. Иметь историю. Сетуя на недостаток фильмов-событий и отсутствие качественного, внятного и умного «потока», мы чаще всего ссылаемся на дефицит историй, актуальных и увлекательных. О кризисе кинодраматургии, о его причинах и следствиях, виновниках и жертвах, о взаимоотношениях сценариста с другими создателями фильма, прежде всего с продюсерами, о проблемах поиска своей аудитории и о специфике работы на телевидении мы говорили во время Московского кинофестиваля на дискуссии, которую публикуем в рубрике «Здесь и теперь». Рубрика «Чтение», как это всегда бывает в № 12, представляет авторов разных поколений, для некоторых появление в нашем журнале является дебютом.

В «круглом столе» принимали участие писатели Андрей Дмитриев, Александр Кабаков, кинодраматурги Ким Белов, Елена Гремина, Нина Гринштейн, Екатерина Нарши, Павел Финн, Валентин Черных, Катя Шагалова, кинокритик Ирина Павлова, продюсер Дмитрий Нестеров. «Круглый стол» вели Даниил Дондурей и Нина Зархи.

СОДЕРЖАНИЕ «ИК» №12/08

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

5
Сценарий: про что кино?
«Круглый стол»

Ч Т Е Н И Е

27
ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ
Alter ego
Сценарий

67
ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ
Шесть сценариев

И М Е Н А

73
ИНГА УРУСЕВСКАЯ
Поэт кинематографа
К 100-летию Сергея Урусевского

Ч Т Е Н И Е

79
ИППОЛИТА КУПРЕЯНОВА
Французский балкон
Сценарий

115
МАРИНА САСИНА
Одна война
Сценарий

143
МАРАТ МАГАМБЕТОВ, СВЕТЛАНА ФИЛИППОВА
Люди как братья, пантеры как кошки
Сценарий

167
Содержание журнала «Искусство кино» за 2008 год

S U M M A R Y

Script: what is this cinema about?
Discussion of writers, producers and critics on the problems in domestic scriptwriting.

Elena Dolgopyat
Alter ego
A script.

Denis Dragunsky
Six scripts
Short stories for cinema.

Inga Urusevskaya
Poet of cinema
Sergei Urusevsky. Hommage for the great cinematographer.

Ippolita Kupreyanova
A French balcony
A script.

Marina Sasina
One war
A script.

Marat Magametov, Svetlana Filippova
People as brothers, panthers as cats
A script.

IIndex
All the stuff published in IK in 2008.

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

Фото Александра Родченко

Сценарий: про что кино?

Даниил Дондурей. Тема нашего обсуждения очень близка к сюжетам летней дискуссии об актуальном кино на «Кинотавре». Важным показателем интереса к ней для меня было то обстоятельство, что, кроме Александра Митты, никто из сорока — пятидесяти режиссеров, находившихся в это время в Сочи, не пришел, поскольку мероприятие было объявлено как «круглый стол» продюсеров. Кинематографисты сегодня живут с ощущением, что у продюсеров свое дело, у режиссеров — какое-то другое, а у сценаристов — третье. Естественно, что только критики — люди внекатегорийные. Им интересно всё. При этом в Сочи съехались ведущие продюсеры страны, инвесторы, руководители телеканалов — казалось бы, все те, кому ты, режиссер, должен хотеть понравиться, рассказать о своем проекте... Кого интересно послушать. Вот точный показатель взаимодействия профессий, одно из множества свидетельств состояния нашего кино. До осени царило этакое спокойствие, ощущение, что все в большом порядке, а с телеканалов нам рассказывали, что в российском кино все так великолепно, как будто его тренирует Гус Хиддинк.

На самом деле, ситуация, как показывает анализ, не располагает к благодушию. Несмотря на 700 миллионов долларов, которые мы соберем в этом году, и миллиард — если не в следующем, то наверняка в 2010-м. Невзирая на то что через три года мы будем конкурировать с Англией, Германией, Францией за первые места в кинотеатральных бокс-офисах Европы — все это свидетельства возможностей киноразвлечения. Они не демонстрируют победы собственно российского кино. Я вот посмотрел данные за первую половину этого года. Если в первом квартале 2008-го мы обогнали американцев за счет трех фильмов и оказались на первых местах, то во втором нас в первой десятке уже нет, по-моему, и в первой двадцатке тоже. Это с точки зрения бизнеса. Но есть и другая сторона — *качество* тех самых чемпионов проката. Что такое «Самый лучший фильм» с его двадцатью семью миллионами долларов сборов? Что такое «Ирония судьбы. Продолжение» с пятьюдесятью? За нежеланием обсуждать эти проблемы стоит некая профессиональная успокоенность. Кажется, что фонтаны нефти и патриотизма уверенно удержат российскую киноиндустрию на высоком международном уровне. И дебюты неигровых режиссеров обеспечат аплодисменты в Канне. А тут еще и неигровое кино сработало, как ресурс игрового.

Любимая тема — деньги. В последние годы, признаемся, их было достаточно. Ожидания перегреты, инвесторов сколько угодно. Фильмы снимали 180 компаний, одна за другой. Был накоплен колоссальный символический капитал мнимых успехов. Казалось, что и начальство счастливо от нарастающих достижений, и фестивали будут гоняться за российской продукцией. Впереди госзаказ, дополнительные вливания из бюджета. Уже парни из спис-

ка «Форбс» захотели (по крайней мере, так было до кризиса) поиграть в кино.

Теперь о зрителях. Здесь у нас уже не два, а несколько народов. Одни смотрят в прайм-тайм сериалы, другие хотя бы какие-то авторские фильмы, пришедшие в Москву с фестивалей, третьи — океан никакого кино — ленты вне жанра, вне мастерства, вне всех представлений о том, для чего и для кого они снимаются. Когда смотришь на названия фильмов-лидеров, начинаешь переживать по поводу того, что это за зрители. Иногда кажется, что они по-разному думают, говорят на разных языках. А производят это многообразие в одних и тех же компаниях одни и те же продюсеры и сценаристы. Мы не представляем этих разведений, необходимые исследования ведь не проводятся. Может, где-то втайне, по каким-то спецзаказам. О чем думают авторы, если они даже не знают, что семь билетов из каждых десяти, проданных в кинотеатрах, покупают девочки? А ведь это особый тип потребителя, они почти ничего не знают, скажем, про вторую мировую войну, а про ту эпоху снимается огромное количество фильмов и сериалов, поскольку это самая патриотоспособная, плодоносящая тема. Так что очень много вопросов к создателям картин.

К сожалению, здесь, на нашей дискуссии, не так много продюсеров и совсем нет режиссеров. При том что очень часто выходишь из зала (особенно тяжело, когда ты со многими лично знаком) и не знаешь, что сказать после только что увиденного. Не можешь ответить на сакраментальный вопрос: про что кино? Проблема заключается еще и в том, что профессионалы в последние годы вместе кино не обсуждают. Кажется, что продюсеры не разговаривают с режиссерами, которые, в свою очередь, даже не пытаются уважитель-

«Юрьев день», режиссер Кирилл Серебренников

но пообщаться с критиками или посмотреть на свою работу в мировом контексте. Чураются чужого кино, не стремятся попасть на потрясающие фестивальные ретроспективы, не думают о развитии киномышления и киноязыка. В этой ситуации можно потратить на российское производство и четверть миллиарда долларов, но вернуть эти денежки нельзя. Зрителей на возмещение таких затрат нет. Почему бы не поговорить за столом, когда еще не начали снимать? Чем, например, вызвана такая страсть к римейкам? Назад в будущее? Или — почему фэнтези? Неужели мы живем в стране с тотальной цензурой, под страхом потери профессии? Почему нет ни одного политического фильма? Актуального кино? Почему чуть ли не единственное живое кино, на которое среагировали отборщики Канна, — это картина девочки двадцати четырех лет, сделавшей игровую версию своего документального фильма «Девочки»? Я имею в виду «Все умрут, а я останусь» Валерии Гай Германики.

Кризис драматургии — неумение рассказать историю или отражение бедности жизни, не поставляющей сюжетов? А может, вообще нет кризиса драматургии? Просто существуют сериалы для раннего прайм-тайма, позднего, фильмы для показа ночью на ТВ, для фестиваля в Роттердаме, продукция типа «никакое кино», блокбастеры, ситкомы и многое другое. Дефицит актуальных тем — это самоцензура, дань коммерции, следствие каких-то политических процессов или попросту отсутствия одаренных людей? Ведь совсем не случайно, что нормальное мейнстримовское кино не снимается. Про жизнь, а не только для развлечения. Чем можно объяснить недостаток новых героев, жанров, мифов, конфликтов? И, наконец, чем объяснить кризис — не денег, нет, — сюжетов? Или мы в пересменке, в ожидании новых кинематографических ресурсов?

Александр Кабаков. Мне не очень ловко, будучи в гостях и не совсем, в общем-то, в своей среде, говорить что-то радикальное. Начну с того, что сейчас проскользнуло, прошу простить меня за резкость, но ничего другого по этому поводу сказать не смогу. Тут было названо имя — Валерия Гай Германика. Я вчера не поверил своим ушам, услышав, что она говорит. Такое существо с пирсингом в нижней губе, у нее взяли интервью перед фестивальным кинотеатром. «Да какое кино? — переспрашивает она журналиста. — Типа — развлечение. Хватит вам, типа, припариваться-то. Ну чего?» Очень агрессивная «пэтэушница». А внизу на экране было написано, что это явление имеет отношение к 61-му Каннскому фестивалю. Я подумал, что у меня телевизорный вирус. К счастью, услышал, что такой человек есть и даже отмечается как некое явление. Это, скорее, проявление, безусловно. Как бывают, знаете, проявления дурных болезней. А чего, собственно, тогда и обсуждать?

Вот почему нет кино как «неразвлечения»? Потому что нет никаких трех или четырех народов. Есть один народ, причем он населяет не только нашу страну. Я заранее прошу прощения за свой абсолютный пессимизм. Так же отношусь к перспективам литературы и прочих похожих занятий. Хорошо идет только нанотехнология. А все остальное — это «чего припариваться-то?». Есть один народ, который хочет смотреть такое вот кино. Неразвлекательных фильмов нет, потому что они никому не нужны. Говорить о том, что можно вернуть деньги или заработать их на настоящем кино, мне кажется, бессмысленно, как бессмысленно говорить о том, что можно заработать приличные деньги на настоящей литературе. В сущности, демократия — везде — была неполноценной до тех пор, пока не восторжествовала в культуре. Можно сколько угодно говорить о демократических принципах, но все они сводятся к одному: демократия — это власть большинства. Но в культуре, как правило это власть тупых троечников, даже не двоечников. Серых троечников больше, чем ярких двоечников. Вот и всё. Понимаете, когда мне (я на секунду вильну в более знакомую мне сферу) говорят, что Сергей Минаев — писатель, я развожу руками. Или посыпаю голову пеплом. Он же водочный маркетинг-директор... Мне объясняют, что такова горькая судьба нашей страны. У нас же национальная гордость великоро́ссов, всё хуже, чем у всех. Но это не так, пото-

му что мировые звезды Уэльбек и Бегбедер — хуже Минаева. Единственное, что их отличает, — это то, что в Европе, в частности во Франции, надо писать на очень чистом, практически школьном языке, на языке Расина. У Минаева на первых трех страницах девятнадцать раз встречаешь слово «является». Понимаете? И при этом — абсолютные рекорды продаж. И ничего с этим не сделаешь.

Я пытался когда-то заработать деньги литературой, и честный редактор мне сказал: «Так, по истории нормально, но написано хорошо. Не пойдет». Я спрашиваю: «Что, специально надо хуже писать?» «Не сможешь. Эта способность — от природы». Троечники, которых всегда абсолютное большинство, хотят такого «кина», чтобы не «припариваться». И им будут давать деньги на их произведения. Тоже — чтобы не «припариваться». И ничего вы с этим не сделаете. Те несколько тысяч (даже не десятков тысяч) кинозрителей, которые хотят другого кино, могут не браться в расчет. С экономической точки зрения они абсолютно никому не интересны. На них, в сущности, наплевать, их вклад в кассу — в рамках погрешности. Конечно, есть несколько сумасшедших меценатов, которые сами не очень хорошо разбираются в искусстве, но им кто-нибудь объяснит, что заявка (или сценарий) серьезного автора обещает хорошее кино. И если этому советчику конкретный меценат случайно доверяет, то он может дать деньги. Но думать о том, что хорошее кино может стать значительной частью общего потока, мне кажется, абсолютно беспочвенная иллюзия.

Дефицита историй быть не может. Дефицит архетипических историй сохраняется в драматургии столько времени, сколько она существует. Он никому еще не мешал, потому что всегда будет интересно, как человек решил жениться — и что из этого вышло, как он пошел на войну — и что из этого вышло. Этих мегасюжетов немного. Но есть дефицит мастерства: те, кто сейчас сочиняет для кино, не видят того, что их окружает. Истории — нет. Мы находимся внутри эпохи постмодерна. Но нельзя в ней жить, при этом переживая чуть ли не неолит. Вот находишься внутри некоего времени и не знаешь, что это... на самом деле — неолит. Нельзя пребывать внутри первобытнообщинного строя и осознавать это. В нашем постмодернистском времени нет Истории. Соответственно, и в искусстве, которое создается в постмодернистскую эпоху, нет осмысления, ощущения, переживания Истории. И те, кто начинает придумывать истории (сюжеты), ее не видят. Поэтому они либо в рамках жанра двадцать седьмой раз не очень удачно перепевают архетипическую конструкцию, либо вообще ничего сочинить не могут, концы с концами не вяжут и о чем фильм или книжка даже сами сказать не берутся.

Теперь насчет отсутствия актуальных тем и заодно о самоцензуре, дани коммерции и моде на римейк. Некоторое время назад я сочинил некую историю, как бы заявку на фильм. По любым меркам жанрового кино это должно было быть такое средней руки произведение, скроенное вроде бы по канонам известного поджанра, который процветает в американском коммерческом кино. Боевик о покушении на президента. В Штатах таких фильмов выходит три-пять в год в категории «А», Брюс Уиллис, например, снялся по меньшей мере в трех. Это просто подвиг — предотвратить покушение на президента. Я отдал свою заявочку одному хорошему режиссеру. Он мне ничего не ответил, и я на него обиделся. А потом мне мой приятель объяснил: «Дурак же ты какой-то, бестактный. Ставишь режиссера в неловкое положение, как будто он трусит. Да, в Голливуде есть такой поджанр в боевике, но у нас его нет и быть не может». Я говорю: «Да как же, там ничего крамольного нет. Во-первых, президента не убили, во-вторых, хороший эфэсбэшник его спас. По всем канонам хороший. Замечательный, спившийся эфэсбэшник, обиженный на своих по каким-то причинам. Спас президента. Все хорошо. Нет ничего пасквильного, все нормальное, «охранительное». «Ты идиот!» — сказал мне мой приятель, совершенно справедливо. И рассказал свою историю. Как он тоже носился с одним проектом. Его свели с неким олигархом из «приру-

«Дикое поле», режиссер Михаил Калатозишвили

ченных». И олигарх сказал: «Нет, денег не дам, зачем мне нужен этот геморрой?» Этот человек ему: «Ну что вы? Это же охранительная история». На что олигарх произнес слова, делающие честь его уму и прямоте: «Охранительная? Охренительная! Поручения такого не было, денег не дам». Поэтому, понимаете, все уже ясно. Кстати сказать, я думаю, что такая «осторожность» по отношению к реальности очень сильно ударит по жанру. Потому что про внутренности человека — пожалуйста, снимай: кому это интересно, кто это смотреть будет? А вот про события — лучше не надо.

Я закончу тем, с чего начал. Мне кажется, говорить о том, что можно совместить некую разумную окупаемость и серьезное кино, в наше время практически бесполезно. Если мне кто-нибудь покажет сделанное в последние годы — пусть даже не у нас — настоящее большое кино, которое гуляет не только по фестивалям, но и приносит десятки миллионов в прокате, я сразу со всем соглашусь. Но такого кино нет, повторюсь напоследок, потому что демократия восторжествовала полностью и процесс ее построения, можно считать, завершен.

Д.Дондурей. Такое выступление могло бы быть и финальным.

Нина Зархи. Я хотела бы внести некоторые уточнения, просто в связи с тем, что вы, Александр, может быть, не смотрели многие новые картины. Когда Даниил говорил об окупаемости, коммерции и т.д., то он имел в виду не только блокбастеры, собирающие запредельные миллионы, но прежде всего нормальный человеческий мейнстрим, который знает свою аудиторию, не портит вкус, обращается к актуальным темам. К тому, что волнует вполне здравых людей. И такое кино в принципе есть, например, в бывших дружественных странах. Там оно есть, что удивительно. Прежде немцы, например, никого не поражали своим мейнстримом. У них все сдвинулось после падения Берлинской стены. Но они начали именно с *актуального* кино. И оно сразу же стало приносить деньги. Конечно, не такие, как «Звездные войны», но мы не про это кино сейчас говорим. Мы обсуждаем отсутствие нормального мейнстрима, интересного, в частности, для молодого зрителя. Ну, предположим, таких картин, как «Питер FM». В Германии почему-то делается актуальный «поток», фильмы которые говорят о времени, в которых люди узнают себя. Такое кино находит своего зрителя, поскольку — извините, это «Волга впадает...» — проблемы героев — это его проблемы. И еще — потому что публика к нему при-

учена — его делают. В Англии нормальный, качественный социальный мейнстрим — норма. Он тоже, конечно, не побивает голливудские блокбастеры. И, прошу прощения, скажу о Валерии Гай Германике. Вы, наверное, не видели ее картину «Все умрут, а я останусь». Но, бросая свое лихое «хватит припариваться», она на самом деле «парится» и делает острое кино. Не для развлечения. Сейчас — супермодное в узких кругах. Оно может нравиться или не нравиться, но это не «Жара», не псевдокоммерция ниже уровня моря. Это продукт «Кинотеатра.док» со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами.

А.Кабаков. То есть, переходя на категории эстрады, не Киркоров, а Шнур.

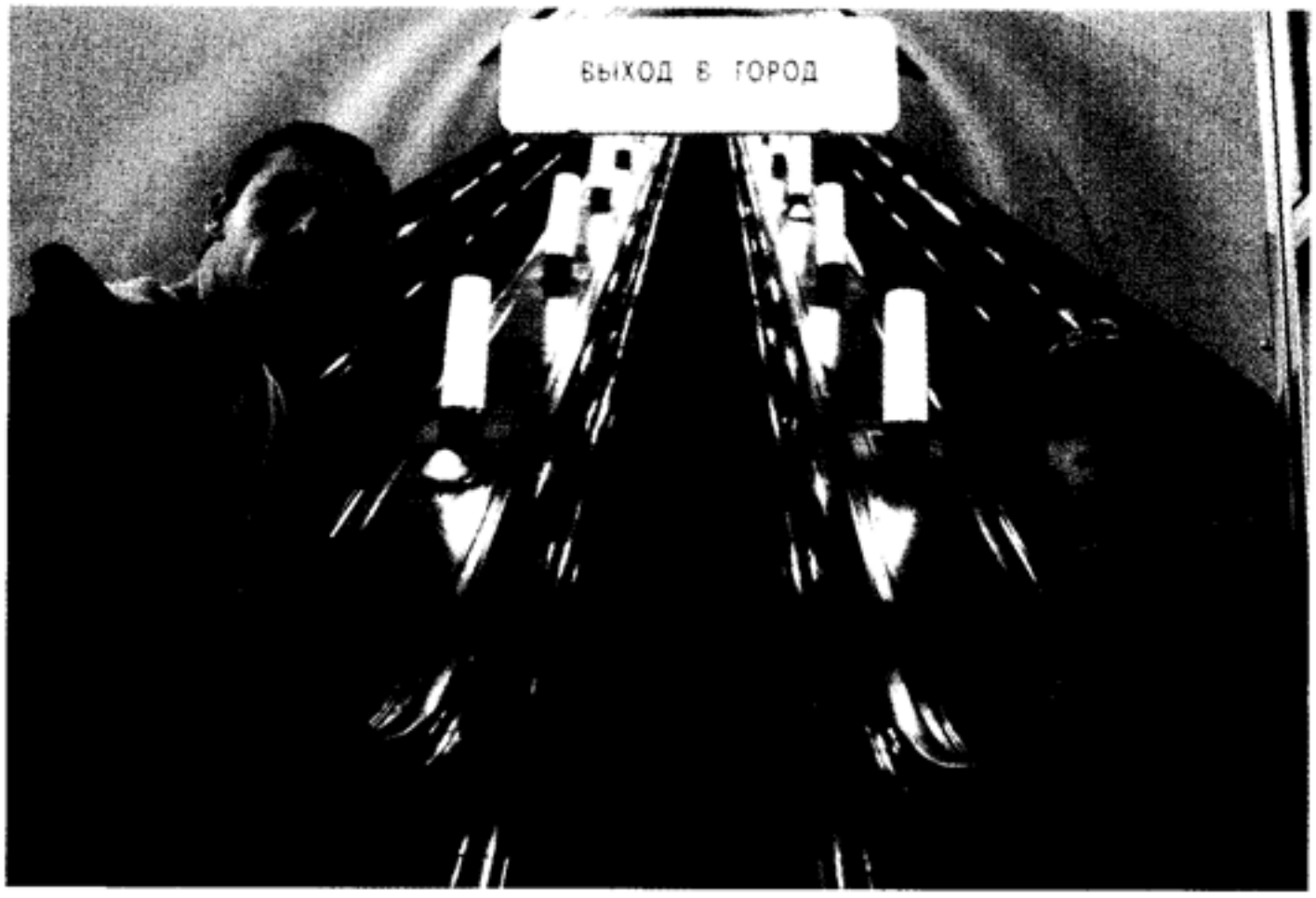
Н.Зархи. Скорее всего.

Андрей Дмитриев. Пессимист я или оптимист, не знаю. Но знаю, что из профессии надо уходить, если хочешь сохранить себя. И это, скорее, оптимизм. Есть какой-то шанс жить дальше и не потерять себя. Но я, конечно, не могу просто так уйти, потому что это же профессия. Конечно, я понимаю, что не вхожу в клуб лучших кинодраматургов — я реализуюсь в прозе, но кинодраматургическую лямку я почти тридцать лет тяну, сразу не бросишь...

Что касается кризиса драматургии. Кризис — дело такое: больной либо выздоровел, либо помер. Кризис — это момент высшего напряжения ситуации. Я не боюсь его, я боюсь энтропии, гниения, упадка. Мы должны понять, есть ли признаки такой энтропии. Сделаю небольшой, к сожалению, уже исторический, экскурс. В конце 70-х — начале 80-х годов, когда я заканчивал ВГИК, у нас уже было некое представление о профессии кинодраматурга и о сущности его мастерства как, конечно же, об особом функциональном виде или жанре, специфической литературе. Евгений Григорьев, мой мастер, говорил: «Вы пишете собрания сочинений». Предполагалось, что сценарий — это высказывание, это выражение авторской позиции: человеческой, гражданской, политической — какой угодно. Сценарий — это попытка делать искусство. Под этим, конечно же, чаще всего подразумевался самый простой ход: кино антижанровое, антисюжетное, авторское. Если люди сложно и замысловато говорят ни о чем, то, наверное, это что-то умное. Но были и иные представления. И, конечно, при всех проблемах, при всем кошмаре советской власти, надо сказать, что, по крайней мере, сильна была оппозиция сценаристов даже не власти, а существовавшему положению вещей. Было стремление создать некий мир, который был бы воспринят зрителями и воспринят ими как их мир. Тогда, конечно, все доходило до крайностей. Поэтому сценаристы пытались писать не сценарий, а как бы прозу. Одним полушарием своего сознания прозу, другим — сценарии.

Были два еретика в ту пору, один из них сидит сейчас напротив меня, — это Валентин Константинович Черных, который, особенно после выхода замечательного фильма «Москва слезам не верит», приходил к нам на занятия и настойчиво убеждал: «Сценарист должен не самовыражаться, а планировать успех». Это казалось чем-то вызывающим. Как это — планировать? То, где зритель засмеется, а где заплачет. Речь уже шла о приоритете профессии над великими художественными замыслами, озарениями и высокими мечтами. Тогда это казалось чем-то немыслимым, ересью. Кощунством. Другой еретик — Эдуард Яковлевич Володарский. В ответ на упреки в том, что он наряду со сценариями фильмов Алексея Германа пишет киноверсию романа Стаднюка «Война», мастер рассердился и в журнале «Искусство кино» опубликовал свою знаменитую в ту пору статью, которая называлась «Профессия — профессионал». Смысл этой вызывающей статьи заключался в том, что сценарист — это не писатель. Ему заказывают все что угодно, хоть Стаднюка, хоть телефонный справочник. И он этот — любой — заказ обязан качественно выполнить. Тогда высказывание Володарского было воспринято как апология цинизма. На самом деле это, конечно, была попытка защитить профессию от высокопарных разговоров об «искусстве», дающем индульгенцию непрофессиональной, абсолютно пустой невнятице.

Сегодняшняя ситуация — какой-то новый этап по пути крайностей. Если бы победила позиция Черныха и Володарского, сегодня кинематограф был бы в нормальном состоянии. Когда самовыражение, попытка делать искусство и жесткий профессионализм встретились бы. Но произошло совсем другое. Кинематограф, особенно кинематограф, связанный с телевидением (а бóльшая его часть связана сегодня с ним), производит на меня впечатление полной безыдейности, полного отказа от искусства, от какой-нибудь позиции. В нем царит абсолютное презрение к зрителю и готовность делать все, что при-



«Шультес», режиссер Бакур Бакурадзе

кажет заказчик. И на этом пути произошла страшная вещь именно с мастерством. Под профессионализмом понимается готовность гробить профессию. У нее есть свои железные законы, и, даже сопротивляясь ей, так сказать, как «ищущие художники», мы все равно действуем, исходя именно из них. Когда все говорят, что в серии ради соблюдения сериального формата персонаж должен болтать все что угодно и как можно дольше, нарушается один из основных законов профессии — экономия выразительных средств. Нас учили во ВГИКе: три слова — метр пленки. Сейчас пленки нет, а слов — миллионы. Бессмысленных и беспощадных. Бла-бла-бла.

Есть (и должно быть) развлекательное кино, но сериалы — это не развлечение, это времяпрепровождение. Это убийство времени, они ведь даже не развлекают. И сейчас мы находимся в ситуации, когда сценаристу говорят: сделай так — и он отвечает: хорошо. Сделай по-другому — хорошо. Мне Алексей Слаповский сказал, что он порвал с Первым каналом, даже не закончив работу, а уж, казалось, какой был любимец. В советские времена начальники над телевидением были посмешищем, потому что они постоянно, чтобы напустить туману и важности, говорили: «Тут не тот темпоритм». Было у них такое выражение, хотя слово и имеет смысл, но они его вставляли везде. Таких слов теперь десятка два, абсолютно бессмысленных, которые разрушают профессию. Счастье Голливуда не в том, что там много денег и готовые мифы, а в том, что Голливуд вообще не связан с каналами. Он может с ними сотрудничать, но никакой зависимости от ТВ у голливудских компаний не существует.

Я сейчас вспоминаю начало 90-х, когда всем надо было как-то спасаться. В принципе мы были готовы на любую работу, но даже «любая» нам не удавалась. Потому что ни тех денег, о которых говорит Даниил Дондурей, ни многого другого не было. Было что-то непонятное: странная жизнь и полная не-

известность — никто не знал, что, как и куда пойдет. Подобная ситуация была в разрушенной войной и побежденной Италии в 40-е годы: тогда в стране были тучи похитителей велосипедов. И фильмы снимали про это. Может, сейчас скучно смотреть неореалистическое кино, но кинематографисты Италии не предали своего зрителя. А у нас стали на деньги похитителей миллионов делать картины про похитителей миллионов. Плохие, естественно.

Понимаете, какая штука? Кинематограф предал своего зрителя. Это страшная ситуация, она разрушила кинематографическое сознание. Поэто-

«Все умрут, а я останусь», режиссер Валерия Гай Германика

му сценарист сегодня — человек без позиции. Я сейчас огрубляю, обижаю, может быть, опошляю ситуацию, но у меня, действительно, когда я смотрю наши фильмы, складывается ощущение, что авторы — люди, не имеющие собственных взглядов, интересов, идей. Делающие кино для тех, кто им платит, для фестиваля, чтобы потусоваться. И не понятно, на каком материале, о какой стране. Узнать страну на экране все труднее. И в общем-то, существует кризис не мастерства, а мировоззрения, извините за пафос. Кризис внутренних установок. Может, это связано не в последнюю очередь с тем, что у нас нет профсоюза. Нет кодекса поведения, который отстаивали бы все. И при этом отстаивали бы друг друга.

«Чем можно объяснить недостаток новых мифов, героев, жанров и конфликтов?» — спрашиваете вы. Тут даже я не знаю, что ответить, потому что словосочетание «новый миф» вообще звучит довольно странно. А вот мода на римейк, о которой вы говорите, вызвана именно тем, о чем я только что сказал. Ведь что такое римейк прежде всего? Это удобный бизнес-план. Потому что все уже сделано или кажется, что сделано. Вроде бы, значит, есть гарантия, что повторение известного и популярного тоже принесет успех и прибыль. На самом деле, конечно, как говорили раньше, «бестемье» — причина обращения к старому и проверенному.

Конечно, надо сопротивляться этой глупости, которая называется «сериальным форматом». Если есть возможность не писать сериалы — не надо этого делать. Я имею в виду не многосерийный художественный фильм, его-то как раз делать стоит, а не поддаваться, по возможности, заказываемой

мерзости. Потому что это извращение и разрушение профессии. А значит, и самих себя. И кинематографа. Потому что кроме нас в кинематографе нет никого. У телевидения свои задачи, у кино — свои. Но главная цель — чтобы кино и зрители встретились вновь.

Мне не нравится фильм Говорухина «Ворошиловский стрелок», и я помню реакцию коллег на него. Мне очень не нравится проповедь самосуда, потакание низменным инстинктам толпы. Но я не могу забыть, как зрители в 1999 году смотрели картину на фестивале в Выборге. Как они сопереживали герою, как аплодировали режиссеру! Это была благодарность людей, к которым раньше стояли задом, а теперь повернулись лицом. Вот на что зрители отреагировали.

Валентин Черных. Есть ли кризис драматургии? Я думаю, что есть. Вот я прочитал статью Даниила Дондурея в «Российской газете» и абсолютно с ней согласен. Сейчас происходит смена караула, то есть уходит наше, старшее, поколение и приходит новое. Это началось лет семь назад. Мои сверстники выпали из тележки, абсолютно все. И режиссеры, и сценаристы. Потому что произошел слом: идеологический, социальный, художественный. Нас, профессионалов моего поколения, осталось человек десять, наверное. Мне как-то повезло: я все еще нахожусь внутри процесса — преподаю во ВГИКе, руковожу одной из студий на «Мосфильме». Благодаря этому я вижу кризис вблизи, в деталях: уходит одно поколение и приходит другое. Если у меня на студии появляется режиссер старше шестидесяти, я с ним практически дел не имею, а вот со сценаристами этого возраста — охотно. Потому что они стареют — творчески — намного позже и владение профессией сохраняют дольше. Преимуществ у них больше, чем у режиссеров. Если говорить о молодых драматургах, то для них наступило удобное время — появились сериалы. Все наши выпускники работают сейчас в основном на сериалах, а не в кино.

Вот говорят, что наше довоенное кино воспитывало патриотизм, такие бодрые фильмы. Но именно они подготовили и пленение миллионов советских людей, которые были не готовы ни к обороне, ни к войне. Нечто подобное происходит и сейчас. Молодые люди мгновенно понимают, кто и что стоит за тем или иным заказчиком. Вот Первый канал показывает определенную продукцию, и все подделываются под его интересы — его, Первого канала, формат. НТВ делает мужское брутальное кино, и туда несут соответствующие проекты. «Россия» имеет свою специфику, ТНТ или РЕН ТВ — свою. И вот сценаристы, которые всегда имели хорошее чутье, мгновенно ориентируются. Это нормально, так всегда было. Я помню, что когда я был в секретариате Союза — при Элеме Климове, Камшалова назначали председателем Госкино. Собрался весь секретариат, и решали: пускать его во власть или нет? Сегодня уже никто с нами не советуется и советоваться не будет. Кино не может существовать без государственной поддержки, это точно. Когда Дондурей говорит, что деньги есть, он опускает, что их не так много. Бизнесмены не хотят вкладывать деньги в кино, потому что они хотят их быстрого возврата, как с пивом. Кино — долгосрочные проекты. Я вот сейчас прочел «Мартиролог» Андрея Тарковского и подумал, что он бы сегодня, в нынешних условиях, не выжил. Потому что он точно и четко планировал, как шантажировать Сизова, Ермаша, как нажать на какие-то политические кнопки. Сегодня есть одна кнопка — деньги.

Идей в ближайшее время, я думаю, не будет. Потому что нет идеи в государстве, в обществе — мы не знаем, где мы живем. Какие принципы надо отстаивать. Все очень патриотично, когда мы говорим о прошлом, но мы не обсуждаем наше будущее.

Д.Дондурей. Спасибо вам за консолидацию и единение точек зрения, которые здесь возникают. Послушав Валентина Черныха, можно сказать, что нам надо было бы ограничиться приглашением трех руководителей телеканалов и их послушать.

Катя Шагалова. «Кризис драматургии — дефицит историй или мастерства?» Мне кажется, однозначно — второго. Сейчас не модно быть профессионалом, нужно быть самоучкой. Но я, например, горжусь тем, что училась во ВГИКе у людей, которые могли дать азбуку профессии. Хорошо, что сегодня открываются возможности для всех сценаристов, — вот деньги, любые темы, все, что ты хочешь. Но считаю, что ты можешь писать про что угодно и делать что угодно, но если ты не профессионал, то иди в самодеятельный театр, в любительскую студию. Есть, конечно, и самодеятельное кино — там тоже есть самородки. Но это всегда единственное число, а не повальное явление. Да, Смоктуновский не кончал ВГИК, но он был гений. Вот некоторые наши режиссеры сейчас приглашают сниматься только людей с улицы. Я сейчас про драматургию на этом примере постараюсь объяснить. Выпустите самодеятельного артиста на театральную площадку, дайте ему задачу, и он, если вокруг него настоящие профессионалы, будет выглядеть убого. То же самое в кино. Я сейчас внесу, наверное, очень крамольное предложение. Прежде чем взять режиссера или сценариста на нормальный проект, нужно посмотреть его дипломную работу. Иначе мы будем продолжать делать телевизионную муру. Я, например, если смотрю сериал, понять не могу: от кого героиня сделала аборт, почему она потеряла ребенка, что это за мужик с ней рядом. И вообще, что это за люди на экране такие? Мне артисты жалуются — те, с кем я работаю: «Катя, текст сериалов невозможно «взять в рот!» А все потому, что это продукция мальчиков и девочек, которые закончили двухнедельные курсы сценаристов. Друзья мои, есть более денежные профессии! Я уважаю профессионалов и всегда буду на их стороне. Сегодняшний кризис драматургии — от засилья дилетантов. Посмотрите любой советский многосерийный фильм. Да, что-то устарело, кажется архаикой, но смотришь, не отрываясь, потому что сделано хорошо. Итак, самородок — это человек в единственном числе, уникум, а самоучки — это самодеятельность.

Н.Зархи. К сожалению, сегодня не смогла прийти Наталья Рязанцева, с которой все наши сценарные беды мы постоянно обсуждаем. Журналу необходимы как минимум пятнадцать сценариев в год, в № 12 мы собираем три-четыре — своего рода драматургическая витрина, итоги цеховой работы. Для того чтобы найти что-то интересное, приходится прочесть шестьдесят — восемьдесят. Я разговаривала и с Юрием Арабовым, преподающим во ВГИКе, и с Павлом Финном, и с Людмилой Голубкиной. Все мастера говорят, что в сценаристы сегодня идут талантливые люди. Конкурс во ВГИК и на Высшие курсы огромный. Я не знаю, куда потом исчезают все эти таланты. Каких-то людей мы потом видим в кинематографе, но чаще всего они, конечно, уходят в телевизионную рутину. Мы печатаем сценарии молодых, часто — дебюты. У журнала, надо сказать, легкая рука. Многое из напечатанного состоялось, найдя своего режиссера или продюсера. Е.Долгопят, Д.Червяков, А.Гоноровский, А.Пальчикова, О.Шевченко, Н.Репина, М.Рахлин привлекли к себе внимание, появившись в «ИК».

Павел Финн. Дискуссия вроде бы предполагает какой-то спор. Но я со всеми согласен, абсолютно. Мне очень понравилось то, что Андрей Дмитриев сказал. Это то, о чем и я думаю. И в мастерской, в которой я имею радость и честь преподавать на Высших сценарных курсах, ведя ее совместно с Владимиром Хотиненко, я тоже все время напоминаю о неореализме. Я узкий специалист, уж не говоря о том, что представляю как раз то самое поколение, о котором Валентин Черных сказал, что оно уходит. И действительно, уходит. Я считаю себя профессионалом или ремесленником — это примерно одно и то же. Могу признаться, что главными моими университетами стали съемочные площадки — когда стали снимать по моим сценариям. Там я учился. Во ВГИКе, конечно, тоже учился, хотя все больше веселился. Но во все времена мне говорили, что писать надо лучше, добиваться качества. Сейчас это требование как-то ушло из нашей жизни. Получается, что писать надо хуже, тогда придет успех. Особенно это заметно по телевизионному кино.

Что значит «узкий специалист»? Я все-таки вынужден, несмотря на то что ухожу вместе с поколением, собственным трудом зарабатывать деньги, что, конечно, естественно. Зарабатывать их становится все сложнее и сложнее. Не потому, что нет предложений, а потому что в большинстве своем авторы пишут плохо. И то, чему нас учили, и то, что мы переживали в те времена, когда сценарий был феноменом если не культуры, то, по крайней мере, кинематографа, сегодня не имеет никакого спроса. А ведь были времена, когда погоду делали Габрилович, Шпаликов, Гребнев, Лунгин и Нусинов, Клепиков,

«Тюльпан», режиссер Сергей Дворцевой

Дунский и Фрид, Миндадзе, Григорьев... Сейчас сценарий перестал быть не только «феноменом» — техника, мастерство вообще не принимаются во внимание. Поэтому стало писать труднее, труднее жить, труднее зарабатывать на жизнь. Мне кажется, что связано это с проблемами производства — все они присутствующим хорошо известны. Так что сегодняшняя тема должна рассматриваться в общем киноконтексте. Качество сценария и условия производства идут параллельным курсом. Свойства сценария не имеют, на мой взгляд, никакого значения для общего состояния кинематографа. И это наша беда, драма нашей профессии. Я не сомневаюсь, что и Юра Арабов, и Наташа Рязанцева выпускают замечательных учеников, многих я знаю. Но их тоже затягивает страшная воронка. Мы не можем обороняться от агрессии американского кино. Я его не критикую, поскольку люблю. Но так исторически сложилось, что именно его глобализм перевернул весь кинематограф XX века. Увы. И с этой агрессией нам не совладать, она имеет гигантское количество агентов, своих представителей, а качество этого кино столь высокое, что ему очень тяжело противостоять.

Вторая агрессия — телевизионная. Нельзя сказать, что на телевизионном экране совсем нет ничего интересного. Это не так, но общий уровень... Вот тот молох, который требует беспрерывных жертв. Он ведь все время хочет есть, и необходимо питать этого телевизионного молоха... Телевидение, как страшная воронка, втягивает всех тех, кого мы учим. Это ужасно. И непреодолимо. Это не то, что называется «нечто, спущенное сверху», предписанное властями. Время такое. Мы живем в эпоху катастрофического понижения культурного уровня, это относится и к кино, и к литературе, и к чему угодно. Мы живем в эпоху, когда перестали появляться гении. У нас нет тех вождей, лидеров, что были когда-то. У нас нет новых сильных импульсов, необычных замыслов, свежих идей. Все это очень печально. И, судя по атмосфере, все пес-

симисты, и я пессимист. А источник для оптимизма... Он только в императиве — о нем часто говорил мой замечательный друг, режиссер, с которым я имел счастье работать, Илюша Авербах: «Писать надо лучше». Вот единственный способ борьбы.

Недавно, разговаривая по телефону со Светланой Кармалитой, я спросил про их с Германом фильм: «Как кино?» Светлана произнесла гениальную фразу, которая заставила меня еще больше уважать эту пару, она сказала: «Нам нужен еще год, чтобы закончить. Все нормально, но нужен еще год». Вот удивительная способность противостоять всему на свете. Но он, Герман, один такой, мы все не можем себе этого позволить. Поэтому, собственно, и имеем то, что имеем. Мы абсолютно потеряли интерес к впечатлениям, и в первую очередь к впечатлениям сегодняшнего дня. Если пишущие, понимающие, чувствующие люди не обратятся к живой действительности, ситу-

«Бумажный солдат», режиссер Алексей Герман-младший

ация станет гораздо более драматической, чем всем нам кажется. Если мы не обратимся к реальности, тогда дискутируй не дискутируй — кризис драматургии будет всегда.

Дмитрий Нестеров. Слушаю выступающих, и прямо жить не хочется. У меня другое ви́дение ситуации. На мой взгляд, понятие массового кино практически отходит, фильмов для миллионов сегодня нет. Сейчас все, и даже в Голливуде, работают в разного рода нишах и нишевых каналах. Все голливудские студии создали специальные компании: «Фокус-фильм Юниверсал», «Парамаунт классик» — для того чтобы классическое, интеллектуальное кино зарабатывало деньги. Когда мы судим, успешный проект или нет, мы рассматриваем соотношение потраченных и полученных средств. Если исходить из количества денег, собранных на одну копию, то самый успешный фильм — «Париж, я тебя люблю». Так что в том случае, когда соотношение потраченных и полученных денег правильное, проект можно считать выгодным. В такие проекты и надо вкладываться, и кино будет развиваться. Во всех странах сейчас бум национальной кинематографии, и делают они, конечно, в основном, не очень дорогой или совсем недорогой мейнстрим, а не суперблокбастеры.

Что касается телевидения... Наша компания представляет американскую HBO, и мы гордимся тем, что она производит сериалы фантастически высокого качества, действительно, потрясающе рассказанные истории. В конце концов и в России появится телепродукция такого качества, потому что зрителя ведь не обманешь. Вернее, долго его обманывать нельзя, не получается. Если вы посмотрите на аудиторию каналов, увидите, что падает доля центральных каналов. И через два года появятся нишевые каналы с совершенно другим продуктом. И сейчас уже идет размежевание, связанное с попыткой выйти на своего зрителя. Например, ТВ-3 позиционирует себя как канал фантастики. Будут востребованы новые жанры, новые подходы. Это неизбежная ситуация, ее стимулирует рынок. На Западе в профессиональной среде тоже спорят о путях развития кино, о поиске новых возможностей. Я согласен со Стивеном Спилбергом, который утверждает, что кинематограф не умрет, поскольку техническое производство становится все дешевле и дешевле. Благодаря появлению новейших камер лет через пять чуть ли не каждый сможет снимать фильмы. И мы уже знаем примеры: фильмы, снятые за сто тысяч долларов, принесли десятки миллионов. Вы можете спорить со мной, однако не только Спилберг, но и очень многие в Голливуде считают, что техника сильно повлияет на искусство.

Возьмем моду на римейки в отечественном кино и на ТВ. Это вовсе не новая тенденция. В Голливуде 30—40 процентов ежегодных запусков — римейки. Конечно, это связано с американской моделью киноиндустрии, с технологией продажи звезд, которым нужны очень хорошие роли. Опять же, там учат писать истории, в которых актерам есть где разгуляться. Не важно, оригинальные это сценарии или перелицовка опробованных. Самое главное, что римейки — это те самые фильмы, в которых есть замечательные звездные роли, они хорошо покупаются и дома, и за границей. И если в 60—70-е годы американцы покупали в основном французские фильмы и делали комедии, то сейчас Китай, Южная Корея, Япония — это в первую очередь жанровое кино, фильмы ужасов, триллеры. Колоссальная индустрия. Соответственно, когда принимается решение о покупке и производстве римейка, то соблюдаются три главных критерия. Это должен быть четкий, понятный жанр, интересные роли для главных героев и универсальная история.

Если говорить о телевидении, сейчас половина всех сериалов, которые у нас производятся, — римейки успешных зарубежных телеформатов. И Россия здесь тоже не исключение, это глобальная тенденция. Три года назад, когда мы начинали подобную работу с сериалом «Не родись красивой», в успех мало кто верил. Сейчас это тренд. Хочешь быть успешным — адаптируй отличную зарубежную схему к местным условиям. Никто не хочет покупать

французское и американское телекино или сериалы. Потому что аудитория не хочет их смотреть. Все хотят смотреть российские фильмы — про жизнь здесь, у себя дома. И сейчас это действительно огромная многомиллиардная индустрия. Хотим мы этого или не хотим, рынок глобальный, и идеи перетекают из страны в страну. Нет уже прежней ситуации, когда сценаристы — французские, российские, бразильские — варились в собственном соку. Сейчас, кстати, стоимость нашего производства столь велика, что дешевле пригласить высококлассного специалиста — оператора, монтажера, художника — из другой страны: это будет стоить дешевле.

На телеканалах — странная картина: продюсеры все как один жалуются на отсутствие сценариев. Сценаристы же, в свою очередь, говорят: мы пишем-пишем, а там на ТВ сидит непонятно кто — люди, не способные принять адекватные решения. Сценариев, действительно, почти нет. Как только появляется приличный сценарий, за него начинают биться и в конце концов находят деньги. Мне кажется, самая большая проблема в том, что наши кинодраматурги не понимают, что есть такое понятие — «кинобизнес». Россия пошла по американской продюсерской модели, где есть три составляющие: кино — это и искусство, и индустрия, и бизнес. А это требует особого профессионализма и особого отношения к делу. Это значит, что сценарист должен учиться постоянно, а не быть «гениальным на всю жизнь». Надо все время повышать свою квалификацию. У нас ничего подобного нет. Второе: автор должен работать четко по плану и вовремя сдать материал. Это тоже часть индустрии. Телевидение в целом в какой-то момент сыграло положительную роль в развитии кино. Приехали американские консультанты и показали, как надо работать. Был качественный прорыв. Сейчас телевидение, я соглашусь, играет отрицательную роль, потому что авторы привыкли зарабатывать легкие деньги. Действительно, зачем им мучиться над сценарием полнометражного фильма, когда они могут, потратив гораздо меньше усилий, получить большую сумму денег. Безусловно, страдает качество. Но рынок есть рынок. И ситуация у нас придет к тому, к чему она должна прийти.

Я считаю, что рынок, как это ни страшно звучит, хорошая штука, потому что выживают самые талантливые и мастеровитые — сильнейшие. Это действительно так. В России уникальная ситуация; когда ее описываешь иностранцам, они удивляются, потому что там из ста тысяч сценариев один запускается в производство. Один. А у нас из тысячи — сто. Только цена должна соответствовать качеству — и все будет хорошо.

Д.Дондурей. Павел Финн призывал нас к тому, чтобы у нас появились другие точки зрения. И вот современный рынок в вашем лице с оптимизмом отвечает на наши печальные ощущения происходящего.

А.Кабаков. В нашем разговоре возникла тема возрастного рубежа, абсолютно очевидного. Теперь, после этого выступления, все встало на свои места. Мы говорили, как все отвратительно, а наш визави сказал: именно потому и отвратительно, что все обстоит именно так, как вы сказали. Вопрос в том, что называть «хорошим сценарием». Вы сказали, там, на каналах, «сидит непонятно кто». Но вы неправильно сказали. Понятно, кто там сидит. Сидят люди, которые знают, что такое хороший сценарий. Тот, который мы видим экранизированным: включите телевизор.

Д.Нестеров. Ситуация сейчас не такая, как вы считаете. Рейтинги сериалов почти на всех каналах упали, те темы, которые раньше работали, уже не работают. Сейчас люди на каналах думают, что же делать дальше. Поэтому на первое место, надеюсь, выйдет качество. Зрителя не обманешь.

Согласен, должна быть четкая система координат в оценке сценария. Система работающих критериев. Давайте начнем с этого. Мы организовали сценарное агентство, довольно успешное. В чем проблема? Критерии у всех совершенно разные. Сценаристы приходят и рассказывают: «Эта история о том, что...», и нам сразу становится понятно: мы говорим с ними о разных

вещах, мы не сойдемся. Потому что, как вы знаете, в основе любой истории лежит конфликт. Вот если автор способен представить нам героя, его антагониста, тип и суть конфликта между ними, мы понимаем, что говорим с автором на одном языке.

Елена Гремина. Я себя чувствую инопланетянином, как будто живу в какой-то другой стране, общаюсь с другими людьми. И вижу другие вещи. Может быть, потому, что у меня о чем-то чуть больше информации. Вот многих здесь, в частности Александра Кабакова, эпатировал внешний вид Леры Гер-

«Пленный», режиссер Алексей Учитель

маники. Но если бы вы посмотрели ее документальные фильмы, очень резкие, честные, аутентичные, вероятно, у вас сложилось бы совсем иное впечатление об этом молодом режиссере. Но вы, Саша, построили свою очень талантливую речь на видимости. Я боюсь, что вот на таких видимостях мы строим многие наши заключения. Может, это и есть тенденция, наша общая болезнь, которая и разлучает нас с реальностью. Поэтому я попытаюсь сказать только о том, что знаю.

Здесь прозвучали слова, демонизирующие телевидение и все, что с ним связано. Но знаете ли вы, что те люди, которые раньше смотрели авторское кино, сейчас смотрят потрясающие американские сериалы, такие, как «Доктор Хаус»? Я считаю, что это настоящее искусство. А актера, который играл главную роль в «Клане Сопрано», я уверена, Станиславский взял бы в свой театр и он бы стал там премьером. Это не просто хорошо сделанная вещь, это искусство. Продукция компании HBO, кстати, у нас шли «Клиент всегда мертв», «Шесть футов под землей» — номинанты на «Оскар», получившие множество «Эмми». Эти сериалы — те же современные романы, как у Диккенса или Бальзака, только про сегодняшнюю жизнь. Играют там все потрясающе, сценарии замечательные. И это тоже реальность. И отрицать телеработу в принципе, как будто бы она не дает примеров и возможностей для настоящего творчества, странно и неправильно. Мне, кстати, объяснил один из руководителей канала ТНТ, почему в Америке сегодня бум высокохудожествен-

ного телевидения. Потому что талантливые творцы пришли на телевидение, поскольку перестали быть востребованными в кино. Они там больше не нужны, потому что кино становится все более подростковым, зрелищным. Все более ощутимо снижается уровень аудитории, ей нужен человек-паук или трансформеры. А серьезная комедия, психологическая драма, сложные отношения, а с ними и замечательные писатели, режиссеры уходят на частные каналы.

«Кризис драматургии — спрашивает «ИК» — это дефицит историй или мастерства?» Я эксперт фестиваля молодой драматургии «Любимовка». Кстати,

«Живи и помни», режиссер Александр Прошкин

Катя Шагалова, сказавшая, что ее всему научил ВГИК и только ВГИК, именно там дебютировала со своей пьесой «Собака Павлова», которая потом стала фильмом. Она там, внутри «Любимовки», родилась: была написана, прочитана, обсуждена, там обрела жизнь. И Катя Нарши — из «Любимовки», теперь она успешно работает на телевидении, но пишет еще и замечательные авторские пьесы. Недавно закончился конкурс нового очередного фестиваля, и я хочу сказать, что к нам пришли работы очень интересные, появились драматурги из самых разных концов страны. Как всегда, талантливые люди пишут, не думая о конкретной прагматической цели, — пишут о том, что волнует. Возьмем тандем Серебрянников — братья Пресняковы. «Изображая жертву» тоже когда-то было пьесой, театральным проектом, потом фильмом. Конечно, из драматургии ушли деньги, из театра тоже. Я не говорю, что это хорошо, но это произошло. Но вместе с тем территория для самовыражения осталась, она сохраняется. Кстати говоря, ее сохраняют именно драматурги. Ту же «Любимовку», в которой я когда-то начинала как автор, организовали Виктор Славкин, Алексей Казанцев и Михаил Рощин. Они это сделали не для себя, а для нас, тогда молодых, начинающих: мы ведь тоже писали в стол никому не нужные пьесы.

Я твердо убеждена: кризис драматургии — вина продюсеров. Продюсеры не умеют искать писателей, не умеют заказывать им истории, не умеют получать те сценарии, которые нужны. Вся причина в этом, потому что талантливых людей очень много. И они появляются, они хотят писать. А деньги для них — не главное. И в основном не из-за денег многие авторы приходят на телевидение. Не надо демонизировать телевидение. Хотя, конечно, договор, который автор подписывает с продюсером, с каналом или

производящей компанией, отнимает у него все права полностью. История, которую вы, драматург, кровью сердца написали, перестает быть вашей. Вам могут представить другого автора вашей работы, вам могут все изменить, переписать... Это все продюсерские истории. Может быть, цифровое телевидение как-то изменит ситуацию. Будет повышаться качество историй, ведь для «цифры» не надо так много денег. Мне верится, что будет больше предложений и, главное, другим станет сам тип заказа. Появится спрос на реальность.

Я сейчас дебютирую как продюсер на проекте «Вселенная Ковальской», это именно один из таких новых сценариев. На одном канале нам дали карт-бланш, и, мне кажется, должно получиться что-то интересное. Банальная глупая жвачка превалирует на телеэкране не потому, что сценаристы мечтают развлечь зрителя, а прежде всего потому, что продюсеры боятся рисковать, делая какой-то необычный продукт. И их тоже можно понять. Дело в том, что должны явиться новые продюсеры, как в театре это произошло. Тогда может что-то измениться. На одной из ведущих киностудий мне заказали сценарий со словами: пожалуйста, напишите нам яркую комедию. Ну, я обрадовалась, постаралась. Дальше мне говорят: нет, это не похоже на западные образцы, слишком жестко, резко, смягчите. Понимаете, идет охранительное обтесывание всего, если только с вами не работает какой-то сильный режиссер. С ним легче, а без него автор просто обречен, в лучшем случае, на жесткое единоборство, в худшем — на то, что теленачальники или продюсеры возьмут кого-то другого, кто просто перепишет ваш сценарий.

Д.Дондурей. Спасибо, Елена. Все возвращается к продюсерам.

Е.Гремина. С одной оговоркой. Я согласна с тем, о чем сказал Павел Финн: писать все равно надо лучше.

Ким Белов. Здесь говорили о студентах Натальи Борисовны Рязанцевой, я — один из них, выпускник ее предыдущего курса. В связи со словами моего мастера о том, что в кинодраматургию сегодня приходят много способных людей, прозвучал вопрос: куда они исчезают? Ответ можно получить на моем примере. Кинематограф не дает мне возможности жить, я не могу зарабатывать на жизнь сценариями. Сценарист может написать ограниченное число сценариев. Если повезет — у тебя выйдет один фильм в год. Это уже хорошо. Два фильма — блестяще. Но это редкая, исключительная ситуация. Работа над сценарием — довольно долгий, сложный и очень рискованный процесс. Сегодня наш труд не оплачивается, несмотря на то что говорил господин Дондурей про деньги, которые крутятся в кинематографе. Работа сценариста не оплачивается так, как она должна оплачиваться, а я отец троих детей, мне их нужно кормить. Хочу, чтобы за сценарий платили много денег, чтобы, работая над ним, не нужно было отвлекаться на халтуру. Чтобы гонорар давал возможность потратить на сценарий год жизни: писать, ездить на площадку, помогать режиссеру с диалогами, потом сидеть на монтаже. В идеале за такую работу надо платить сто тысяч долларов в год. Но сейчас такие деньги за сценарий никто не получает. Вот, например, Александр Родионов — прекрасный кинодраматург, который написал сценарий к одному из лучших фильмов последних лет «Свободное плавание», был соавтором Валерии Гай Германики, а сейчас работает с Борисом Хлебниковым над «Сумасшедшей помощью». Ему тоже таких гонораров не платят.

Д.Дондурей. Так все дело в гонорарах?

К.Белов. Да, в гонорарах. Наталья Борисовна не научила меня писать для телевидения, и мне самому это неинтересно. Я стал заниматься тем, чем я занимался до ВГИКа, — журналистикой, делаю журнал «Эмпайр». Если бы продюсеры имели возможность платить больше денег, чем они платят сейчас, я бы с удовольствием бросил работу в журнале, что сейчас сделать не могу.

Д.Дондурей. А можно сказать, что когда у нас в кинотеатрах будет миллиард евро собираться, то вы вернетесь?

К.Белов. Понимаете, мы и сейчас уже близки к этой цифре, но деньги просто куда-то не туда собираются. Здесь я говорю за всех сценаристов — они не решаются публично сказать, что им надо больше платить.

Екатерина Нарши. Наверное, я должна выступить в роли ответчика на этом принципиальном суде, и, вероятно, я тот самый «кавээнщик из провинции», который пишет всю эту мерзость — сериалы. Должна сказать вам, что пару лет назад моя сценарная группа взялась за проект, который в результате выдержал 322 серии на Первом канале. Вероятно, это печальный рекорд по продолжительности. Вы будете удивляться, но я согласилась делать этот проект для Первого канала не из-за денег. Потому что они были не бог весть какие. Я разрушу ваши радужные иллюзии по поводу того, что сценаристы телевидения гребут лопатой. Но мне приятен этот миф, надеюсь, что когда-нибудь он станет реальностью. Просто я подумала, что современного театра и кино, как актуального и системного явления, в нашей стране нет. И у меня, сценариста, оставался выбор: либо сидеть в подполье и вновь и вновь повторять своим родным и товарищам эту грустную истину, либо попробовать сразиться с Константином Эрнстом, отвоевать *мою* аудиторию. Конечно, у меня это не получилось, но я пыталась. И я счастлива, поскольку по зрительским отзывам поняла, что люди все-таки различают, когда с ними разговаривают всерьез, а когда — нет.

Эти 322 серии назывались «Любовь как любовь». Мы понимали, что делаем формат «Вечного зова», такое советское народное кино. Кстати, в нашей сценарной группе работали несколько любимых учеников самых культовых сегодняшних российских сценаристов. А еще вам расскажу такую ужасную вещь: на нескольких предыдущих сериалах я вынуждена была как руководитель сценарной группы уволить нескольких очень талантливых авторов. Отстранить от работы тех, кто представлял Россию на Венецианском кинофестивале и в разных других престижных местах. Выяснилось, вы будете удивлены, что они профессионально абсолютно не готовы — не могут — работать в телевизионном темпоритме. И не способны облечь свою авторскую историю в такую безупречную форму, которая сразит даже продюсера.

Если отвечать на вопрос, существует ли кризис в драматургии, придется признать: конечно, существует. И у меня, и у Елены Анатольевны Греминой найдется полтора приличных киносценария, те, что все хвалят. Но я понимаю, что в ближайшие двадцать лет они не будут запущены, именно потому, что сценарий хороший. Я думаю, что не существует кризиса для тех замечательных молодых сценаристов, которые живут, к примеру, в Екатеринбурге или Кемерово и просто ничего не знают о кризисе драматургии. Пишут очень интересно, мастеровито, открывают ту страну, которую мы, может быть, уже и не видим, и не чувствуем так, как чувствуют они. Благодаря возрасту и жизни там, вдали от столицы. Но и их работы не становятся фильмами: организационный вакуум — кто их тексты предложит большим студиям? У нас не существует нормальной системы рекрутирования, а всё, как известно, решают кадры. У меня в ноутбуке есть поразительные сценарии, разработки моих коллег, иногда абсолютно неизвестных, ниоткуда возникших. Я их отсылаю на разные студии. И получаю ответы редакторов, некоторые из них работают в компаниях крупнейших продюсеров страны — у Толстунова, Сельянова... Эти ответы, как правило, чудовищно безграмотны, непрофессиональны.

Вопрос второй: «Отсутствие актуальных тем — самоцензура или дань коммерции?» Я думаю, что сегодня самоцензура и стала видом коммерции; если говорить очень грубо, это метод лизания задницы. Простите меня за этот термин. Я работала с Первым каналом, с «Россией» и поняла: существует некая не сформулированная, но истово проводимая несколькими важными людьми государственная политика в области художественного вещания. Они понимают патриотизм как даун-оптимизм, такой розовый, инфантильный взгляд на действительность. Так что мы наблюдаем кризис продюсерского заказа и государственного мышления, которое, по моему скромному мнению,

абсолютно антигосударственно. Потому что воспитывает зрителя-дауна и интенсивно сужает культурное поле. Не позволяет гражданину развиваться, мыслить и жить в своей стране осознанно, а не как автомат или робот.

«Чем можно объяснить недостаток новых мифов, героев, жанров и конфликтов?» Вот это я знаю. Я знаю, что мне как сценаристу сегодня приходится существовать между двумя мифологиями. Одна — такая сусловско-ждановская: «У нашей Родины все есть, и мы оплот цивилизованного мира». А вторая идеология — абсолютно геббельсовская. Она заключается в том, что страна, которая победила фашизм, сама по сути является чуть ли не фашистской. И вот между двумя этими, в общем, одинаково поверхностными мифологиями мы и застряли, не имея никаких ясных представлений о том, кто же мы, в какой стране живем. А театр, как и кино, начинается не с вешалки, а с неких новых, глубоких представлений о смысле жизни. И у Станиславского они были, поэтому появился его театр. И у Морозова они были, он и вложился в проект из-за этих своих взглядов и идей, а не потому, что просто не пожалел пятьсот тысяч рублей золотом.

Дальше вы спрашиваете: «Мода на римейк — назад в будущее?» Ну вот здесь я плачу. Дело в том, что драматургия и есть, как Аристотель написал: «мимезис», подражание. Она, в сущности, и есть римейк. Потому что, в отличие от живописи и музыки, это абсолютно антропоморфное искусство. Оно описывает жизнь людей в образах человеческой жизни. А поскольку человечество существует немалое количество времени, то основные алгоритмы и модели человеческих отношений давным-давно заданы. Уже античная драматургия занималась «римейками» и «адаптацией». Понимаете? Вот у них там был набор героев, и дело вовсе не в том, чтобы выдумать новую Медею, а заодно и миф о ней. Важно совсем другое: вложить в миф новое содержание, актуальные идеи, которые смогут убедить.

Когда я думала, почему поляки могут делать восхитительные сценарии на телевидении, а мы — нет, я пришла к выводу: противостоя американской киноагрессии, они вынуждены делать ставку на интеллект, на творчество, и у них получается. У нас, вероятно, все еще есть деньги или другие ресурсы, поэтому мы это не делаем. Мне было очень приятно слышать, что до сих пор в российском кино было много денег, я тоже так считаю. Но должна рассказать вам, что в этом году несколько моих друзей-сценаристов, известных своими качественными пьесами — их изучают в Сорбонне и приглашают на европейские театральные фестивали, — предложили Первому каналу несколько интересных разработок. По поводу одной из них я держала кулаки: «Кажется, мы для Первого сделаем настоящее кино!» Но нам сообщили, что в производственный портфель проекты этих талантливых людей не попали. А вот то, что попало, что предложено делать моей сценарной группе, вызывает у нас уныние своей стертостью.

Я бы тоже хотела, друзья, сказать: сериал — это мерзость. Такая установка нас убаюкивает, но она ни к чему не ведет, она, с точки зрения профессии, — трусливая. Мы должны смириться с тем, что в ближайшее время будем продолжать жить в очень жестких обстоятельствах — никаких других, более предпочтительных, не будет. Поэтому мы должны освоить новую профессиональную территорию и научиться выигрывать на этом реальном поле. Даже если экономические условия работы станут много хуже. Я думаю, что это возможно, что и доказывают наши американские коллеги своими замечательными проектами, такими как «Остаться в живых» (Lost), «Рим», «Доктор Хаус» и другие. Убеждают в том, что сериал и мерзость — не одно и то же.

Ирина Павлова. Я не драматург, я редактор, но начну с того, о чем говорили драматурги. У меня возникло ощущение, что мы с вами, друзья, живем в параллельных мирах. Вот тут говорили: эта история — не мой формат, а вот эта — мой. Но, господа, когда Гена Шпаликов (могу называть его Геной, потому что он мне сам это предложил в свое время) принес Георгию Данелия заявку на сценарий, в ней было четыре строчки: «Идет девчонка под дождем,

шлепает босыми пятками, а за ней едет велосипедист, и все это называется «счастье». В заявке не было «конфликта и двух героев, которые бьются между собой», не было отчетливой истории про то или про сё. Было мироощущение художника, это понял другой художник. И вспыхнула карьера присутствующего здесь третьего — Никиты Михалкова, и родился фильм «Я шагаю по Москве», шедевр, до сих пор не утративший актуальности.

Отец другого из присутствующих здесь когда-то написал сюжет, я не могу сказать «историю», да и сюжета-то там не было. Про то, как трудно становиться сорокалетним. Понимаете? Из тридцати — сорокалетним. Назывался сценарий «Июльский дождь» — тоже неизбывный, по сей день живой сюжет. Я прекрасно понимаю, что ни сценарий Гребнева, ни сценарий Шпаликова сегодня не прошел бы ни одну редакторскую рогатку. Даже первую, про остальные не говорю. Кто-то из выступавших передо мной сказал простую вещь, что три с половиной персонажа на отечественном телевидении утверждают, будто они знают, что хочет зритель. Сомневаюсь в этом, не знают. Только то, что хочет ими вымышленный зритель. Вот эти три с половиной теленачальника и заказывают сценарии для этого искусственного субъекта. А дальше молотком, топором, кулаком, деньгами, чем угодно вгоняют реально существующий народ в прокрустово ложе придуманной ими «аудитории».

И, наконец, четвертая позиция из прозвучавших: «Мне неинтересно это, это и это. Я хочу писать один сценарий в год, получая за это много денег. И чтобы то, что я пишу, нравилось мне и моему режиссеру, а все остальное приложится». Не приложится, сразу скажу. К деньгам не приложится ничего, кроме денег, а точнее, кроме красивой жизни вокруг них.

Мне кажется, что главная проблема — это разруха, но не в стране, а в головах. Ситуация не экономически трудная, а интеллектуально. В крупных продюсерских компаниях есть ограниченный круг своих драматургов, работающих в том русле, в каком нужно этой компании. Поверьте мне, пробиться просто так, самоходом, самотеком туда практически нереально, даже если вы принесете им супершедевр. Даже если вы Тонино Гуэрра, но скрылись под псевдонимом Пупкин, вы получите такую разгромную внутреннюю рецензию, какая вам и не снилась. Нужно внедряться в производство самым примитивным способом, начав с поденщины. Другого пути нет. Или искать своего режиссера, создавать с ним свою маленькую студию. Но заниматься поденщиной тоже не страшно, не зазорно — ничего унизительного для профессионала в этом нет. Работа не бывает унизительной.

Теперь по существу предложенных вопросов. Кризис драматургии — это не дефицит историй или мастерства. Это дефицит самоуважения, вот что главное. Однажды Анатолию Гребневу на киностудии «Ленфильм» передали фразу редакторши (не будем срывать маски). «Толя, сценарий сырой». Гребнев встал и вышел, а в дверях сказал: «Сценарий я забираю, поскольку сырых работ не приношу». В результате с «Ленфильма» ушел фильм «Успех». Так что у каждого свой путь. Истории возникают, повторяю, в головах. И если они кому-то не нравятся, значит, надо нести сценарий дальше. Понимаю, неприятно, но каждый из нас через это проходил.

Второй вопрос: «самоцензура или дань коммерции?» Это даже не самоцензура, потому что у любого человека свое ви́дение актуальности: у одних щи не густы, у других жемчуг мелок. С этим не поспоришь. Только те, у кого жемчуг мелок, имеют больше возможностей для проникновения в профессиональную среду.

Чем можно объяснить недостаток новых мифов и героев? Разницей в восприятии реальности художником и продюсером. Ведь то, что является для художника серьезным жизненным концептом, для продюсера таковым может не быть. К этому надо добавить чудовищную необразованность и самомнение продюсерского сословия. Против этого обстоятельства не попрешь: кто девушку обедает, тот ее и танцует. Поэтому мы сколько угодно можем говорить и спо-

рить, все останется по-прежнему. А вот если бы сейчас цех драматургов дружно встал и заявил: «Не будем работать на условиях, определяемых хамством по отношению к автору», — куда бы они, начальники, продюсеры, делись? Но профессиональной сплоченности нет, каждый сам по себе и думает, что он лучше и хитрее соседа.

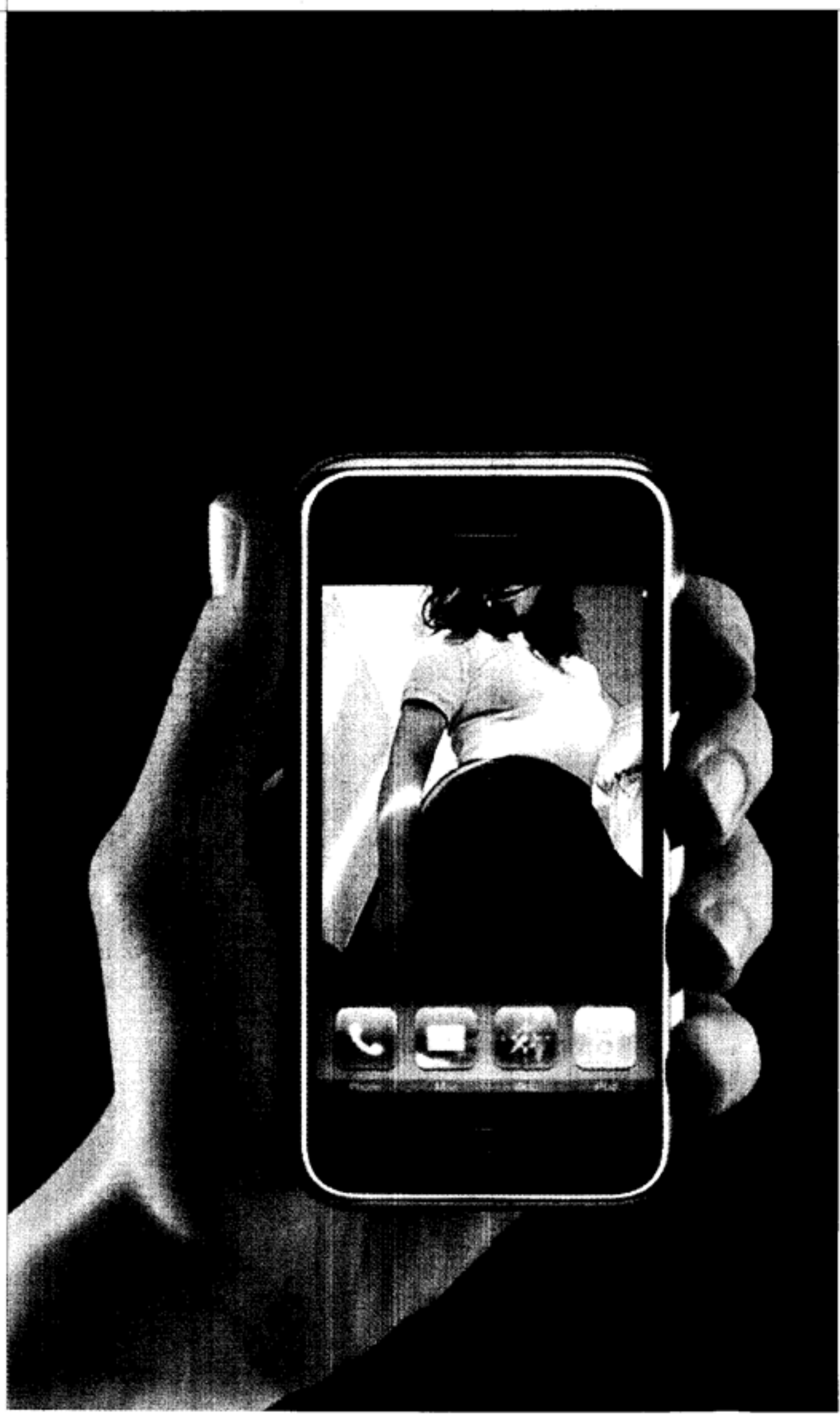
Н.Зархи. Я хотела бы представить вам Нану Гринштейн, потому что не все знают, что картина Оксаны Бычковой «Плюс один» сделана по ее сценарию. Она показана в российской программе Московского МКФ, имела успех на «Кинотавре». Нана представляет сценарную студию «Альфа и Омега», которую организовали выпускники мастерской Юрия Арабова. Студия успешно работает. Арабов их всячески поддерживает и советами, и промоушном, и даже совместными проектами. По крайней мере, он мне представлял их как людей талантливых и умелых.

Нана Гринштейн. Я хотела бы сказать о вещах, наверное, очень личных. Мы здесь говорим о хорошем кино. Но мне кажется, что оно как-то отделяется у нас от повседневной жизни. Я киносценарист, и для меня, наверное, важнее всего — выбор тем: о чем писать, как, куда это нести, а также чтобы все это было актуально. Хотя бы — для меня. Мне кажется, что сценарист сейчас всегда готов выполнить заказ. Он, заказ, обычно неожиданно и вовремя сваливается. Но настоящая, прежде всего внутренняя работа все-таки связана с личным. И если у человека есть это личное — содержание, переживания, идеи, — все состоится. Может, это будет всего один сценарий в жизни, а может, два или три. Этого достаточно. А может, этот человек настолько богат внутренне, что сумеет написать двадцать сценариев. Именно это главное, и этого в последнее время недостает. Сценаристы всегда готовы откликнуться на заказ. Им, конечно, важно, сколько заплатят за ту или другую работу. Поэтому и приходится совершать выбор: выполнять заказ или делать что-то, что тебе самой очень интересно. Пусть это прозвучит наивно и по-детски, но мне кажется, что это важно. Мне не нравится, что сейчас сценаристы — люди взаимозаменяемые. «Если нам не напишет этот, то напишет тот». Так не должно быть.

Еще я думаю, что далеко не всё, что снимается на пленку, на «цифру», что разыгрывают актеры и ставит режиссер, имеет отношение к кинематографу.

Д.Дондурей. Мне кажется, наш разговор получился интересным. Жалко, что на нем не замечены продюсеры, которые, видимо, все знают про то, о чем мы здесь спорили. Про двести названий фильмов и про двести названий сериалов, которые были в 2008 году в производстве, примерно в три тысячи эпизодов. Только в Министерстве культуры крутится тысяча сценариев. Что с этим делать? Но может быть, это нормально в условиях надвигающегося кризиса. Будет из чего выбирать. Увеличится конкуренция, повысятся критерии. Кто-то ведь все равно будет принимать ответственность за решения. Причем на нескольких уровнях — и производящие компании, и дистрибьюторы, и телевидение, и инвесторы. Ведь в нашей стране, хочу напомнить, при всех нынешних страхах пока функционирует большое кинопроизводство.

Ч Т Е Н И Е



ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ

Alter ego

В десятом классе тишина. Красавица Лара стоит у доски и старательно чертит ось координат. Скрипит по доске мел. Лара опускает руку с мелом. С недоумением смотрит на тригонометрическое уравнение на левом поле доски, написанное твердой, очевидно, учительской рукой. С тоской смотрит на учительницу Наталью Сергеевну. Наталья Сергеевна сидит за своим столом над раскрытым журналом. Лицо у нее усталое, невыразительное; одета просто. Красная ручка занесена над списком фамилий.

Учительница наблюдает за Ларой.

Лара бросает взгляд на класс. Класс ждет. Кто-то тихо переговаривается на задней парте. Лара пытается уловить взгляд одного из мальчиков, Саши. Очевидно, она сидит с ним вместе в среднем ряду (место рядом с ним сейчас свободно, но лежат на «свободной» половине стола тетради, учебник, ручки; и сумка лежит на рядом стоящем стуле). Саша отвечает скучающим взглядом. Лара поворачивается к доске и неуверенно рисует в системе координат функцию.

Наталья Сергеевна (*устало*). Нет, это невозможно.

Лара опускает руку и смотрит на Наталью Сергеевну. Учительница уже глядит в журнал. Ручка опускается перед Лариной фамилией.

Лара (*жалобно*). Наталья Сергеевна!

Вдруг грохот отвлекает учительницу. Она поднимает голову. Это вскочил мальчик, сидевший перед Сашей, — Митя. Он вскочил так резко, что стул грохнулся. Класс смотрит изумленно, как Митя вспрыгивает прямо на стол первого ряда. Девчонки за этим столом взвизгивают (это две неразлучные подружки — Валя и Галя), Митя перескакивает на подоконник, поворачивает ручку, распахивает окно, становится на карниз.

Митя. Если вы ей поставите двойку, я спрыгну!

Ребята привстают на первом ряду, смотрят вниз, куда собирается спрыгнуть Митя с их третьего этажа. Кто-то хихикает, кто-то вскрикивает. Учительница теряется совершенно.

Галя (*с ужасом глядя на Митю*). Он псих, Наталья Сергеевна! Он, правда, спрыгнет.

Побледневшая учительница кладет ручку.

Наталья Сергеевна. Митя, я ничего не ставлю, никакой двойки.

Она медленно поднимается и осторожно направляется к Мите, который стоит на самом краю. Саша с любопытством наблюдает за растерянной учительницей. Она уже у стола, с которого Митя шагнул на подоконник.

Наталья Сергеевна. Будь добр, вернись на свое место.

Митя. Дайте слово, что не поставите ей двойку.

Наталья Сергеевна. Даю.

М и т я. Вообще никогда не поставите ей двойку.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Вообще никогда не поставлю ей двойку.

М и т я. Клянитесь.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Клянусь.

М и т я. Танькой клянитесь.

Учительница смотрит на девочку Таню, сидящую одиноко на этом же первом ряду за последним столом. И Саша смотрит на эту девочку, вдруг густо покрасневшую.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Клянусь.

Митя переступает на карнизе, одна нога его соскальзывает, учительница вскрикивает, но Митя удерживает равновесие и поспешно перешагивает на подоконник. Он спрыгивает со стола в проход прямо перед Натальей Сергеевной, и в классе раздаются аплодисменты. Митя тяжело, как после бега, дышит.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Будь добр, дай мне свой дневник!

Аплодисменты смолкают. Митя передает учительнице дневник.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*Мите*). Сядь на место. (*Гале и Вале.*) Закройте окно.

Она направляется с Митиным дневником за свой стол. Девочки закрывают окно, бумажными платками вытирают Митины следы со стола. Учительница садится за свой стол, раскрывает Митин дневник и что-то в нем пишет. Саша замечает, что рука ее дрожит. Наталья Сергеевна захлопывает дневник. Смотрит на притихший класс. Таня сидит за своим столом, опустив голову.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Кто может изобразить эту функцию? (*Класс молчит.*) Саша Литовченко!

Саша поднимается и идет к доске.

Подойдя, подмигивает растерянной Ларе, берет мел и чертит функцию.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Можете, если хотите. Жаль, что хотите не всегда. Идите на место. И объясните на досуге своей подружке, как это делается.

Саша направляется к своему месту.

Л а р а. А я?

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. И вы свободны. Все, урок окончен.

Р о б к и й г о л о с (*за кадром*). Еще десять минут до звонка.

В полной тишине учительница собирает в свою сумку журнал, учебники, тетради. Встает. И в полной же тишине уходит из класса. Дверь за ней закрывается.

Л а р а (*Мите*). Дурак ты все-таки.

Сказав это, она идет к своему месту и садится возле спокойного Саши. Митя поворачивается к ней.

М и т я. Я, между прочим, жизнью ради тебя рисковал.

Л а р а. Я тебя не просила.

Большой, спокойный Илья Горбунов сидит в третьем ряду. Он оборачивается к Мите, Ларе и Саше.

Г о р б у н о в. Я б на месте Натальи сказал ему: «Прыгай ради бога».

М и т я. Я бы и прыгнул!

Г о р б у н о в. Зачем, дурашка? Ларка бы на другой день забыла, что ты был на свете.

Л а р а. Нет, ну почему, дней десять я бы еще помнила.

Лара смотрит на Сашу, а Саша в это время — на часы. Вдруг Таня вскакивает с места со своей сумкой и под взглядами ребят, съежившись, бежит из класса. Дверь за ней закрывается.

В а л я (*простодушно*). Интересно, Наталья сдержит слово?

Г а л я (*благоразумно*). Конечно. Танькой все-таки поклялась.

В а л я. Ну и что?

Г а л я. Вот у тебя будет дочка, тогда скажешь — «ну и что?».

В а л я. Счастливая, Ларка, математику может не учить!

Галя по-взрослому укоризненно смотрит на свою простодушную соседку.

Горбунов поднимается со своего места.

Г о р б у н о в. Ладно. Пойду в буфет, пока народ не повалил.

Но в это время раздается звонок, и сосед Горбунова Коля смеется.

К о л я. Эх, Илья, не успел! Придется в очереди стоять.

Г о р б у н о в. А ты беги, займи. Я угощаю.

Мгновенно Коля вскакивает и уносится занимать очередь. И все в классе поднимаются, расходятся...

Только Лара и Саша не торопятся. И Митя. Они остаются втроем в классе.

Митя смотрит на Лару, но она не обращает на него внимания.

Л а р а (*Саше*). Что делаешь вечером?

С а ш а. У меня английский.

Л а р а. Мать тоже хочет, чтобы я английским занималась.

С а ш а. Это правильно. Без языка нельзя.

Они уходят, не обращая на Митю ни малейшего внимания.

Митя остается один в классе. Раскрывает дневник. Читает написанное красными чернилами. Выдирает из дневника страницу, рвет. Мрачно собирает сумку. Уходит из класса, хлопнув дверью.

В обезлюдевшем классе валяются бумажки, столы и стулья сдвинуты. На доске изображены две функции в одной системе координат, Сашина и Ларина, правильная и неправильная.

Из школы идут дети, большие и маленькие, компаниями, парами, поодиночке.

Лара и Саша подходят к автобусной остановке. Останавливается маршрутка, в нее забираются люди. Саша стоит с Ларой. Маршрутка не уезжает, ждет еще пассажиров.

Л а р а. Почему ты на маршрутках не ездишь?

С а ш а. Потому что статистику знаю. Они бьются часто.

Л а р а. Осторожный ты, Сашка. А мог бы ради меня, как Митька, из окна прыгнуть?

С а ш а. За оценку шею свернуть? Смешно.

Л а р а. Не за оценку, конечно. За жизнь. (*Саша не отвечает, размышляет.*) Что молчишь?

С а ш а. Да вот думаю, правду тебе сказать или покрасоваться, как Митька. (*Усмехается, смотрит на Лару.*) Митька ничем не рисковал. На понт брал.

Она молчит.

С а ш а. Ну а ты бы ради меня прыгнула? Только честно. Лично я сомневаюсь. Есть такие ситуации, когда каждый за себя. Это в кино под пули прыгают и все такое, потому что после съемок все воскресают, отряхиваются и идут пиво пить.

Л а р а. Наверное, ты прав. Как всегда. Твой автобус.

Они смотрят на подходящий автобус. Саша видит, что Лара очень обижена.

С а ш а. Хочешь, я не поеду на английский?

Л а р а. Ни в коем случае. Английский — это так важно. А меня ты и завтра увидишь, и послезавтра. Куда я денусь-то?

И она, развернувшись, уходит. Оглядывается. Саша идет за ней. Она проходит довольно далеко и вновь оглядывается. Саша так и идет следом.

Лара и Саша сидят в темном полупустом зале. Мальчишка лет десяти перед ними ест попкорн из огромного пакета, шуршит бумагой, чавкает. На экране герой лихо ведет машину, уходит от погони.

Л а р а. Ты умеешь водить?

С а ш а. Нет.

Л а р а. А я умею. Я обожаю водить. Мне даже снится иногда, как я машину веду. Первое, что я куплю себе, когда деньги появятся, — это машина.

С а ш а. Я тоже машину хочу. Но с шофером.

Л а р а. В этом ты весь.

Саша обнимает Лару. Лара опускает голову ему на плечо.

Мальчишка прекращает шуршать и чавкать, оборачивается и жадно смотрит, как целуются Саша и Лара.

На экране в это время тоже целуются, но мальчишке интереснее происходящее здесь и сейчас. У него даже рот приоткрывается.

Саша подходит к подъезду своего дома, нажимает кнопки домофона.

М а т ь (*голос из домофона*). Сашка?

С а ш а. Ага.

Саша выходит из лифта. Одна из дверей на площадке приоткрыта. Из нее раздается рокот голосов. Саша входит в квартиру. В прихожей горит свет; по обилию обуви, плащей, курток ясно, что в доме гости. Саша скидывает кроссовки, наклоняется, раздвигает чужую обувь. В прихожую входит высокая, красивая, еще молодая женщина.

М а т ь. Привет, сынок.

С а ш а (*сердито, копаясь в обуви*). Кто мои тапочки заныкал?

М а т ь. Не знаю, кто-то, хочешь — надень мои.

Она скидывает свои тапки.

С а ш а (*выпрямляясь*). Обойдусь.

М а т ь. Ты чего такой сердитый? Голодный? Я тебе мясо оставила.

С а ш а. Нет, я не хочу есть. Устал просто.

Он уже направляется мимо матери к выходу из прихожей, как вдруг этот выход загораживает полная, громогласная, яркая женщина. В руках у нее бокал.

С а ш а. Здравствуйте, Фаина Яковлевна.

Ф а и н а Я к о в л е в н а. Привет. Чего так поздно?

М а т ь. Английский у него.

Ф а и н а Я к о в л е в н а. Английский, говоришь? А что это за девчонка с тобой ходит? Я видела. Очень эффектная барышня.

С а ш а. Мы в одном классе учимся.

Ф а и н а Я к о в л е в н а. Очень эффектная. Смотритесь — м-м-м (*целует кончики пальцев*). Шикарно смотритесь. Ты хоть знаешь, что вы шикарно смотритесь?

С а ш а. Да-да, я в курсе.

М а т ь. Фая, оставь его, он устал. (*Задерживает Сашу, готового выскользнуть из прихожей.*) Поздоровайся с гостями. (*Саша морщится, но мать подталкивает его к кухне.*) Давай-давай.

В просторной современной кухне за большим столом сидят человек десять. Хорошо одетые, хорошо выглядящие люди. Видно, что сидят они давно, много уже пустых бутылок, грязная посуда громоздится в мойке. Чайник включен. Кто-то курит у приоткрытого окна. Отец Саши тихо и властно говорит по телефону, прикрывая ухо от шума.

С а ш а. Здравствуйте.

М у ж ч и н а (*разливая вино*). Здравствуй, орел.

Ж е н щ и н а. Сашка, это ты? Как же ты вырос! На улице бы встретила — не узнала, принялась бы кокетничать. (*Смеется, встает и меряется с ним ростом.*) Глядите, он выше меня! (*Саша краснеет, женщина смеется.*) Надо его с нашей Машей познакомить.

Отец Саши отключает телефон. Молодой мужчина протягивает Саше бокал с вином.

М а т ь. Эй. К чему это?

О т е ц. Ничего. Это сухое.

С а ш а (*принимая бокал*). За что пьем?

О т е ц (*беря свой бокал*). За мое повышение.

С а ш а. О! Здорово! Поздравляю.

Чокается с отцом, с гостями, выпивает. Кто-то подает ему бутерброд. Гости начинают разливать чай, разговаривать между собой, отвлекаются от Саши, и он, жуя бутерброд, смывается из кухни.

Саша закрывается у себя в комнате, и голоса становятся едва слышны. Он плюхается на диван. В кармане звонит мобильный. Саша вынимает его. «Лара» — написано на экране.

С а ш а. Привет.

Л а р а. Сашка, я коротко, деньги кончаются, проверь почту!

Саша включает компьютер. Открывает свой почтовый ящик. Имя владельца ящика — ego. Открывается письмо от Лары: «Сашка! Это супер!» — В письме дана ссылка на сайт: «www...» Саша выделяет ссылку, переносит в верхнюю, адресную, строку экрана, нажимает «ENTER». Открывается страница сайта знакомств, чья-то анкета. С фотографии в анкете на Сашку смотрит Наталья Сергеевна. Саша даже присвистывает.

Усталое, смущенное перед объективом лицо. Саша внимательно его разглядывает. Читает текст: «Мне 42 года. Преподаю математику в школе. Люблю живопись (авангард начала века). Не замужем. Есть дочь, ей пятнадцать. Без вредных привычек и проблем. Ищу положительного, серьезного и дружелюбного мужчину для встреч и, возможно, серьезных отношений...»

Саша берет мобильный и звонит Ларе.

Л а р а. Ну что? Видел? Супер?

С а ш а. Да-да. Только знаешь, ничего тут такого уж удивительного. Одинокая женщина ищет мужчину. Это нормально. Я даже не думал, что Наталья такая нормальная.

Л а р а. Я вообще никогда о ней не думала.

С а ш а. Я тоже. (*Наталья Сергеевна смотрит на него с фото.*) Пусть себе ищет мужика, вдруг найдет, оставь ее в покое.

Л а р а. Да я и не собиралась ее трогать.

Тем временем, болтая с Ларой, Саша открывает папку изображений. Открывает один из файлов. Та же картинка, что на заставке: мужчина улыбается и направляет в объектив дуло пистолета.

С а ш а. Раззвонишь всем, у нас бабы дуры, обсмеют.

Л а р а. Не буду я никому говорить!

С а ш а. А ты чего на этот сайт забрела?

Л а р а. Брату подружку искала.

С а ш а. А сам он не может?

Болтая, Саша скачивает картинку в «Фотошоп», обрезает кадр, так что пистолет исчезает и остается одно лишь добродушное лицо. Пожалуй, его добродушие только сейчас и проявилось, без пистолета; с пистолетом улыбка казалась все-таки несколько зловещей.

Л а р а. Сам он ничего не может. Ему уже тридцать четыре, а он знакомиться боится, стесняется.

С а ш а. Вот видишь.

Л а р а. Чего видишь? Не собираюсь я ее трогать, я же сказала.

С а ш а. Вот и молодец.

Саша сохраняет файл под именем «Леонид Николаевич».

Л а р а. Добрый ты, Сашка, оказывается.

С а ш а. Это плохо?

Л а р а. Это неожиданно.

В дверь коротко стучат. Мгновенно Саша сворачивает экранную страницу.

С а ш а. Да! (*Ларе.*) Пока, больше не могу говорить.

Отключает телефон. В комнату входит отец Саши. Высокий, уверенный в себе, по-мужски привлекательный, но с налетом, с патиной усталости на молодом еще лице. Отец видит Сашу за компьютером. На экране — заставка: мужчина лет сорока с добродушным, улыбчивым лицом, в руке мужчина держит нацеленный на «зрителя» пистолет. Отец садится на диван.

О т е ц. Как дела?

С а ш а. Нормально. (*Прислушивается. За неплотно закрытой дверью тихо.*) Ушли?

О т е ц. Слава богу.

С а ш а. У тебя теперь большая должность?

О т е ц. Будь здоров. Всех в руках держать надо. (*Откидывается на спинку дивана, кладет ногу на ногу.*) Устал я... Ты уроки сделал на завтра?

С а ш а. Почти.

О т е ц. Что значит «почти»? Уже первый час.

С а ш а. Да сделал, сделал.

О т е ц. Смотри, Сашка, хватанешь двойку, как в прошлом году.

С а ш а. Так это случайно вышло, в четверти все равно пять поставили.

Отец внимательно смотрит на Сашу. На мужчину с пистолетом.

О т е ц. Я же все понимаю, тебе сейчас гулять хочется, с девочками целоваться, а не английским, к примеру, заниматься.

С а ш а. Папа...

О т е ц. Мне Генриетта звонила, любопытствовала, почему ты на занятия не пришел. (*Саша смущенно молчит.*) Я тебя, правда, понимаю. Тебе кажется, что у тебя впереди вечность...

Поднимается с дивана. Прохаживается по небольшой комнате. Стеллаж с книгами, стойки с дисками, музыкальный центр... Ничего не разбросано, все в порядке. Отец разглядывает корешки книг. Книги самые разнообразные: и учебники, и беллетристика, и по психологии, и по философии, и по искусству — и стоят не вперемешку, а по темам. Отец вынимает одну из книг. Это очень затрепанная книга, почти рассыпается. Отец раскрывает ее, один из листков улетает. Отец подбирает его, читает несколько строк.

О т е ц. О чем это?

С а ш а. Ну. Детектив.

О т е ц. Интересно?

С а ш а. Ерунда. Мне Митька дал почитать, я сразу догадался, кто убил. Я еще ни одного детектива не видел, чтобы сразу не догадаться. Скучно. Все вернуть забываю.

О т е ц (*вкладывая листок в книгу*). А что ты еще читал в последнее время?

С а ш а. Да некогда особо читать в последнее время.

О т е ц. И на английский ходить некогда. Чем же ты так занят?

Саша молчит. Отец вновь садится напротив него на диване. Садится на край, устало потирает висок.

С а ш а. Да все нормально, пап, что ты переживаешь? Через месяц школу закончу, поступлю в МГИМО какое-нибудь. Английский больше не пропущу, обещаю.

О т е ц. Да это мать больше волнуется.

С а ш а. Нечего волноваться. Других забот, что ли, нет?

О т е ц. Забот выше крыши. (*Встает, треплет сына за плечо. Смотрит на монитор — на мужика с пистолетом.*) Допоздна не сиди, побереги глаза. (*Саша кивает.*) И решай, куда поступать будешь. Может, действительно в МГИМО?

Дверь за отцом закрывается. На экране монитора разворачивается страница, с которой вновь смотрит на Сашу Наталья Сергеевна. Саша пристально смотрит на Наталью Сергеевну. Наводит курсор на ее e-mail. Открывается чистое поле для письма. Саша пишет: «Здравствуйте, Наталья Сергеевна. Меня зовут Леонид Николаевич. Мне сорок пять лет. Работаю программис-

том в крупной строительной фирме. Тоже люблю авангардную живопись. Был женат. У меня двое детей... — Саша задумывается и стирает фразу «У меня двое детей». Пишет: Детей нет. — И продолжает: Когда вы бываете свободны? Жду более подробного письма. Всего доброго. Свое фото прилагаю. — Саша задумывается и вставляет в письмо еще одну фразу: — Поддерживаете ли отношения с отцом ребенка? Прикрепляет к письму уже подготовленное изображение добродушного мужчины — Леонид Николаевич — и отправляет письмо. «Письмо успешно отправлено», — сообщает почтовый администратор.

Саша спит. Светится экран. Мужчина целится с экрана. На этот раз его улыбка кажется зловещей.

Утром Саша просыпается от стука в дверь.

М а т ь (*из-за двери*). Завтрак готов!

Саша вскакивает, бросается к компьютеру. Открывает свой ящик с именем ego. Писем нет. Саша разочарованно отходит от компьютера и начинает убирать постель. Он очень тщательно разглаживает все складки, выравнивает подушку. И на столе тоже все выравнивает. Везде идеальный порядок.

Саша идет в школу в общем потоке детей. Но сворачивает из потока в переулок. Над дверями одного из домов вывеска: «Интернет-кафе». Сюда и заходит Саша.

Двое мальчишек лет десяти-одиннадцати сидят плечом к плечу у одного экрана. Они смотрят футбольные новости. Мужчина средних лет в строгом костюме пьет кофе и просматривает свою почту. Больше никого посетителей нет. Саша подходит к стойке, кладет двадцать рублей. Дежурный администратор, мальчишка лет восемнадцати, не отрываясь от своего компьютера (он увлеченно играет, бежит по тоннелю и отстреливается), берет деньги. Доигрывает этап. Саша нервничает, посматривает на часы. Администратор отключает игру, инициирует один из компьютеров.

А д м и н и с т р а т о р (*не глядя на Сашу*). За пятый садись.

Вновь возвращается к игре.

Саша садится за пятый компьютер (номер прилеплен к корпусу). Скомканная бумажка валяется на столе, Саша брезгливо сбрасывает ее в урну. Открывает свой почтовый ящик. Пришло одно письмо. От Натальи Сергеевны.

С а ш а (*возбужденно*). Йес!

Мужчина в строгом костюме бросает на него удивленный взгляд. Саша открывает письмо. Жадно читает: «Здравствуйте, Леонид Николаевич! Для начала отвечу на ваши вопросы. С отцом Тани я отношения фактически не поддерживаю...»

Саша несется в школу и последние две трети письма мы слышим за кадром.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*за кадром*). «...Занята я с утра до поздней ночи. Так как кроме работы в школе вынуждена подрабатывать и частными уроками (зарплата моя невелика, а дочку надо растить). Прихожу из школы, обедаю и бегу по ученикам. А ведь еще тетради надо проверить. Это я делаю ночью. Несмотря на занятость, стараюсь не пропускать хорошие выставки. Сегодня собираюсь сходить на вернисаж в галерею «Улей», у меня там работает знакомая. Открытие в шесть. Оставлю вам приглашение на входе. Если сможете...»

Саша несется по лестнице.

В кадре «портрет» Леонида Николаевича. Голос очень низкий, солидный.

Л е о н и д Н и к о л а е в и ч. ...Постараюсь успеть. Я немного прихрамываю (когда-то в детстве попал под машину), но хожу быстро...

Саша летит по коридору, лавируя среди ребят. Едва успевает обогнуть завуча, ведущую за руку зареванного младшеклассника.

Саша влетает в кабинет истории со звонком. Пожилой учитель руководит ребятами, которые укрепляют на доске карту. Галя, Валя и еще несколько девочек рассматривают глянцевый журнал, кулинарную страницу. Горбунов, закрыв глаза, слушает музыку из наушников. Коля списывает из его тетради домашнее задание. Саша с кем-то здоровается на ходу, пробирается к своему столу. Плюхается на свое место. Лару целует в щеку.

Учитель водит по карте указкой и что-то объясняет.

Лара касается Сашиной руки, привлекает его внимание и указывает на впереди сидящего Митю. Саша видит, что одно ухо у Мити опухло и покраснело.

Л а р а (*шепотом*). Отец врезал. Наталья позвонила и нажаловалась. Зараза она все-таки.

С а ш а (*шепотом*). Да ладно. Он ее чуть до инфаркта не довел. Ты себя представь на ее месте.

Л а р а (*шепотом*). Никогда в жизни не буду на ее месте...

У ч и т е л ь и с т о р и и. Прекратите разговоры.

И ребята смолкают.

Документальные съемки

В течение учебного дня детям из разных классов рассказывают разные разности об устройстве нашего мира. О том, из чего состоит материя. О смерти Пети Ростова. О химических соединениях. Дети слушают. Кто внимательно, кто скучающе. Кто-то вообще не слушает. О том, как зародилась жизнь на нашей планете. О начале первой мировой. Записывают, отвечают, смотрят в микроскоп, нагревают реторту с жидкостью, вдруг меняющей цвет...

Мальчик (ему лет девять) смотрит в окно, учитель что-то объясняет, но мальчик его не слышит. Он на земле совсем недавно.

Саша не столько слушает, сколько смотрит на Наталью Сергеевну. Смотрит пристально, но урока не слышит. Наталья Сергеевна что-то пишет на доске. Роняет мел. Поднимает. Саша рассматривает след мела на ее юбке. Разглядывает туфли со стоптанными набойками на каблуках.

У доски с мучительным выражением лица — Коля. Он что-то лепечет. Наталья Сергеевна отходит к окну. Смотрит на улицу. Саша рассматривает ее маленькое ухо.

Великан Горбунов пробирается с подносом в гомонящей толпе ребят. Поднимает поднос повыше.

Г о р б у н о в. Поберегись!

Добирается до двух сдвинутых столиков, за которыми сидят и уже едят Саша, Лара, Коля. Таня устроилась за столиком с Галей и Валей. Галя что-то выговаривает Вале. Таня участливо слушает. Валя грызет ноготь. Галя сердито хлопает ее по руке, и Валя торопливо прячет руку под стол. Горбунов водружает поднос.

С а ш а. Ого!

На подносе и первое, и второе, и два салата, и несколько кусков хлеба, и пирожное, и два стакана чая.

Г о р б у н о в. И все равно не наемся.

Он садится и начинает сосредоточенно есть.

Митя пробирается к их столам с чаем и бутербродом. Смотрит на Лару.

М и т я. Можно?

Лара вопросительно смотрит на Сашу. Саша передвигает свой стул бли-

же к Ларе. Митя берет стул и садится в освободившееся пространство. Горбунов принимается за пирожное.

Г о р б у н о в. Разве это берлинское пирожное? Это пародия какая-то, а не пирожное.

Л а р а. В «Летучем Голландце» вкусные пирожные.

Г о р б у н о в. Да? Надо попробовать. Пошли? Часиков в семь нормально?

К о л я. Там дорого.

Г о р б у н о в (*оглядывая ребят*). Я угощаю.

Лара вопросительно смотрит на Сашу.

С а ш а. Я не могу.

Л а р а. Да брось, пойдем.

С а ш а. Не могу.

Л а р а. Опять английский?

С а ш а. Да.

Л а р а. Ну, пропусти еще разок.

С а ш а. Нет.

Л а р а. Да ты и так прекрасно английский знаешь.

С а ш а. Не могу.

Лара отворачивается от Саши и обращается к Мите.

Л а р а. Мить, а ты пойдешь?

М и т я. Я? С тобой? Куда угодно.

Звенит звонок.

В опустевшей столовой две тетки собирают посуду, протирают столики.

П е р в а я т е т к а. Он говорит, ты меня прости. А я говорю, Бог простит.

В т о р а я т е т к а. Все равно ведь не сможешь без него.

Вторая тетка увозит тележку с грязной посудой. Первая бросает тряпку и смотрит в окно.

Документальные съемки

Детям рассказывают о мифологии Древней Греции. О ледниковом периоде. О делении клетки. О теории относительности.

Как будто разом пытаются запихнуть в их бедные головы всю историю человечества и мира.

Дети слушают, переговариваются, думают о своем, у них — своя история...

Празднично одетые люди идут к картинной галерее. Пожилая пара останавливается у дверей. Мужчина копается в карманах. Женщина смотрит на него с нарастающим недовольством. Мужчина теряется под ее взглядом. Расстегивает плащ, проверяет карманы пиджака. Смотрит торжествующе и вынимает пригласительный. С этой яркой картонкой они и проходят в двери. Саша идет прямо за ними. Предъявив охраннику пригласительный, пожилая пара благополучно проходит.

С а ш а (*охраннику*). Мне должны были оставить пригласительный.

О х р а н н и к. На чье имя?

С а ш а. Леонид Николаевич.

Охранник вынимает из стопки пригласительных один, на котором написано: «Леонид Николаевич», но на Сашу смотрит подозрительно.

О х р а н н и к. Документы есть при себе?

С а ш а. Нет.

Очень яркая светская дама лет пятидесяти томится за Сашиной спиной. Она протягивает охраннику свой пригласительный и берет Сашу под руку.

Д а м а. Молодой человек со мной.

Дама ведет Сашу по фойе, приглядывается к гостям, расцеловывается с высоченной эффектной девушкой. Сашу не выпускает. Девушке приходится склониться к ее лицу.

Д а м а (*шепчет Саше на ухо, провожая взглядом девушку*). Это Оля Васильева, модель, страшна, как черт, на мой старорежимный вкус.

Мимо проходит официант с подносом: рюмки красного, белого, коньяк, водка.

Д а м а (*официанту*). Секунду, молодой человек. (*Саша беспокойно оглядывает толпу. Дама его отвлекает.*) Что вы пьете, Леонид Николаевич?

С а ш а. Я?

Д а м а. Держи белое. (*Дама протягивает ему бокал. Сама она взяла красное.*) Посмотри направо. У окна. (*У окна стоит пожилой солидный мужчина под руку с юной особой.*) Не узнаешь? Известный артист когда-то. Мне так — очень известный. Что за блядь с ним — понятия не имею... Миша! (*Останавливает средних лет крепыша; он к ней подходит и целует в щеку.*) Кто это Егорова подцепил?

М и ш а (*оглядываясь на актера с девушкой*) Это?.. (*Видимо, узнает девушку.*) О, черт!

Бросает даму с Сашей и направляется прямо к окну.

Д а м а. Это интереснее, чем я ожидала.

С а ш а (*с бокалом в свободной руке*). Извините, мне пора.

Д а м а (*еще крепче подхватывая его*). Что значит «пора»? Скажи сначала, кто ты, зачем здесь, кого ждешь?

С а ш а. Я? Учусь.

Д а м а. Где? В Строгановке?

С а ш а. Нет-нет, я — журналист. Будущий.

Д а м а. Кажется, я поняла. Тебе надо написать рецензию.

С а ш а. Именно.

Д а м а. Положительную или отрицательную?

Саша не отвечает. Он заметил Наталью Сергеевну.

Д а м а (*проследив за его взглядом*). Ага, Леонид Николаевич, вот кого ты поджидал. Старовата для тебя, конечно, но в общем и целом — ничего. Ей стричься надо покороче. И надевать что-то другое. Брючки узкие ей бы пошли, ноги у нее хорошие.

Наталья Сергеевна направляется из фойе в зал галереи. Дама смотрит на Сашу. Отпускает его.

Д а м а. Иди. (*Подталкивает Сашу.*) Давай, Леонид Николаевич, смелее.

Саша сует ей свой бокал и устремляется к залу. Дама допивает его вино.

Плоскость холста пересечена косой линией. В верхней половине изображен дом со светящимся окошком, месяц в небе, буква «А»; в нижней части рисунка — могильный крест.

Наталья Сергеевна рассматривает картину. И отходит к следующей.

Саша осторожно следует за ней, но держится в отдалении, близко не подходит. Наталья Сергеевна иногда оглядывается. Народу много. Фотографы снимают картины и посетителей. Двое немолодых мужчин приближаются к картине, которую только что рассматривала учительница.

Н е м о л о д о й м у ж ч и н а. Этот крест внизу, как камертон. Перекликается с крестом оконной рамы.

Учительница, рассмотрев следующую картину, отступает от нее, оборачивается и — видит Сашу. Он отводит глаза, делает вид, что не заметил ее. Подходит к небольшой скульптуре (что-то вроде вскрытой консервной банки). Склоняется, рассматривает.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*за кадром*). Саша?

Саша подскакивает, делает вид, что она застала его врасплох, что он очень смущен.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Здравствуй, Саша.

С а ш а. Здравствуйте, Наталья Сергеевна.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Что ты тут делаешь?

С а ш а. Я? Смотрю.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Да, конечно, дурацкий вопрос. Извини. Я просто не ожидала, не думала, что тебя интересуют такие вещи.

С а ш а. Я тоже не ожидал вас здесь встретить.

Оба смолкают в некотором смущении. Вдруг Наталья Сергеевна настораживается, смотрит в сторону. Саша глядит туда же.

Идет прихрамывающий мужчина (средних лет, средней внешности). Наталья Сергеевна напрягается — мужчина идет прямо на нее. Но он проходит мимо. К пожилой женщине. Целуется с ней.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*оборачиваясь к Саше*). Ты давно здесь?

С а ш а. Да. Уже все посмотрел.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Понравилось?

С а ш а. Да. В общем.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. А особенно что-нибудь понравилось?

Саша подводит ее к картине с домом и крестом. Она удивлена.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Что тебя в ней привлекло?

Саша растерянно молчит, и она сама вдруг смущается.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Извини, я и здесь веду себя как учительница.

С а ш а. Все нормально, Наталья Сергеевна. Я просто не знаю, как сказать. Вот крест — он перекликается с крестом оконной рамы.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. В самом деле — перекликается. (*Вдруг улыбается скованному ее вопросом мальчику.*) Не буду больше тебя смущать. Пойду потихоньку.

С а ш а. Домой? Можно, я вас провожу? Я ведь тоже все посмотрел.

Дама идет прямо на них под руку с молодым красавцем. Проходя, подмигивает Саше.

Лара, Митя, Горбунов, Коля, смешливая девица, липнущая к Горбунову, выходят из кафе. Митя протягивает Горбунову руку.

М и т я. Спасибо, Илья, хорошо посидели.

Горбунов шлепает его по раскрытой ладони, подхватывает девицу. Лара отходит в сторону от веселой компании. Вынимает мобильный, вызывает Сашу. «Телефон отключен», — сообщает голос. Подходит Митя.

М и т я. Все нормально?

Л а р а. Все отлично.

Из автобуса спрыгивает Саша и подает руку Наталье Сергеевне. Они не спеша идут по улице.

С а ш а. Мне показалось, вы ждали кого-то?

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*быстро взглянув на него*). Нет, я никого не ждала. (*Идет молча, глядя под ноги. Вновь переводит взгляд на Сашу.*) На самом деле ты прав, ждала. Не то чтобы сильно ждала, но... Было немного. Немного ожидания в художественной галерее. (*Усмехается.*) Ты наблюдательный. (*Спотыкается на неровности тротуара, и он поддерживает ее под локоть. Убирает руку.*) Ты знаешь, Саша, эта картина — моя любимая. Я не очень могу объяснить, почему. Крест перекликается с крестом оконной рамы? Ну и что? Не в этом же дело. Или в этом... Не знаю. Рисунок наивный: ночь, свет в окошке, тишина... Детство вспоминается. Мы в маленьком городке жили, на окраине, отец работал на заводе... Ладно, заговорила я тебя, вот мой дом.

Они останавливаются перед огромной многоэтажкой.

С а ш а. А где вы живете?

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Второй подъезд, третий этаж. Справа окошко.

С а ш а. Там свет горит.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Таня дома.

С а ш а. Понятно.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Может, зайдешь, чаю выпьешь?

С а ш а. Нет-нет, мне пора, поздно уже.

Он отбегает на несколько шагов, оборачивается и бежит дальше. Наталья Сергеевна задумчиво направляется к подъезду.

Митя и Лара идут по улице.

М и т я. Мать хочет, чтобы я был адвокатом, отец — чтобы в туристический бизнес пошел, бабка хочет, чтобы я доктором стал и ее от всех болезней вылечил, а я ничего особо не хочу. В детстве я клоуном стать мечтал. Может, правда, в цирковое училище податься?

Л а р а. Да, клоун из тебя что надо.

М и т я. Я серьезно.

Лара на ходу вынимает мобильный, вызывает Сашу. «Абонент недоступен». Она прячет телефон. Идут молча. Митя осторожно берет ее за руку. Она как будто этого не замечает. Митя вдруг наклоняется и тыкается губами ей в щеку. Она резко останавливается, вырывает руку.

Л а р а. Знаешь, клоун, иди-ка ты... к своей бабушке.

М и т я. Ты чего?

Л а р а. Достал.

Она быстро, решительно идет от него. Пускается бегом. Плачет на ходу. Митя стоит в растерянности. Со злостью пинает камешек.

Тикают часы. Наталья Сергеевна сидит за столом на кухне и проверяет тетради. На тумбочке между столом и окном стоит старый компьютер. Он выключен. Монитор накрыт вышитой салфеткой. Вообще, кухня небольшая, небогатая, но чистая, уютная. На подоконнике цветут фиалки.

Наталья Сергеевна берет тетрадь Саши Литовченко. Проверяет домашнее задание. Исправляет ошибку. Ставит четверку. Зачем-то перелистывает тетрадь от начала. Почерк у Саши аккуратный, ровный, уверенный. Оценки — четверки и пятерки. Наталья Сергеевна откладывает его тетрадь. Берет следующую. Из комнаты в кухню доносятся громкие голоса, пальба, однообразная, какая-то выматывающая мелодия.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Таня!

Никто не откликается, и Наталья Сергеевна, с досадой отложив ручку, поднимается из-за стола.

Она входит в комнату и видит, что Таня, с ногами забравшись на диван, поглощена происходящим на телеэкране. Сцена любовная — два обнаженных тела на полу в неверном, из камина, свете огня. Таня смотрит завороженно, сомнамбулически.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Таня!

Таня вздрагивает, видит мать, вспыхивает, хватает пульт, нажимает кнопку. Экран гаснет.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*в наступившей тишине*). Я только хотела, чтобы ты тише сделала.

Т а н я. Я сделала. Тише некуда.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*после молчания; часы тикают*). Я тебе тройку за домашнюю работу поставила. Даже не ожидала, что ты такую грубую ошибку сделаешь. (*Таня молчит, смотрит в темный экран.*) Ты уроки приготовила?

Т а н я. И поужинала, и посуду помыла, и уроки сделала, щас зубы почищу и спать. И завтра, и послезавтра. Я, наверное, только затем и родилась, чтобы поесть, посуду помыть, уроки сделать и спать лечь. Всё.

Наталья Сергеевна садится на диван рядом с дочерью.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Тань, ты чего несешь, а? (*Обнимает ее.*) В жизни ведь много чего, кроме чистки зубов.

Т а н я (*почти со слезами*). Например?

Наталья Сергеевна (*гладя ее по голове*). Музыка, живопись, люди... Между прочим, я сегодня на вернисаже Сашу Литовченко встретила.

Таня (*отстранившись от матери и глядя на нее пристально*). Вот уж не думала, что он живописью интересуется.

Наталья Сергеевна. Выяснилось, что у нас совпадают вкусы.

Таня. Да?

Наталья Сергеевна встает с дивана и подходит к стеллажам с книгами. У них довольно приличная библиотека. Наталья Сергеевна вынимает альбом по живописи. Открывает, листает. Подходит к дочери... Наталья Сергеевна снимает салфетку с монитора. Садится за компьютер. Включает. Открывает свой почтовый ящик. Пришло письмо от ego. У письма есть приложение. Наталья Сергеевна открывает письмо. Читает текст: «Дорогая Наталья Сергеевна! Я не смог быть на вернисаже, простите ради бога. Я сейчас далеко от Москвы. Срочная командировка. Боюсь, что недели на три. Как вам понравилась выставка? Я часто рассматриваю ваше лицо на фото, и мне кажется, что мы знакомы очень давно. Может быть, в другой жизни? Только в той другой жизни у вас была короткая стрижка. Она вам очень шла. Наверное, я пишу глупости? — Наталья Сергеевна смущается, читая эти строки. Улыбается. Затем хмурится. — Жена ушла от меня, когда я заболел... — У Натальи Сергеевны взволнованное лицо. — Между прочим, мы можем с вами не просто переписываться, а практически вести диалог с помощью «аськи». Я научу, как. Назначим время связи, скажем, с 23.00...»

Наталья Сергеевна открывает приложение. Это фрагмент картины с вернисажа. С домиком, в котором светится окошко. Наталья Сергеевна глядит на картинку блестящими глазами. Домик, в котором светится окошко... Таня сидит в комнате на диване с открытым альбомом на коленях и взволнованно смотрит на репродукцию.

Спит в своей постели Таня.

Спит Саша.

Спит Митя.

Спит, обняв плюшевого медведя, Лара.

Спит и похрапывает во сне Горбунов, в его ногах устроился пес, он тоже похрапывает...

Шумит ветер в ветвях деревьев. Звезды горят над Землей, планеты.

Наталья Сергеевна сидит за экраном старого компьютера. Стучат клавиши. «...Он был алкоголик. Из-за ребенка я и нашла в себе силы — уйти. Моя девочка до сих пор боится громких голосов, криков, боится от меня отойти...»

Саша переворачивается во сне. Мерцает экран его компьютера — мужчина улыбается со зловещим добродушием, чернеет круглое дуло его пистолета.

В классе шум, грохот, визг. Саша не обращает внимания на шум. Заткнув уши, он читает учебник по математике. Лара подходит, садится рядом с ним, бросает сумку на стол и внезапно щелкает Сашу по лбу. Он мгновенно щелкает по лбу ее. Она вырывает у него учебник и колотит им по его голове. Он хватает ее за волосы.

Коля. Внимание! Поединок в среднем весе!

Многие оборачиваются, смеются. Лара и Саша бешено смотрят друг другу в глаза. И вдруг Саша отпускает Ларины волосы и начинает смеяться. Она тоже решается улыбнуться. Он мягко тыкается лбом в ее лоб.

Коля. Боевая ничья!

Лара. Дурак ты, Сашка!

Саша. Не то слово!

Она отдает ему учебник. Смотрит ревниво.

Л а р а. Ну, как твои дела вчерашние?

С а ш а. Нормально.

Л а р а. Я звонила пару раз.

С а ш а. Я телефон отключил, а потом забыл включить.

Звенит звонок. В классе настает невообразимая тишина, и все поднимают головы. В класс вошла Наталья Сергеевна. Она идет к своему столу под изумленными взглядами. Кто-то даже охает. Она подстриглась. И стрижка ей к лицу, она молодит ее, очень молодит.

В а л я. Какая вы красивая!

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*улыбаясь*). Спасибо.

Л а р а (*Саше, на ухо*). Она нашла себе мужика!

С а ш а. Наверно.

Л а р а. Я тебе говорю!

Учительница кладет на свой стол сумку, вынимает из нее журнал, тетради. Тень улыбки не сходит с ее лица. Она оглядывает класс.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Вчера у нас была трудная тема. Вы всё поняли?

Класс молчит. Саша смотрит на учительницу. Он любуется ею, как своим творением.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Может быть, есть вопросы? (*Класс молчит.*) Думайте. Завтра у нас контрольная.

М и т я. О-оо!

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*Мите*). Вы что-то хотите спросить?

Она вдруг встречается взглядом с Сашей, с его любующимся взглядом. И растерянно отводит глаза.

Саша входит в кухню. Отец сидит за чисто убранным столом, работает на ноутбуке. Лицо его сосредоточенно. Мобильный лежит на столе. Мягко стучат клавиши. Из комнаты доносятся телевизионные разговоры, сумбурные, нервные, перебивающие друг друга (ток-шоу). Отец так занят, что, кажется, не замечает Сашу. Саша наливает воды из чайника и садится со стаканом с другого края стола. Отпивает воду и сидит, посматривает на отца. Лицо отца обращено к экрану, сосредоточенно. Время на кухонных часах — без четверти одиннадцать. Отец хмурится, задумывается, пальцы его замирают, клавиши смолкают. Приглушенно гудит телевизор. Саша ставит стакан на стол.

С а ш а. Пап. (*Отец не слышит. Смотрит в экран, приподняв брови.*) Папа!

Отец выходит из задумчивости и видит сына. Смотрит вопросительно. Саша спрашивает.

С а ш а. Ты очень занят?

О т е ц. Да.

Сообразив, видимо, что нужно делать, быстро что-то набирает. Саша с досадой вертит стакан. Время уже без десяти. Саша поднимается. Ополаскивает стакан. Идет к выходу.

О т е ц (*за кадром*). Что ты хотел спросить?

С а ш а (*оборачиваясь*). Ничего.

О т е ц. Погоди, погоди.

С а ш а. Правда, ничего. Работай.

О т е ц (*закрывая ноутбук, властно*). Сядь.

Поколебавшись, Саша садится. Садится и молчит. Отец ждет, а сын молчит, смотрит на часы.

О т е ц. У тебя все нормально?

С а ш а. Ага. (*Смотрит на часы.*) Я пойду, пап.

О т е ц. Как знаешь.

Смотрит встревоженно на сына. Но Саша не встает. Вдруг спрашивает, не глядя на отца.

С а ш а. Если бы ты хотел заинтересовать женщину, о чем бы с ней говорил?

О т е ц (с *живым интересом в глазах*). Какую женщину?

С а ш а. Ну, не знаю. Любую.

Отец молчит. Саша смотрит на него исподлобья. Отец улыбается.

О т е ц (*посмеиваясь*). Женщины тоже люди.

С а ш а. Я догадываюсь.

О т е ц. И у разных женщин — разные интересы. С некоторыми можно даже о футболе поговорить.

С а ш а. А общие рекомендации имеются?

Отец отодвигает ноутбук, облокачивается о стол. И Саша облокачивается. Так что они сидят уже лицом друг к другу, действительно разговаривая, беседуя.

О т е ц. Из моего жизненного опыта... В этом деле успех возможен только в одном случае. Если женщине будешь интересен ты. То есть собой ты ее должен заинтересовать. Тут разговоры о футболе или о помидорах — только повод. Главный ее интерес должен быть сосредоточен на тебе. Если в тебе есть что-то (*щелкает пальцами*) этакое, все будет тип-топ. Это как дар божий. Или уж я не знаю чей.

В кухню заходит мать.

О т е ц. И еще. Твой интерес. Очень важно, чтобы она чувствовала твой интерес к себе. С этого, собственно, все и начинается.

М а т ь (*с любопытством глядя на них*). Не помешала?

С а ш а (*смутившись*). Нет.

Мать берет из вазочки на разделочном столе конфету. Разворачивает.

О т е ц. Реклама?

М а т ь. Как ты догадался? (*Кладет конфету в рот.*) Ты уроки сделал?

Саша смотрит на часы. Уже начало двенадцатого.

С а ш а (*быстро поднимаясь*). Пойду делать. А то контрольная завтра по алгебре.

И, взглянув на отца, уходит.

Мать жует конфету, смотрит на отца. Он поднимает крышку ноутбука. Работает (или делает вид). Она смотрит на него.

М а т ь. О чем говорили?

О т е ц. О женщинах.

М а т ь. Черт возьми, наш сын — совсем взрослый.

Отец останавливает бег пальцев по клавиатуре. Смотрит на жену.

О т е ц. Нет еще. Но стремительно к этому приближается.

Она подходит к нему. Ерошит волосы.

М а т ь. У тебя волосы седеть начали.

О т е ц (*обеспокоенно*). Где?

На экране компьютера возникают слова: «Добрый вечер, Наталья Сергеевна. Как договаривались, выхожу на связь. Чем были заняты сегодня?»

Саша за компьютером. Пишет в «аське» Наталье Сергеевне. Ждет ответ. На экране появляются слова: «Работа. Домашние хлопоты. Обычный день». «Устали?» — «Есть немного. И голова что-то болит. А как вы?» — «Пытаюсь представить, как вы живете». — «Честно сказать, не особенно интересно». — «А мне интересно. Я бы сейчас с удовольствием у вас в гостях посидел. Вы где сейчас? В комнате?» — «В кухне. У нас одна комната. Таня сейчас в ней». — «Что делает?» — «Смотрит телевизор. Я беспокоюсь за нее». «Почему?» — «Она очень стеснительная. И симпатичная, и умница, но — боится, когда на нее обращают внимание. Это с детства, психологическая травма. В школе ни с кем не дружит». — «Может быть, ей не интересны одноклассники?» — «Насколько я знаю, один очень даже интересен. Только она страх как боится это показать. Но я-то давно заметила. Правду сказать, он и меня заинтересовал. Я его встретила на той выставке в «Улье». Оказалось, у нас совпадают вкусы...»

Саша читает реплику Натальи Сергеевны, и скулы его розовеют.

Кто-то списывает из учебника формулы прямо на столешницу. А кто-то — на ладошку. Кто-то болтает с приятелем. Кто-то — по телефону. Таня читает книгу, обернутую в бумагу, явно не учебник. На парте Лары и Саши — ворох бумажек (разорванный на полоски тетрадный лист). Лара пишет на одной из полосок: «МГУ». Митя сидит, развернувшись к их парте и с азартом следит за происходящим.

М и т я. Ты факультет пиши.

Л а р а. Только на МГУ десять бумажек уйдет.

Лара смотрит на Сашу, он усмехается. Лара дописывает к «МГУ» «Мехмат». Бумажку скатывает и бросает в свою сумку (сумка, очевидно, пуста; вещи сложены на столе, поверх книг и тетрадей — косметичка, ярко-розовый мобильный). Лара заполняет очередную бумажку, а Саша переводит взгляд на Таню. Таня перелистывает страницу. Отводит челку ото лба, ее волосы золотятся в свете, падающем из окна. Вдруг Таня поднимает лицо от книги. Ее взгляд сталкивается со взглядом Саши. Саша мгновенно отводит глаза и встречается с настороженным взглядом Лары.

С а ш а. Что?

Лара молча придвигает к нему сумку. Митя смотрит с любопытством. Саша запускает руку в сумку. Копается. Митя и Лара ждут.

М и т я. Давай уже.

Л а р а. Не гони. У человека судьба решается.

Саша выуживает бумажку. Медленно разворачивает. Митя и Лара склоняются посмотреть, что там написано, ударяются головами, и Лара отталкивает засмеявшегося Митю. На бумажке написано: «Театральный». Митя хохочет.

С а ш а. Этого мне еще не хватало. (*Ларе.*) Театральный-то зачем писала?

Л а р а. А что, актерских способностей у тебя нет разве?

Саша рвет бумажку. Звенит звонок.

М и т я. А ты на критику иди.

В кабинет входит учительница биологии Маргарита Степановна. Класс гудит, встает вразнобой.

Г о л о с з а к а д р о м. А что, математики не будет?

М а р г а р и т а С т е п а н о в н а. Здравствуйте... Садитесь... Наталья Сергеевна заболела.

М и т я. Ура! Контрольная отменяется!

Л а р а (*Тане, зло*). Сказать не могла?

Саша тоже смотрит на Таню. Таня смущается и отворачивается к окну.

М а р г а р и т а С т е п а н о в н а (*Ларе*). Ты Таню не ешь глазами, Лариса. А ты, Дмитрий, сдержи радость до более подходящего случая. Контрольная будет.

Они сидят и сосредоточенно (или рассеянно, кто как) пишут. Горбунов, Коля, Таня, подружки Валя и Галя впереди нее... Варианты контрольной уже написаны на доске. Маргарита Степановна прохаживается между рядами. Митя оборачивается, чтобы заглянуть в листок Саши и получает от Маргариты Степановны легкий подзатыльник. Маргарита Степановна плавно разворачивается и становится над Митей, так что списать ему нет никакой возможности. Саша смотрит в листок Лары, в ее решение. Лара смотрит на него вопросительно. Саша качает головой, берет чистый листок и решает Ларе задачу. Лара, закусив от волнения губу, торопливо списывает.

Маргарита Степановна собирает листочки с контрольной. Стоит над Митей и ждет, когда он допишет. Не дождавшись, выхватывает листок. Митя возмущенно гудит. Маргарита Степановна не обращает на него внимания. Идет с пачкой собранных листочков к Татьяне и передает их ей.

М а р г а р и т а С т е п а н о в н а (*Тане*). Маме привет.

Звенит звонок. Таня прячет листки с контрольной в сумку.

Таня сидит в компании Гали и Вали. Саша — в обычной компании: Лара, Горбунов, Коля, Митя. Таня с Галей и Валей сидят за его спиной, и он прислушивается к разговору за их столиком.

В а л я (*за кадром*). А что с Натальей Сергеевной?

Т а н я (*за кадром*). Давление. У нее бывает иногда.

Горбунов вытирает тарелку корочкой хлеба и отправляет корочку в рот.

Л а р а. Илья, тебя дома, что ли, не кормят?

Г о р б у н о в. В общем, да. Мать нас с отцом на диете держит, даже хлеб домой не покупает.

Ребята смеются. Саша протягивает Горбунову свой хлеб. Горбунов берет его, солит и ест. Митя сидит хмурый, расстроенный.

Л а р а (*Мите*). Чего такой унылый?

М и т я. Ничего.

Г о р б у н о в. Он контрольную не написал.

М и т я. Я написал, но на двойку.

Л а р а. Двойкой больше, двойкой меньше...

М и т я (*тоскливо, раскрошивая свой хлеб*). Отец меня убьет...

Г о р б у н о в. Ты чего хлеб переводишь?

Митя отодвигает тарелку с раскрошенным хлебом. Лара под столом прижимает свое колено к колену Саши.

С а ш а (*Мите*). А спорим, тебе пятерку поставят?

М и т я. Иди ты...

С а ш а. Я серьезно.

Г о р б у н о в. Нереально.

С а ш а. Спорим.

Г о р б у н о в. На что?

Митька смотрит на них с некоторым оживлением в глазах.

Л а р а. У меня тушь заканчивается.

С а ш а. Давай, на тушь.

Л а р а. Я черной пользуюсь, «Шанель».

Г о р б у н о в. Губа не дура.

Саша протягивает Горбунову ладонь. Горбунов берет Сашину ладонь в свою. Лара их разбивает. Звенит звонок. Ребята поднимаются из-за стола. Саша остается на месте. Митя встает, но смотрит на Сашу.

С а ш а (*Мите*). Погоди.

Митя садится. Лара не уходит, ждет их.

С а ш а. Ты иди. Мы сейчас.

Лара, поколебавшись, уходит.

С а ш а (*Мите*). Садись. (*Митя садится, растерянно-настороженно глядя на Сашу.*) Бери чистый листок. (*Митя, поколебавшись, достает из сумки тетрадь, выдирает листок.*) Ручку бери. (*Митя берет и ручку.*) Пиши. «Контрольная работа. Первый вариант...»

М и т я (*ручка его останавливается*). Зачем это?

С а ш а. Не твое дело. Пиши.

Митя пишет.

Митя входит в кабинет физики. Учитель (он стирал с доски) поворачивается к нему.

М и т я. Извините.

Ф и з и к. Извиняю.

Митя идет к своему месту, Лара смотрит на него.

М и т я (*усаживаясь, Ларе*). Сашка домой пошел. Голова разболелась.

На экране компьютера появляются слова: «...Еще вы мне приснились. Странно, мы ни разу не виделись, а вы мне снитесь. Как будто вы мне что-то говорите, а я не слышу что. И мне так вас жалко. Я проснулся и подумал, что вы, Наталья Сергеевна, заболели...»

Саша сидит в Интернет-кафе и набирает письмо Наталье Сергеевне. Слышны пиликающие, булькающие звуки игры.

Физик показывает простой опыт: шарик скатывается по наклонному желобу, катится по желобу горизонтальному, останавливается.

Ф и з и к. Итак, почему остановился шарик? (*Оглядывает класс.*) В чем дело? Я думал, лес рук поднимется. Это же материал восьмого класса. Почему невозможен вечный двигатель? Почему все, что имеет начало, имеет и конец? (*Смотрит на свободное место возле Лары.*) Где Литовченко? Кажется, я его сегодня видел.

Л а р а. Он отпросился. У него голова разболелась.

Ф и з и к. У кого же он отпросился? У вас?

Л а р а. У него, правда, голова разболелась.

Ф и з и к. На воздухе надо больше бывать.

К о л я. Вот он и пошел — на воздух.

Класс смеется.

Дети расходятся из школы. Кто-то бежит бегом. Кто-то идет не спеша и беседует с приятелем. Кого-то мама ведет за ручку.

Лара выходит на крыльцо, оглядывается. Вызывает по мобильному Сашу. «Абонент недоступен». Лара сходит с крыльца, идет по дорожке. Ее нагоняет Митя. Пристраивается рядом.

Таня выходит из магазина со школьной сумкой на плече и с пакетом в руках. В пакете угадываются свертки. Она идет по улице, не обращая внимания на прохожих, о чем-то задумавшись. Вдруг ее нагоняет Саша. Он идет рядом с ней незамеченный, настолько она погружена в себя. Внезапно Саша перехватывает у нее пакет с продуктами. Таня вскрикивает от неожиданности и пытается пакет удержать. Узнает Сашу.

С а ш а. Привет. Иду, а ты меня не видишь. О чем задумалась?

Т а н я (*смущенная, растерянная, готовая бежать от Саши без оглядки*). Так.

С а ш а. Ты домой? Можно тебя проводить?

Они идут по улице и молчат. Таня решается взглянуть на Сашу. И встречается с ним взглядом.

Т а н я (*набравшись храбрости*). Как твоя голова?

С а ш а (*не сразу сообразив, о чем она*). Нормально.

Еще некоторое время идут в молчании. Проходят мимо кафе, и Саша предлагает.

С а ш а. Зайдем?

Т а н я. Прямо сейчас?

С а ш а. Посидим немного. Поболтаем.

Т а н я. Мама ждет...

С а ш а. Мы недолго.

Таня смотрит на часы.

Саша наблюдает за тем, как Таня отделяет вилкой кусок пирожного, как ест.

С а ш а. Ну как?

Т а н я. Вкусно.

С а ш а. Можно попробовать? Давай, ты от моего, а я от твоего.

Он отделяет от своего пирожного половину и кладет на тарелку Тане. Таня отделяет половину своего пирожного и кладет на тарелку Саше. При этом смущается. Опускает глаза. Саша рассматривает ее длинные ресницы, нежный овал щеки.

С а ш а. Почему ты не красишься?

Т а н я. Я красилась. Один раз. Мне не понравилось. (*Решается взглянуть на него.*) Сама себя не узнала. Как клоун.

С а ш а. Ну это ты, наверное, сильно накрасилась.

Т а н я. Наверное.

Смотрят друг на друга. Улыбаются одновременно. Таня отводит глаза, берется за кофе.

С а ш а. Митьку жалко.

Таня смотрит на него удивленно.

С а ш а. Опять контрольную на два написал. Отец его пришибет.

Таня ставит свою чашку на стол.

Т а н я. Он, правда, его бьет?

С а ш а. Правда. (*Смотрит на Таню. У нее растерянный взгляд.*) Давай, спасем его на этот раз?

Т а н я. Как?

Саша вынимает из своей сумки листок. Таня берет листок, читает: «Контрольная работа. Первый вариант...» Это под диктовку Саши переписанная Митей контрольная. Таня откладывает листок. Смотрит на Сашу внимательно. Вынимает из своей сумки пачку контрольных. Находит Митину. Читает. Рвет. И вкладывает на ее место написанный под диктовку вариант.

Саша провожает Таню, несет ее сумку. Идут они очень медленно, нога в ногу.

С а ш а. А что за книжку ты читаешь?

Т а н я. Угадай.

С а ш а. Детектив какой-нибудь.

Т а н я (*засмеявшись*). Нет, я не люблю детективы. Я сразу понимаю, кто убил. Неинтересно.

С а ш а (*искренне*). Потрясающе!

Т а н я. Правда.

С а ш а. Я в том смысле, что я тоже не читаю детективы. Тоже сразу знаю, кто убил. И ты. Здорово.

Он смотрит на нее с настоящим интересом.

Они входят в арку ее дома.

С а ш а (*тихо*). Таня.

Таня поворачивается к нему. Он остановился. Она тоже останавливается.

С а ш а. Спасибо тебе.

Т а н я. За что?

С а ш а. За Митьку.

Т а н я. Ну... Ты меня разжалобил просто.

С а ш а (*вплотную приближаясь к Тане*). Не знал, что тебя так легко можно разжалобить.

Т а н я. Я тоже не знала, что ты Митьку можешь пожалеть.

Он смотрит ей прямо в глаза, очень близко. Вдруг касается губами ее губ, но Таня мгновенно отстраняется.

Т а н я. Вот этого от тебя не ожидала.

С а ш а (*изумленно*). Чего? Почему?

Т а н я. Ты же с Ларой дружишь.

С а ш а. Да, дружу. Но это все ненастоящее.

Т а н я. Я бы не смогла дружить с человеком, если «это все ненастоящее».

С а ш а. Я только сейчас это понял.

Таня растеряна. Она не знает, как ей реагировать на его слова, что делать. Да и сам он растерян.

Т а н я (*тихо, но с неожиданной уверенностью в себе*). Иди домой, Саша. Как любит говорить моя мама, утро вечера мудренее.

Она забирает у него свою сумку. Саша покорно ее отдает.

С а ш а. До завтра.

Т а н я. До завтра.

Кадры английского фильма «Частная жизнь Генриха VIII», сцена игры в карты. Педагог по английскому, невысокая, сухопарая Генриетта Николаевна ставит на паузу DVD-плейер. Смотрит на сидящих в небольшой комнате учеников (их человек пять), среди которых — Саша.

Г е н р и е т т а Н и к о л а е в н а (*Саше, по-английски*). Как думаете, кто выиграет?

С а ш а (*по-английски*). Она, конечно.

Г е н р и е т т а Н и к о л а е в н а (*по-английски*). Почему? (*Саша молчит.*) Давайте досмотрим до конца и обсудим природу коварства мужчин и женщин.

Ребята одобрительно гудят. Генриетта Николаевна включает плейер.

Саша входит в свою комнату. В темноте подходит к столу и включает компьютер. Он в «аське». Читает послание от Натальи Сергеевны: «Здравствуйте, Леонид Николаевич! Я ведь действительно неважно себя чувствовала, так что сон ваш в руку». Отвечает: «Как вы сейчас?» «В порядке. Когда заканчивается ваша командировка?» — «Не скоро, к сожалению».

Саша лежит на диване. В поле его зрения — экран компьютера. Мужчина целится из пистолета.

Саша сидит за своим столом. Он смотрит, как в кабинет входят ребята, здороваются, болтают, рассаживаются. Лара сидит возле него и смотрит в зеркальце. Подкрашивает ресницы. Входит Таня. Саша следит за ней. Таня направляется к своему столу. И оглядывается на Сашу. Их взгляды встречаются. Саша улыбается. Таня улыбается, кивает и отворачивается. Лара с любопытством смотрит на их переглядки, но ничего не говорит. Кидает зеркальце в сумку.

Входит Наталья Сергеевна, и все стихают. Звенит с ее приходом звонок, и все рассаживаются по местам. В тишине Наталья Сергеевна проходит к своему столу. Митя напряженно следит за ней.

Л а р а (*шепчет в ухо Саше*). Болела-болела, а выглядит неплохо... Точно, мужика нашла.

Саша молчит. Он смотрит, как Наталья Сергеевна вынимает из сумки журнал, учебник, тетрадь с планами, листки вчерашней контрольной. Она берет стопку листков и оглядывает класс. Все напряженно ждут. Валя грызет ногти. Галя неслышно шлепает ее по руке, и Валя кладет руки на стол. Митя сидит, окаменев от напряжения.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. В общем, я довольна. Написали вы неплохо.

Все облегченно вздыхают. Галя ободряюще смотрит на Валю.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Есть, правда, одна двойка.

Г о р б у н о в. Кто этот несчастный?

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Пусть он немного помучается ожиданием. (*Начинает перебирать листки, зачитывать оценки и тут же раздавать листки ребятам.*) Николаев. Четыре. Ошибка досадная, я думаю, по невнимательности.

Николаев берет листок равнодушно, смотрит в него лениво.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Антонов. Тройка. Молодец, Миша, работа была трудная, но ты справился.

Антонов радостно улыбается, листок принимает обеими руками; сосед по столу одобрительно хлопает его по спине.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Валя Сергиенко.

Валя вытягивает шею и жалобно смотрит на учительницу, Наталья Сергеевна качает головой, передавая ей листок.

Наталья Сергеевна. Я поставила тебе тройку. (*Валя счастливо вздыхает.*) Но твоя тройка не чета тройке Миши Антонова, для Миши тройка — это победа, а для тебя самое настоящее поражение.

Наталья Сергеевна берет следующий листок и идет к столу Саши и Лары.

Наталья Сергеевна. Литовченко Александр. Пятерка.

Передает Саше листок. Улыбается ему. И Саша ей улыбается.

Наталья Сергеевна. Лариса.

Лара смотрит выжидающе.

Наталья Сергеевна. Четыре.

Лара (*забирая листок*). Это приятно.

Наталья Сергеевна. Митя. (*Смотрит на него и держит на весу листок; Митя приподнимается.*) Ты меня удивил. Приятно удивил. Я знаю, что списать ты не мог... Пятерка!

Митя хватает свой листок, смотрит. Наталья Сергеевна продолжает раздавать работы. Митя поворачивается к Саше.

Митя (*с чувством*). По гроб жизни!

Саша. Спокойно.

Наталья Сергеевна. Мальчики, потише.

Митя отворачивается. Лара показывает Горбунову пантомиму — словно бы подводит ресницы. Горбунов кивает, прикладывает руку к сердцу. Таня оглядывается и смотрит на Сашу.

Наталья Сергеевна (*Коле*). Двойка, к сожалению.

Коля. Я все правильно решил!

Наталья Сергеевна (*склоняясь к нему с листочком*). Давай, посмотрим...

Документальные съемки

Учителя рассказывают детям... О наполеоновских войнах... О миграциях птиц... Об изобретении атомной бомбы... О первобытных религиях.

Кто-то засыпает на последней парте. Кто и когда расскажет о нем? О его уже случившейся жизни.

Мальчики один за другим прыгают через горизонтально установленную планку.

Планку устанавливают пониже и через нее прыгают девочки.

Все отрабатывают кувырки через голову.

Кидают с места мяч в кольцо.

Таня долго примеривается, кидает и попадает в кольцо. Саша показывает ей большой палец.

Лара удивленно смотрит на Сашу.

Саша сидит на скамейке в раздевалке, устало вытянув ноги, привалившись спиной к шкафчику. Горбунов сидит рядом на той же скамейке и, пыхтя, зашнуровывает башмаки. Митя выбирается из-за шкафчика и садится на скамейке напротив Саши и Горбунова. Молчит и смотрит на Сашу.

Саша. Что с тобой?

Митя. Как тебе это удалось?

Саша. Секрет фирмы.

Митя. А зачем?

Саша. Не знаю.

Митя. Перед Ларкой покрасоваться? Она и так никого не видит, кроме тебя.

Горбунов. А ты борись.

Митя. Я борюсь.

Горбунов. Ты не из окна прыгай, а учись хорошо, чтоб у тебя перспектива была. Бабы любят, чтобы перспектива, а психов они не очень любят.

М и т я. Иди к черту.

Г о р б у н о в. Я дело говорю.

Горбунов выпрямляется; он завязал шнурок на одном башмаке и теперь передыхает.

С а ш а (*устало*). Какое счастье, что завтра выходной. Свалить бы куда-нибудь из дома, чтоб не видеть никого.

Г о р б у н о в. У нас дача на выходные свободна, договорюсь с родителями без проблем.

Митя смотрит грустными глазами. Горбунов ему подмигивает.

Г о р б у н о в. Митьку возьмем. Он только с виду страшный.

Кто-то пробирается между скамеек, и ребята отстраняются, давая дорогу. Этот кто-то заговаривает с Митей. Саша наклоняется к Горбунову.

С а ш а (*тихо*). Слушай, Илья, а давай, Таню пригласим?

Г о р б у н о в (*смотрит на него удивленно*). Ты серьезно?

С а ш а. Да.

Горбунов хмыкает и принимается за второй шнурок. Смотрит на Сашу снизу вверх.

Г о р б у н о в. А Лару мы будем звать?

С а ш а (*после паузы*). Нет.

Лара идет по платформе вдоль электрички. На платформе обычная суета: люди бегут, торопятся, боятся опоздать, заходят в вагоны... Лара входит в вагон. Народу здесь немного, и она сразу видит ребят.

Горбунов сидит у окна, возле него — девушка лет восемнадцати, Надя. Горбунов что-то говорит, а Надя смеется. Саша и Таня сидят напротив них, но ближе к проходу; они говорят о чем-то своем, смотрят друг на друга. Горбунова они не слушают.

Лара идет по проходу, ребята ее не видят.

Лара опускается на сиденье к Горбунову с Надей, так что оказывается напротив Саши с Таней. Все смотрят на нее растерянно.

Л а р а. Чего уставились, друзья? Не ждали? Митька мне сообщил о вашем мероприятии. Я подумала, может, вы просто забыли мне сказать? Не очень я вам помешала?

Г о р б у н о в (*смущенно*). Не говори глупости, Ларка. Мы так и думали, что тебе Митька скажет. Знакомься! Надя, моя подруга. (*Поворачивается к Наде.*) А это — Лара.

Н а д я. Очень приятно.

Надя протягивает Ларе руку, которую та пожимает.

Г о р б у н о в. Ну, остальных ты знаешь.

Горбунов обнимает высокую, себе под стать, подружку за плечи.

Л а р а (*смотрит на Сашу*). В общем и целом. (*Смотрит на Таню.*) Как дела, Тань?

Т а н я. Нормально.

Л а р а. Мать как?

Таня (*удивляется ее вопросу*). Хорошо.

Л а р а. Мужика-то нашла?

Таня смотрит с недоумением.

С а ш а. Лара, можно тебя на секунду?

Он встает перед Ларой, загораживая от нее Таню. Лара сидит нога на ногу и, покачивая ногой, смотрит снизу вверх на Сашу.

С а ш а. На секунду. Пожалуйста.

Подумав, Лара встает. Саша берет ее за локоть и ведет в тамбур (не в тот, в который входила Лара, первый по ходу от вокзала, а в противоположный).

В тамбуре они встают у закрытых дверей, чтобы не мешали идущие через вагоны пассажиры.

Л а р а. Слушаю тебя очень внимательно.

В тамбур входит мужик средних лет, Вася. Закуривает. Смотрит на них. Взгляд у него любопытный и шалый. Саша молчит.

Л а р а. Так что ты хотел мне сказать?

С а ш а. Не цепляйся к Тане, пожалуйста.

Л а р а. Я свободный человек в свободной стране, хочу цепляюсь, хочу — нет. С какой стати ты мне указываешь?

С а ш а. Я не указываю. Прошу.

Л а р а (*пристально смотрит*). Влюбился, что ли?

С а ш а. Нет.

Вася с насмешливым интересом их слушает. Вскрывает банку с пивом, отхлебывает, курит.

С а ш а. У нее проблемы с общением.

Л а р а. Это видно невооруженным глазом.

С а ш а. Я подумал, что смогу ей помочь.

Л а р а. Очередной приступ милосердия?

С а ш а. Скорее любопытства. Что-то вроде эксперимента.

Саша молчит. Лара смотрит на него. Рядом Вася отхлебывает пиво и вдруг подмигивает Саше.

Л а р а. Она, правда, тебе не нравится?

С а ш а. Правда.

Лара пытливо смотрит на него.

С а ш а. Завтра я на нее даже не посмотрю.

Л а р а (*усмехается*). Да мне-то что. Посмотришь, не посмотришь... Твои проблемы. Даже не знаю, с чего я так завелась, собственно.

Отстраняет Сашу, чтобы вернуться в вагон.

С а ш а. Лара.

Л а р а. Что?

Она задерживается, смотрит на него вопросительно.

С а ш а. Тебе, правда, все равно?

Л а р а. Абсолютно.

С а ш а. Тогда — не цепляйся к ней. Ладно?

Л а р а. Плевать я хотела на нее. Да и на тебя заодно.

Она идет в вагон. Вася смотрит на Сашу насмешливо.

С а ш а (*отвечая на взгляд, как бы оправдываясь*). Я ее нейтрализовал.

В а с я. Думаешь?

Саша растерянно отводит взгляд.

К Горбунову, Наде и Тане уже присоединился Митя. Он устроился напротив Горбунова, у окна, на одной скамейке с Таней. Таня сидит с краю. Завидев Лару, Митя машет ей рукой.

Лара подходит и садится между Таней и Митей. Саше остается место возле Нади с Горбуновым. Она садится и оказывается напротив Тани. Все молчат. Машинист объявляет об отправлении. Поезд трогается. И как только он трогается, в вагон из тамбура входит Вася — свидетель разговора между Ларой и Сашей. Он становится в проходе, как бы задумавшись. При этом печально оглядывает пассажиров. Говорить начинает совершенно неожиданно и отчаянно громко.

В а с я. Граждане дорогие, позвольте представиться! Зовут меня Вася. И простите, что отвлекаю...

Он вдруг замолкает, задумывается, опускает печально голову.

Л а р а (*мрачно за ним наблюдая*). Идиот.

Внезапно Вася запрокидывает голову и начинает с подвыванием читать.

В а с я.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь...

Он читает и идет по проходу, держа в руках открытый пакет. В пакет кладут деньги.

Л а р а. Нет, не идиот.

Вася проходит мимо их компании. Саша вынимает из рюкзака бумажник. И Вася останавливается, ждет. Саша кладет ему в пакет двадцать рублей. Вася подмигивает Саше и идет дальше, а в вагон уже входит парень — торговец с большой сумкой. Он ставит сумку на пол. Вынимает из нее белую футболку. Его пронзительный голос перекрывает стук колес, разговоры пассажиров, заставляет оглядываться.

Т о р г о в е ц. Говорят, есть несмываемые пятна! По последним данным науки таких пятен нет! И я вам это докажу. У меня при себе губная помада! (*Вынимает патрон ярко-красной губной помады и всем демонстрирует; поднимает повыше футболку и чиркает по ней помадой.*) Какой ужас! Как я теперь вернусь домой? С таким позорным пятном? (*Вынимает из кармана пузырек йода.*) Но это не всё! Вот йод, самый обыкновенный, ничем не смываемый. (*Отвинчивает крышку и плещет йодом на футболку.*) Вот это пятно! Это уже окончательное пятно, бесповоротное пятно... Хотя, погодите. (*Вынимает из кармана толстый зеленый маркер.*) Мы же с вами художники. Мы с вами здесь чего-нибудь изобразим...

Он рисует рожу на футболке. Маленький мальчик заливисто хохочет, глядя на эту рожу. Тянет к ней ручки. С футболкой, высоко поднятой и развернутой, торговец прохаживается по вагону. При этом пассажиры, кто с удовольствием, кто с неприязнью, смотрят на это представление. Надя и Горбунов радостно смеются каждой реплике. Саша с Таней улыбаются. Митя прыскает. Лара смотрит серьезно. Торговец резко останавливается посреди вагона.

Т о р г о в е ц (*завывая*). Ты повернул глаза зрачками в душу, а там повсюду пятна черноты, и их ничем не смыть...»

Г о р б у н о в (*давясь от смеха*). О господи!

Т о р г о в е ц (*выхватывая из кармана баллончик*). Королева ошибалась, дамы и господа.

Торговец прыскает из баллончика на пятна. Яростно трет футболку. Разворачивает. Она — девственно белая. Маленький мальчик, увидев, что рожи уже нет, вдруг плачет.

Горбунов хлопает в ладоши. К нему присоединяются Надя и Митя. Затем — Саша с Таней, и, лениво, Лара. И еще кто-то в вагоне подхватывает... Аплодисменты смолкают. Торговец раскланивается, возвращается к первым рядам, подхватывает свою сумку и идет по вагону. Кто-то его останавливает и покупает пятновыводитель...

Поезд идет. Все тихо. Лара кладет голову на плечо Мите.

Саша и Таня смотрят друг на друга.

В вагон входит торговка мороженым.

Т о р г о в к а. Мороженое. Ленинградское, шоколадное в стаканчиках, «Лакомка»...

Ж е н щ и н а. «Лакомка» сколько стоит? Дайте одну.

Л а р а (*Мите, капризно, поднимая голову с его плеча*). Хочу шоколадное.

М и т я (*торговке*). Погодите!

Торговка, уже ушедшая вперед, пятится со своим ящиком.

М и т я. Одно шоколадное и... не знаю, дайте еще одно шоколадное...

Вынимает деньги и протягивает торговке.

С а ш а (*Тане, тихо*). Хочешь?

Таня отрицательно качает головой.

Г о р б у н о в (*Наде*). А тебе какое?

Н а д я. Не знаю. Ты какое будешь?

Г о р б у н о в. Я не хочу.

Л а р а (*разрывая обертку мороженого*). Что-то новенькое.

Г о р б у н о в. У меня горло болит.

Н а д я. Тогда тоже не буду — из солидарности.

Горбунов нежно целует Надю.

Лара и Митя едят мороженое. Горбунов косится с вожделением.

Г о р б у н о в. Вкусное?

Л а р а. Нормальное.

М и т я. Вкусное, вкусное.

Митя облизывает сладкие пальцы. И пытается облизать сладкие пальцы Лары, но она его отталкивает.

У парня, который сидит через проход, звенит мобильный. Парень отвечает по нему очень громко и четко.

П а р е н ь. Что? Что ты купил? Черные? Совсем черные? Совсем-совсем черные? И сколько заплатил? Сколько?! Где ты столько денег взял? Где ты такую огромную кучу денег взял? Кого ты ограбил? Понятно. Когда увидимся? Менты к тебе еще не заходили? Ко мне? Заходили. Про тебя спрашивали.

Он отключает трубку. Таня поднимает смеющееся лицо. Ее взгляд встречается со смеющимся взглядом Саши.

П р и я т е л ь п а р н я. Кто звонил?

П а р е н ь. Билл Гейтс.

П р и я т е л ь п а р н я. Что купил?

П а р е н ь. Остров.

Саша и Таня мгновенно прыскают, глядя друг на друга. Да и многие в вагоне смеются. Надя вообще закатывается от хохота, она кажется простодушной и открытой. И Горбунов смеется, и Митя, и даже Лара посмеивается.

Г о р б у н о в (*вытаскивает из кармана мобильный*). Кстати! Смотрите, какую штуку мне отец подарил. (*Митя хочет ухватить его мобильный.*) Лапы оботри.

Митя растерянно смотрит на свои липкие руки. Лара вынимает ему бумажный платок. Митя вытирает руки, прячет бумажный комок в карман, осторожно берет мобильный. Рассматривает.

М и т я. С камерой?

Г о р б у н о в. Как видишь.

М и т я. Вещь. Да? (*Смотрит на Лару. Затем на довольного Горбунова.*) Дорогая?

Л а р а. Ты еще спроси, кого он ограбил.

М и т я. Можно, я попробую? Можно?

Горбунов добродушно кивает. Митя включает кнопку, наводит объектив на Горбунова с Надей, Надя приникает к Горбунову, томно улыбается. Митя переводит объектив на Сашу, Саша смотрит серьезно. Переводит объектив на Таню, Таня показывает язык. Отстранившись к окну, Митя переводит объектив на Лару.

Л а р а. И что?

Митя привстает и снимает лица в вагоне, несущуюся за окном рощу. Надя и Горбунов дремлют, обнявшись. Митя просматривает на мобильном записи, в том числе и не им сделанные: отец Горбунова перед телевизором, идет футбольный матч, отец Горбунова всплескивает руками и кричит: «Ах ты!..» Собака Горбунова смотрит в объектив. Тявкает...

Лара смотрит в окно. Саша наклоняется к Тане.

С а ш а (*шепотом*). Покажи ладонь.

Т а н я (*шепотом*). Зачем?

С а ш а. Покажи.

Она протягивает ему ладонь, и Саша рассматривает линии на ее ладони.

Т а н я. Ну?

Саша накрывает ее ладонь своей. Его ладонь больше Таниной.

С а ш а. Ты будешь жить долго и счастливо.

Т а н я. Да ну тебя.

Она выдергивает ладошку из его рук. Но глаза смотрят тепло. Лара следит за ними, отвернувшись от окна.

Электричка с грохотом отходит от платформы. Компания во главе с Горбуновым направляется к пристанционному магазинчику.

Они вваливаются в магазинчик и заполоняют его. Щуплая старушка испуганно на них оглядывается. Продавщица взвешивает ей печенье.

П р о д а в щ и ц а. На двадцать рублей.

Старушка пересчитывает свою мелочь. Горбунов с высоты своего роста заглядывает в ее кошелек, достает свой бумажник, вынимает двадцать рублей и передает продавщице.

Г о р б у н о в. За нее.

Продавщица мгновенно берет деньги, завязывает пакет и кладет его на витрину. Старушка берет пакет, оборачивается к Горбунову.

С т а р у ш к а. Спасибо, сынок.

Г о р б у н о в. Не за что, бабуля. (*Обращается к продавщице.*) Колбаса у вас свежая?

С т а р у ш к а (*не отходит*). Дай бог тебе здоровья.

Г о р б у н о в. И вам.

С т а р у ш к а. Возьми еще конфеток бабушке.

Г о р б у н о в. Каких?

С т а р у ш к а. Шоколадных, они помягче, а то зубов нет жевать, печенюшки-то я в чае размокаю.

Г о р б у н о в. Сколько?

С т а р у ш к а. Триста грамм.

Горбунов кивает продавщице, и она взвешивает конфеты. Старушка берет конфеты и вновь обращается к Горбунову.

С т а р у ш к а. А еще можно тебя попросить?

Л а р а. Нельзя.

С т а р у ш к а. Чего?

Л а р а. Больше просить нельзя. Сказку о золотой рыбке помните?

С т а р у ш к а. Чего?

Надя хихикает.

П р о д а в щ и ц а. Иди, мать, иди, хватит с тебя.

Пожевав губами, старушка кланяется Горбунову.

С т а р у ш к а. Спасибо, сынок.

Старушка тащится к дверям.

П р о д а в щ и ц а. Чего берете, молодежь?

Г о р б у н о в (*острым взглядом обегает прилавки*). Все берем. Колбасы самой свежей палку, конфет тоже можно, помидоры...

П р о д а в щ и ц а (*вынимая из холодильника палку колбасы*). Погоди-погоди, я ж не машина.

Ребята выходят из леска, нагруженные пакетами, из которых торчат свертки, бутылки. Мальчики тащат по нескольку пакетов, девочки по одному. Лара перекладывает пакет из одной руки в другую, Митя перехватывает у нее пакет и тащит уже по три в каждой руке.

Л а р а. Вот спасибо.

Она идет обочиной дорожки; глядя на всю компанию со стороны.

Идут улицей старого дачного поселка. Дни теплые, так что люди есть. Дети играют в мяч. Мяч катится под ноги Мите, Митя хочет его пнуть, но Саша перехватывает мяч и отфутболивает малышне. Бутылки громыхают в его пакетах.

Г о р б у н о в. Эй! Разобьешь — пойдешь обратно покупать!

На участке пенсионер подгребает сухие прошлогодние листья в дымный костерок.

Г о р б у н о в. Здрасьте, Сергей Львович!

П е н с и о н е р. Здравствуй, Илья. Гостей ведешь? Дом-то не сожжете?

Г о р б у н о в. Не сожжем!

Л а р а (*негромко*). Обязательно сожжем.

Г о р б у н о в. Типун тебе на язык.

Горбунов останавливается перед калиткой в глухом заборе с табличкой: «Осторожно, злая собака».

Н а д я. Я боюсь собак.

Горбунов отпирает калитку.

Г о р б у н о в. Там не собака, там призрак собаки, там куча призраков, как в английском замке. Отец давно хочет продать эту дачу, а мать тормозит, ей прошлого жалко. (*Распахивает калитку.*) Прошу!

Калитка открывается со скрипом. Покачивается. Видна выложенная камнем дорожка, трава проросла между камней.

Н а д я (*Горбунову*). Иди первый.

Горбунов проходит в сад. Шуршат под ногами сухие листья. Ворона вспархивает с яблони. Перед ребятами появляется старый большой дом с закрытыми окнами и дверями.

Все окна в доме распахнуты, из них звучит музыка.

В доме полумрак, так как в окна глядят цветущие кусты сирени, рябиновые деревца. Полумрак рассеивает свеча, она горит (судя по оплывшему воску — давно) на низком столе, тесно заставленном тарелками со всякой снедью, с объедками, опустошенными бокалами, рюмками. Бутылки стоят на столе и на полу. Валяются огрызки, фантики от конфет. Музыка звучит неспешная, так как пары танцуют медленный танец. Рассохшиеся половицы скрипят под ногами.

Лара с Митей. Она тесно прижимается к нему, он втискивает ладони в задние карманы ее тесных джинсов.

Горбунов с Надей. Она скидывает на ходу туфли и теперь танцует босиком; босиком она лишь чуть ниже высокого Горбунова.

Н а д я. Ты сопишь, как бегемот.

Г о р б у н о в. А ты танцевала с бегемотом?

Н а д я. Танцую. Не сопи.

Г о р б у н о в. Я могу не сопеть. Но тогда я перестану дышать и помру. Тебе охота возиться с моим телом?

Н а д я. С мертвым — нет.

Оба смеются.

Саша ведет Таню осторожно. Губами касается мочки ее уха.

Т а н я. Жарко.

Саша в танце ведет Таню к раскрытой на крыльцо двери. Лара из-за Митиного плеча видит, как они выскальзывают за порог.

Саша и Таня бредут по саду. Что-то тихо шуршит.

С а ш а (*берет ее за плечи*). Слышишь?

Т а н я. Что это?

С а ш а. По-моему, дождь.

Саша наклоняется к ее лицу, смотрит в широко раскрытые, остановившиеся глаза. Таня пятится и упирается спиной в ствол. Зажмуривает глаза. Саша целует ее. Вдруг у Саши в кармане звонит мобильный. Его звон нестерпим. Саша отстранятся от Тани.

С а ш а. Извини.

Достает мобильный. Это звонит Лара. Саша отключает телефон и прячет в карман.

Т а н я. Кто это?

С а ш а. Не важно. Потом перезвоню.

Т а н я. А мне только мама звонит.

С а ш а. Теперь и я буду тебе звонить.

Шорох становится сильнее. Таня протягивает ладонь и ловит дождевую каплю. Саша наклоняется и слизывает каплю. Таня отдергивает руку и смеется.

Т а н я. Щекотно. И руки у меня грязные.

С а ш а. У тебя вкусные руки.

Т а н я. По-моему, нам пора идти в дом.

С а ш а. Да, куда-то скрыться надо.

Дождь становится сильнее. Саша оглядывается, замечает за кустами смородины сарайчик. Берет Таню за руку и тянет к сарайчику.

Т а н я. Ты куда? Зачем?

С а ш а. Дождь переждем.

Они подбегают к сарайчику. Дверь заперта. Подпрыгнув, Саша заглядывает в слуховое оконце.

Сарайчик старый, деревянный, почернелый. Навесной замок проржавел. И прибитые к деревянным доскам скобы, на которых он висит, проржавели. Саша тянет за скобы, и они выходят из прогнившего дерева вместе с гвоздями.

Т а н я. Ой.

Саша кладет замок со скобами под куст смородины и открывает дверь.

В сарае не совсем темно. Сквозь щели и слуховое оконце пробивается дневной свет. Дождь шуршит по крыше. Таня смотрит вверх.

Т а н я. Слушай, здесь тоже капает. (*Оглядывается и не видит в темноте Сашу.*) Саша?

С а ш а. Я здесь.

Т а н я (*делает несколько шагов на голос, спотыкается*). Где?

Он подхватывает ее. Они стоят в полумраке, целуются. Саша слегка отстраняется от нее, чтобы видеть глаза.

С а ш а. А ведь ты не умеешь.

Т а н я. Что?

С а ш а. Целоваться.

Т а н я. А как надо?

С а ш а. Разожми губы. (*Смеется.*) Ты как голодный птенец. Не открой, а разожми. Расслабься.

Наклоняется к ней. Проводит языком по полураскрытым губам. Его рука пробирается к ней под свитер. Таня закрывает глаза. Саша придвигается к ней вплотную. Оступается, не удерживается и валится на Таню. Оба падают с вскриком. И что-то с диким грохотом падает рядом с ними. Саша вскакивает на колени. Тычется рукой в это что-то, и оно издает железный звон.

С а ш а. Это корыто. Ей-богу, корыто. Цинковое, у деда такое было, маму в нем купали в детстве.

Он стучит по корыту, и оно гудит.

Т а н я. Перестань! Все сбегутся.

С а ш а (*отодвигает корыто подальше*). Уйди!

Корыто с ворчливым скрежетом сдвигается.

Стоя на коленях, Саша смотрит на Таню. Она лежит под ним и смотрит доверчиво.

Т а н я. У меня ни с кем этого не было.

С а ш а (*после паузы*). У меня тоже.

Т а н я. Правда?

С а ш а. Да.

Т а н я. И с Ларой не было?

С а ш а. Только поцелуи. (*Смотрит на нее.*) Можно я лягу с тобой рядом?

Т а н я. Конечно.

Он ложится возле нее, кладет руку ей на живот, забирается под свитер.

Т а н я. Погоди.

Таня вдруг приподнимается, стягивает с себя свитер. Ее обнаженное тело кажется в темноте молочно-белым. Саша тоже торопливо сдергивает с себя свитер. Раскладывает на земляном полу. Помогает лечь Тане на этот свитер.

С а ш а. Ты дрожишь? Замерзла?

Т а н я. Немного.

С а ш а. Бедная моя.

Он целует розовый, твердый сосок ее груди.

От их ставших ритмичными движений колеблется цинковое корыто. Оно как будто живое и потихоньку подползает к ним. Касается Сашиной, напряженно упертой в пол руки. Саша судорожно его отбивает, корыто жалобно стонет. Саша тяжело дышит, его спина поднимается и опускается.

Т а н я. Аа-х. Аа-х.

Руки Саши слабеют, дрожат. Он опускается на пол рядом с Таней. У нее мокрое от пота лицо, волосы налипли на лоб. Саша тоже весь взмок. Таня отводит волосы от его мокрого лба. Корыто сползает и упирается в ногу Саши.

С а ш а (*с силой пинает его*). Да иди ты. (*Смотрит на Таню.*) Тебе было больно?

Т а н я. Немного.

С а ш а. Прости.

Т а н я. Все хорошо. Если это не сон, то все хорошо.

С а ш а. Это не сон.

Т а н я. Я боюсь, что завтра ты на меня даже не посмотришь.

С а ш а. Что за глупости?

Они слышат голос Горбунова и затихают.

Г о р б у н о в (*за кадром*). Сашка!!! Таня!!! Вы где?

Сидят тихо, не шевелясь. Голос смолкает.

Дверь сарайчика приоткрывается. Из него выскальзывает сначала Саша. Оглядывается. Открывает дверь пошире. Помогает выбираться Тане. Закрывает дверь. Находит замок со скобами под кустом смородины. Прилаживает к двери. Гвозди входят в дырки. Замок на месте.

Дождь все еще идет, мелкий, тихий. Таня и Саша подходят к крыльцу. Из раскрытых окон слышны голоса. Глухой рокот Горбунова. Ларин смех. Надин грудной голос. Саша вдруг останавливается.

Т а н я (*оборачивается*). Ты чего?

С а ш а. Я туда не пойду.

Т а н я. Почему? (*Раздается Ларин смех.*) Почему?

С а ш а. Потому что я трус.

Т а н я. О чем ты?

Ларин смех приближается. Она, видимо, уже подходит к самым дверям. Саша отпрыгивает от крыльца и бежит, несется, проламывая кусты. Лара выходит на крыльцо. Смотрит на качающиеся ветки.

Л а р а. Что это было?

Таня молчит. Слышно, как хлопает калитка.

Л а р а (*неприязненно смотрит на Таню*). Что это?

Т а н я. Не знаю.

Л а р а. Где Саша?

Т а н я. Не знаю.

Л а р а. Разве он не с тобой был?

Т а н я. Не знаю, он исчез.

Л а р а. Это в его духе.

М и т я (*кричит за кадром*). Лара!

Лара смотрит пристально на Таню, на ее испачканные джинсы и свитер, на растрепанные волосы, припухшие губы, лихорадочные глаза.

Л а р а. Ладно. Никуда он не денется. Сумка-то его здесь.

Разворачивается и идет в дом. Помедлив, Таня поднимается на крыльцо.

В мутных стеклах отражается свет электрических ламп. За окнами электрички проплывают какие-то строения, роща, переезд... Саша хмуро смотрит в окно. Возле него уткнулся в журнал мужик. Читает, хмыкает. Вдруг Сашу отвлекает от окна знакомый, не так давно слышанный голос.

В а с я (*за кадром, прочувствованно*).

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен...

Саша оглядывается. Мужик отрывается от своего журнала и тоже оглядывается.

В проходе стоит Вася. Смотрит на всех печальными глазами. Сталкивается взглядом с Сашей. Вдруг Васю отодвигает решительный человек с аппаратом для проверки транспортных карт.

Г о л о с а (*волной по вагону*). Контролеры, контролеры...

Многие встают, пробираются к противоположному от контролеров выходу. Саша как-то не успевает сообразить. Приподнимается, но контролер уже обращается к нему.

К о н т р о л е р. Ваш билетик.

С а ш а (*растерянно*). У меня нет.

Лара, Таня, Митя, Надя и Горбунов сидят вокруг стола, сдвинув грязную посуду. Горбунов вытряхивает из сигареты табачную крошку. И осторожно набивает травкой из небольшой баночки. Косяк готов. Горбунов оглядывает ребят.

Г о р б у н о в. Кто первый желает насладиться?

Надя сидит с бокалом пива и никак не реагирует на вопрос Горбунова. Митька протягивает руку.

Л а р а (*перехватывает его руку*). Погоди. Пусть Таня возьмет.

Т а н я. Я?

Л а р а. Ты же не пробовала. Мы все пробовали, а ты нет.

Т а н я. Я не хочу.

Л а р а. Чего ты боишься?

Т а н я. Я ничего не боюсь.

Л а р а. Не понравится, бросишь.

Таня нерешительно берет сигарету. Вставляет в рот.

Т а н я. Вообще-то, я умею курить. Отец в детстве научил.

Смущенно на всех смотрит. Горбунов щелкает зажигалкой и подносит огонек к ее сигарете. Таня затягивается. Выпускает дым и вновь затягивается.

Электричка прошла. Стих поднятый ею ветер. Саша идет по разбитой платформе. Кто-то вдруг хлопает его по плечу. Саша оборачивается испуганно. Вася. Ухмыляется.

С а ш а. Вас что, тоже контролеры выгнали?

В а с я. У меня перерыв. (*Закуривает.*) Куришь? Нет? А где компания?

С а ш а. Я сбежал.

В а с я. Понятно.

Насмешливо оглядывает Сашу с ног до головы.

С а ш а (*злится*). Чего понятно?

Вася усмехается и направляется к ступеням, ведущим с платформы. Оборачивается на ходу.

В а с я. Следующая на Москву — через два часа с гаком.

Таня, выпустив дым, вдруг улыбается Ларе.

Т а н я. А Сашка испугался.

Л а р а. Чего?

Т а н я. Не чего, а кого. Тебя.

Л а р а. Что так-то?

Т а н я. Он же был со мной в этом сарае.

Л а р а. Где-где?

Т а н я. Там корыто, как живое, оно хотело нас прогнать. Сашка с ним пинался.

Л а р а. Какое к черту корыто?

Т а н я. Цинковое. В них младенцев раньше купали. (*Смеется.*) Забавно, если у нас с Сашей будет ребенок. Я бы обрадовалась, наверное. А он бы испугался.

Таня затягивается, очень глубоко, задерживает в легких дым и выпускает тонкой струйкой.

Вася переходит железнодорожные пути, Саша его нагоняет. Но Вася не останавливается, и Саша вынужден идти за ним.

С а ш а. Слушайте, одолжите мне денег?

В а с я. Судя по всему, бегство было поспешным. Что ты натворил? Поджег дом?

С а ш а. Возьмите мой мобильный.

В а с я. Убил кого-то?

Саша не отвечает, торопится за быстро идущим Васей. Вася взбегает на противоположную (от Москвы) платформу. Поезд к ней уже подходит, гудит, слепит прожектором.

В а с я. И без денег до дому доберешься. Не проблема.

С а ш а. А я домой не тороплюсь.

Электричка уже останавливается у платформы. И Вася устремляется к дверям вагона.

С а ш а. Я вам двадцать рублей дал тогда.

В а с я. Премного благодарен.

Вася входит в открывшиеся двери. Саша смотрит в черный тамбур и тоже запрыгивает в вагон.

Лара поспешно вскакивает, хватает с буфета мобильный Горбунова, наставляет на Таню объектив. Успевает снять, как она выпускает дым. Спрашивает, продолжая снимать.

Л а р а (*за кадром*). И что там было, в этом сарае?

Т а н я. Рассказать?

Л а р а (*за кадром*). Если хочешь.

Т а н я. Там было темно, но не совсем, и Саша учил меня целоваться.

Л а р а (*за кадром*). Хорошо тебе было?

Т а н я. Хорошо, только больно.

Л а р а (*за кадром*). Целоваться больно?

Т а н я. Какая ты глупая, Ларка. Не целоваться, конечно, а другое. Я же в первый раз, понимаешь?

Л а р а (*за кадром*). Не понимаю.

Т а н я. Ну, я в первый раз была с парнем. По-настоящему.

Л а р а (*за кадром*). По-настоящему — это как?

Т а н я. Глупая ты, Ларка. Мы любили друг друга.

Л а р а (*за кадром*). Трахались, что ли?

Т а н я. Да.

Л а р а (*за кадром*). А подробней можно? Ты была на спине?

Т а н я. Да. У него ужасно колючий свитер, я на нем лежала.

Л а р а (*за кадром*). Ой, как жалко, что я не видела.

Т а н я. Там все равно темно было.

Л а р а (*за кадром*). Ну хоть член ты его рассмотрела?

Т а н я. Нет. Но я его трогала. Он такой...

Таня пытается показать. Вдруг Надя вскакивает, ее бутылка катится по полу, расплескивая пиво. Надя крепко хватает Лару за запястье, выдирает из ее руки мобильный и с силой вышвыривает в окно. Слышно, как мобильный пролетает сквозь ветки. Лара бросается на Надю, но Надя ее выше и сильнее, она ее отдирает от себя и кидает на пол. Мальчики ошеломлены и неподвижны. Надя выхватывает у Тани из рук окурок и раздавливает его в грязной тарелке, вытаскивает Таню из-за стола и волочет к выходу, свободной рукой отшвыривает подлетевшую и визжащую Лару.

Н а д я (*Тане, рявкает*). Где твоя сумка?!

Таня не в силах ничего сказать, но Надя и без ее подсказки находит в груде вещей ее сумку и свою. Закидывает их на плечо и тащит Таню из дома.

Мальчишки сидят совершенно неподвижно. Лара плачет на полу.

Л а р а. Сука, сука.

Вздохнув, Горбунов поднимается, берет первый попавший под руку стакан, находит бутылку с водой, наливает воду в стакан.

Он опускается перед Ларой на корточки и пытается напоить ее. Но Лара ударяет его по руке со стаканом, и вода выливается на Горбунова.

Л а р а (*Мите*). Чего ты сидишь?! Верни ее! Бегом!

М и т я. Сейчас. (*Поднимается.*) Сейчас. Только успокойся.

Митя выбегает из дома на крыльцо. Спускается по ступеням. Садится на нижнюю.

Горбунов, отряхиваясь, подходит к столу, берет бутылку с водой. Подходит к Ларе и льет на нее воду. Лара визжит, успокаивается, тихо плачет.

Обхватив руками виски, Митя смотрит на скачущего по дорожке воробья.

Вася стоит в проходе. Смотрит на пассажиров печальными глазами. Смотрит и молчит. Вдруг запрокидывает голову и, уставившись в потолок, начинает завывать.

В а с я.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль...

Пассажиры оглядываются, посмеиваются. Саша стоит прямо за Васей. Практически — дышит в затылок.

В а с я (*шипит, не оглядываясь*). Не мешай работать.

Вася идет по вагону с раскрытым пакетом в руках, уже на ходу продолжая читать стих:

В а с я.

...То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь...

Саша дожидается, пока он дочитает. И тут же вступает.

С а ш а (*громко, звонко, отчаянно*).

Наша Маша громко плачет,
Уронила в речку мячик...

Идет по вагону. Деньги и ему подают — в протянутую ладонь. Вася с другого конца вагона хмуро смотрит на Сашино выступление. Электричка идет быстро, вагон покачивает. Саша доходит до конца вагона. Вася молча раскрывает перед ним свой пакет и смотрит хмуро. Поколебавшись, Саша бросает в пакет заработанное.

Сумерки в саду. Дождь то ли идет, то ли уже кончился, и просто вода капает с веток. В доме включен свет. Митя и Горбунов уносят в кухню грязную посуду. Горбунов моет посуду. Митя протирает в комнате пол. Подходит к окну, смотрит в сад. На светлое пятно Лариной кофты. Лара расшвыривает слежавшиеся листья.

М и т я. Лар! (*Она не отзывается.*) Пойдем в дом! Хватит уже!

Л а р а (*не оглядываясь*). Пошел к черту!

Все убрано в комнате. Митя и Горбунов сидят за низким столиком. Между ними — шахматная доска. Горбунов переставляет фигуру. Митя оглядывается на окно, за ним уже совсем темно.

М и т я (*тихо*). Видимо, Сашка с Танькой давно любовь крутят.

Г о р б у н о в. Странно, я не замечал.

Убирает переставленную фигуру на место.

М и т я. Я тоже не замечал. Но без Таньки он бы мне пятерку не устроил... (*Обеспокоено смотрит за окно.*) О чем это говорит? О том, что надо быть внимательней друг к другу.

Г о р б у н о в. Ларка! Ты жива?

Л а р а (*за кадром*). Пошел к черту!

Г о р б у н о в. Может, фонарик одолжить у соседей?

Л а р а (*за кадром*). Пошел ты!

Горбунов смотрит на доску. Делает ход.

В пристанционной забегаловке тесно, дымно, из динамиков грохочет музыка. Саша и Вася сидят за столом в углу. Едят. Вася подливает Саше водку в пластиковый стаканчик.

В а с я. Так что ты натворил?

Саша не отвечает, берет стаканчик, выпивает. Глядит на людей в забегаловке. Парень целуется с девицей.

Сад освещен уличным фонарем. Лара ползает на коленях и шарит руками по земле. Забирается под кусты. Вдруг рука ее замирает. Осторожно Лара вынимает из-под колючего крыжовника мобильный Горбунова. Слизывает кровь с царапины. Рукавом протирает мобильный. Видимых повреждений нет.

Мальчики выходят на крыльцо. У Мити на плече висят его рюкзак и сумка Лары. У Горбунова — свой и Сашин рюкзаки. Мальчики вглядываются в сад.

М и т я. Лара!

Ответа нет.

Г о р б у н о в. Всё! Мы уходим.

Лара нажимает кнопку мобильного. На экране появляется последняя видеозапись: Таня выпускает тонкую струйку дыма.

Г о р б у н о в. Мы запираем дверь!

Вставляет ключ и поворачивает его в замке. Мальчики сходят с крыльца и, озираясь, идут по дорожке к калитке. Уже у самой калитки они слышат шум бегущих шагов, останавливаются и ждут. Лара подбегает.

Г о р б у н о в. Ну как?

Л а р а. Что?

Г о р б у н о в. Нашла?

Л а р а. Бесполезно.

Горбунов открывает калитку и пропускает вперед Лару. Она проходит мимо него.

Г о р б у н о в. Ну и видок у тебя.

Они едут ночной почти пустой электричкой. Митя спит, откинувшись головой на край спинки. Лара глядит в зеркальце, сплевывает на салфетку и вытирает грязь с лица.

Г о р б у н о в. Да, хорошо отдохнули.

Он смотрит на входные двери. Они откатываются, и в вагон входит парень, торговавший утром пятновыводителями. Сумка при нем. Но парень уже не торгует. Он устало опускается на сиденье, закидывает ногу на ногу. Горбунов толкает Лару.

Г о р б у н о в. Глянь!

Лара поворачивается и видит торговца. Она приподнимается и кричит.

Л а р а. Почем отбеливатель для народа?

Т о р г о в е ц. Отвали.

Л а р а. Я серьезно. Я джинсы на фиг испачкала.

Т о р г о в е ц. Дома отстираешь. Я товар продал. Отдыхаю. Каждый человек имеет право на отдых.

Л а р а (*опускаясь на место*). Артист.

Грохочет электричка, бегут за черными окнами огни. У Лары в сумке звонит телефон. Она вынимает — это ее ярко-розовый мобильный.

Л а р а. Да, мамочка, все в порядке. Я скоро. Ложись спать.

Г о р б у н о в. Дай, я своим позвоню.

Горбунов протягивает руку, и Лара передает ему свой телефон. Лара смотрит в зеркальце.

Саша и Вася уже все доели. Официантка стоит перед ними. Вася передает ей деньги. Она уходит.

С а ш а. Отдай мне то, что я заработал.

В а с я. Ты все проел. Ты мне еще должен. (*Смотрит на растерянного Сашу, усмехается.*) Скажи, что случилось, и дам денег.

С а ш а. Вам не все равно?

В а с я (*закуривает*). Мне любопытно.

С а ш а. Ничего.

Вася (*смотрит насмешливо*). Как знаешь.

С а ш а. Ничего интересного. Просто хотел подумать.

Вася поднимается из-за стола. Смотрит на Сашу. Вынимает из кармана двадцатку. Кладет перед Сашей на стол.

Лара открывает дверь своим ключом. Бесшумно входит в темную прихожую. Прикрывает дверь. Бесшумно поворачивает ключ в замке. Стягивает кроссовки. Идет босиком из прихожей. У двери в комнату ее останавливает сонный женский голос.

М а т ь Л а р ы (*за кадром*). Лариса?

Л а р а. Да, мамочка, это я.

М а т ь Л а р ы (*за кадром*). Все в порядке?

Л а р а. Все хорошо. Спи.

Она прислушивается к наступившей тишине, входит в свою комнату.

Закрывает дверь. Подходит к столу и включает компьютер. Достает из сумки мобильный Горбунова. Подключает к компьютеру. Перекачивает последнюю запись. Отключает мобильный. Просматривает кусок записи.

Таня выпускает струйку дыма.

Л а р а (*за кадром*). И что там было, в этом сарае?

Т а н я. Рассказать?

Л а р а (*за кадром*). Если хочешь...

Наталья Сергеевна просыпается. Приподнимается. Таня бормочет во сне.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а (*тихо*). Таня?

Но Таня не откликается. Наталья Сергеевна встает, подходит к ее постели, присаживается на край.

Т а н я (*во сне*). Уйди.

Наталья Сергеевна трогает ее лоб. Таня мотает головой и просыпается. Смотрит на мать, не узнавая.

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Танюша, доченька, что с тобой?

Т а н я (*постепенно узнавая мать*). Мама, это ты? Мне сон дурацкий приснился...

Н а т а л ь я С е р г е е в н а. Давай температуру измерим?

Т а н я. Нет-нет, не надо, зачем?

Наталья Сергеевна. У тебя лоб горячий.
Таня. Это из-за сна.
Наталья Сергеевна. Ты нормально себя чувствуешь?
Таня. Да.
Наталья Сергеевна наклоняется и целует дочку. Поправляет одеяло.

Изображение на экране Лариного компьютера
Таня. Там все равно темно было.
Лара (*за кадром*). Ну хоть член ты его рассмотрела?
Таня. Нет. Но я его трогала. Он такой...
Таня пытается показать.

Лара сохраняет файл. Программа запрашивает имя файла. Лара задумывается. Набирает имя: «Любовь».

Наталья Сергеевна ложится. Но глаза не закрывает, смотрит на дочь. Таня, кажется, спит. Дышит ровно. Наталья Сергеевна тоже засыпает.

Лара открывает файл знакомств. Анкету Натальи Сергеевны. Рассматривает ее фотографию. Направляет курсор на указанный в анкете адрес электронной почты. Нажимает «ENTER». Открывается поле для письма.

Текст Лара не пишет, она прикрепляет к письму файл «Любовь». И в теме письма пишет это же слово — «Любовь». Вводит адреса из адресной книги, по которым должно быть отправлено письмо. Среди первых — Горбунов и Саша. Отправляет письмо.

И Таня, и Наталья Сергеевна спят. Мирно идут часы. Спит Горбунов. Спит Митя. Спят подружки Валя и Галя. Спит Коля...

На экране Лариного компьютера выплывает целый список адресов, по которым «письмо успешно отправлено».

Саша выходит из электрички на безлюдную ночную платформу.

Саша проскакивает через турникет в метро. Слышит за спиной свист, крик. Несется.

В ночном вагоне всего два человека: Саша и мужчина лет сорока. Они сидят почти друг против друга. Мужчина — в наушниках, и музыка из них чуть-чуть слышна Саше. Саша пристально, но отстраненно смотрит на мужчину. Как будто это картина, а не живой человек. Саша не сводит с него взгляд, и человеку становится все более и более неловко. Он тоже смотрит на Сашу, но Саша как будто его взгляд не чувствует, может быть, он его и не видит, просто думает о своем. Мужчина снимает наушники.
Мужчина (*резко спрашивает Сашу*). Что?
Саша (*с некоторым удивлением*). Что?
Мужчина. Ты уставился на меня!
Саша. Да?
Мужчина. Что-то не так? У меня ширинка расстегнута?
Саша отвечает не сразу, оглядывает мужчину, будто только что увидел.
Саша. Нет. Вы в порядке.
Мужчина. Ты уверен?
Саша. Вы в полном порядке.
Мужчина. Тогда почему ты уставился?
Саша. Не знаю. Наверное, я не в порядке.
Мужчина рассматривает Сашу. Его ботинки, джинсы, руки, лицо.
Мужчина. Да нет, ты в порядке.
За черными окнами коротко вспыхивают огни.

Саша с безучастным лицом идет безлюдной ночной улицей.

В круглосуточном кафе горит свет.

Саша заходит в кафе и садится за первый от входа столик. Он похож на пассажира, ожидающего в аэропорту свой рейс, который бесконечно откладывают. В кафе один посетитель, крепкий мужчина средних лет, он жадно ест. На его столе несколько тарелок, полных еды. Посетитель ест и посматривает на экран телевизора. Женщина за стойкой тоже смотрит на экран. Она поглощена зрелищем, переживает, в ее лице — страх, сомнение, радость. Слышна то тревожная, то лирическая музыка. Начинается реклама. Женщина отрывается от телевизора и направляется к Саше. Подходит к нему. Он сидит безучастно.

Ж е н щ и н а. Что брать будем?

Саша переводит на нее недоуменный взгляд.

Ж е н щ и н а. Что будешь брать, я спрашиваю?

С а ш а. Ничего.

Ж е н щ и н а. Так нельзя.

С а ш а. Я просто посижу, отдохну.

Ж е н щ и н а. Отдыхать будешь в другом месте.

П о с е т и т е л ь (*хохотнув*). На том свете.

Ж е н щ и н а. Иди отсюда, если ничего брать не будешь. Охрану позову.

С а ш а. У меня двадцатка.

Саша сидит все с тем же пустым взглядом. Чай дымится в чашке перед ним. Посетитель ковыряет в зубах зубочисткой и смотрит в телевизор. И женщина за своей стойкой смотрит в телевизор. Музыка — тревожная. Саша тоже переводит взгляд на экран.

Изображение на экране

У постели больного сидит прекрасная девушка. Поправляет ему подушку. Нежно целует. Садится. Медицинские приборы показывают обычные в таких сценах светящиеся, изгибающиеся линии — символы длящейся в больном жизни. Девушка засыпает. В комнату тихо входит человек в белом халате. Он неслышно подходит к больному. Смотрит на спящую девушку, на извивы линий на шкале.

Ж е н щ и н а. Да проснись ты, дура!

Злодей на экране отключает шланг от больного.

Ж е н щ и н а. Ой, ду-ура!

Линии меркнут, их амплитуда уменьшается. Девушка спит. Больной дергается. Замирает. Линия выпрямляется. Девушка спит. Злодей подсоединяет шланг. И уходит. Больной лежит неподвижно. Линия — как линия горизонта. Девушка спит.

Саша смотрит на экран. Женщина молчит в потрясении. У посетителя в зубах ломается зубочистка, он сплевывает обломок. Они оба слышат рыдание и оборачиваются. Плачет Саша. По-настоящему. У него истерика. Закрывает лицо ладонями, рыдает, раскачивается.

Женщина подбегает к нему.

Ж е н щ и н а (*гладит его по голове, по плечам, пытается отнять ладони от лица*). Ты чего, парень? Что с тобой? Это же кино, ты чего?

Темная прихожая, ночные сонные звуки: тик-так часов, скрип-разговор мебели, ход лифта в подъезде... Звук поворачиваемого в замке ключа.

Дверь открывается. В темную прихожую входит Саша. Стягивает кроссовки. Бесшумно идет в свою комнату и закрывает за собой дверь. Включает настольную лампу. Опускается на кровать, сидит опустошенный. Слышит ша-

ги в коридоре. Дверь приоткрывается, и в комнату Саши заглядывает мать с сонным лицом. Весь этот короткий разговор они ведут шепотом.

М а т ь. Привет.

С а ш а. Привет.

М а т ь. Ты же говорил, что ночевать останешься?

С а ш а. Передумал.

Мать молчит, смотрит на него чуть встревоженно.

М а т ь. Все нормально?

С а ш а. Ага. Спать хочу.

Мать чувствует: что-то не так, но что? Выяснять нет сил, да и вряд ли возможно. Помедлив, она говорит.

М а т ь. Ну, спи.

Выходит, прикрыв за собой дверь.

Саша сидит все в той же позе. Слышит, как в кухне вода льется. Встает и садится за компьютер. Включает.

Мать, выпив воды, ставит стакан на стол и выходит из кухни. У дверей Сашиной комнаты останавливается, прислушивается. Какие-то едва слышные звуки. Мать идет дальше.

Саша играет за компьютером, отстреливается от монстров, поднимаясь по лестнице разрушенного дома. «Его» убивают. «Он» валится в лестничный пролет... Закрывает игру. Открывает свою почту. Видит пришедшее от Лары письмо с темой «Любовь».

Наталья Сергеевна просыпается, открывает глаза. Слышит тишину в доме, ход часов. Встает и подходит к спящей Тане. Таня спит спокойно, сладко. Наталья Сергеевна поправляет на дочери одеяло. Берет со стула халат и тихо выходит из комнаты.

Саша открывает приложение «Любовь»...

Таня выпускает струйку дыма.

Л а р а (*за кадром*). И что там было, в этом сарае?

Т а н я. Рассказать?

Л а р а (*за кадром*). Если хочешь...

Саша останавливает изображение. Сидит, ошеломленно глядя на стоп-кадр. На огромный список адресатов-одноклассников. В его глазах ужас.

Наталья Сергеевна, накинув халат, входит в кухню. Включает чайник.

Саша запускает остановленный файл. Картинка оживает.

Т а н я. Там было темно, но не совсем, и Саша учил меня целоваться.

Л а р а (*за кадром*). Хорошо тебе было?

Т а н я. Хорошо, только больно.

Наталья Сергеевна наливает в кружку чай. Бросает пару кусков сахару.

Саша выскакивает из подъезда. Куда-то несется.

Наталья Сергеевна включает компьютер. Он начинает загружаться. Наталья Сергеевна помешивает в кружке чай.

Саша несется ночной улицей. У дома Натальи Сергеевны он притормаживает. Он видит светящееся окно на третьем этаже. Останавливается и, тяжело дыша, смотрит на этот светлый квадрат. Направляется к подъезду. Вдруг видит, как еще в одном окне, рядом, вспыхивает свет. Замирает. Теперь эти два окна, два горящих глаза, смотрят на него.

Таня морщится от включенного света, мычит спросонья, приоткрывает глаза. Ослепленная, вновь закрывает их. Мать присаживается к ней на кровать, теребит за плечо.

Наталья Сергеевна. Эй, проснись.

Таня. Что такое, что? Уже в школу?

Садится на кровати и, прищурившись, смотрит на мать.

Наталья Сергеевна. Тетя Аня звонила. Она заболела. Мы едем. Срочно. Давай-давай. (*Стягивает с Тани одеяло.*) Я уже такси вызвала.

Таня. Подожди, а как же школа?

Она все еще не может войти в реальность, осознать.

Наталья Сергеевна. Никуда не денется. У тети Ани беда, понимаешь?

Саша смотрит на освещенные окна. Подходит к подъезду. Глядит на домофон.

Таня копается в своей сумке.

Таня. Слушай, мам, а где мой мобильный?

Наталья Сергеевна (*распахивая дверцы шкафа*). Не знаю. Сунула куда-нибудь. После найдешь. Помоги мне.

Саша отходит от подъезда. Смотрит на окна.

Мать из распахнутого шкафа бросает на кровать вещи, и Таня начинает заталкивать их в сумку. Берет подброшенную матерью куртку.

Таня. Куртку зачем? Теплынь на улице.

Наталья Сергеевна. Сейчас теплынь, а завтра неизвестно. (*Забирает у Тани куртку.*) Давай я. (*Заглядывает в сумку.*) Нет, ну кто же так складывает? (*Вываливает все на кровать и начинает вновь складывать, уже аккуратно и плотно; при этом заводит как бы досужий, пустяковый разговор...*) С моей приятельницей такая история дурацкая вышла, ты не представляешь.

Таня. С какой приятельницей?

Наталья Сергеевна. Ты ее не знаешь. Подай мне носки. В общем, мужа у нее нет, коллектив женский, она тоже в школе работает, и она решила через Интернет с кем-нибудь познакомиться.

Таня. А сколько ей лет?

Наталья Сергеевна идет к столу, берет с него пачку бумажных носовых платков и возвращается к кровати.

Саша стоит и смотрит на свет в их окнах. Видит тень за занавеской.

Наталья Сергеевна говорит, возвращаясь к кровати и закладывая в сумку платки.

Наталья Сергеевна. Лет? Как мне. Мы учились вместе. Короче, зашла на сайт знакомств и написала свои пожелания. Откликнулся один мужик, прислал фотографию, о себе. Он ей понравился. И лицо на фотке симпатичное, и письмо хорошее. Она ему ответила, он — ей. Короче, переписка. Единственное, что живьем она его не видела, он в командировке сидел где-то на Севере. Она, конечно, дура, потому что все ему о себе выложила. (*Смотрит на безмятежно слушающую ее Таню.*) В общем, оказалось, что это ее ученик письма писал.

Таня даже рот приоткрывает от изумления.

Таня. Ни фига себе. А как она узнала?

Наталья Сергеевна. Понимаешь, какая штука, она ему написала про свою дочку, что ей нравится один парень в классе. А парень как раз и был он. Дочка в том же классе училась, где мать-дура преподавала.

Таня замирает. И смотрит на мать уже не безмятежно, встревоженно.

Саша, качнувшись с пятки на носок, разворачивается и уходит от дома Натальи Сергеевны.

Мать закрывает молнию на сумке и садится на кровать напротив дочери. Таня смотрит очень напряженно.

Наталья Сергеевна. В общем, он параллельно с матерью стал с дочкой играть. Наверное, дочка и вправду подумала, что он в нее влюбился.

Таня (*глухо, почти с ненавистью к матери*). Ну и как она узнала все-таки?

Наталья Сергеевна (*так же спокойно, будто о посторонних*). Они поехали на дачу, дочка, этот парень, еще ребята, и девчонка, с которой он раньше дружил, или как это там у вас сейчас называется?

Таня. Так же как и у вас.

Наталья Сергеевна. Я так и думала. В общем, вечером ее дочка вернулась домой благополучно, а ночью матери чего-то не спалось, с ней так бывает, пошла она на кухню, заварила чаю, включила комп, новости посмотрела ну и почту заодно проверила. Пришло одно письмо. Ничего в нем не было, только приложение. Название — «Любовь». Мать открыла. Оказалось, что это видеофайл. Кто-то на мобильный снял, как ее обкуренная дочь делится впечатлениями... (*Замолкает, смотрит на Таню; Таня молчит, губы стиснуты.*) Это письмо было отправлено на множество адресов. Насколько мать поняла, всему классу. И среди этих адресов она увидела знакомый. Того самого мужика. Догадаться было не сложно, что это за мужик. Она вспомнила, как встретила этого своего ученика на выставке, на которой должна была встретиться со своим интернетским знакомцем, ну и другие мелочи...

Таня молчит. И мать молчит. Смотрят друг на друга.

Таня (*убито*). И что дальше было?

Мать говорит уже иначе, мягко, грустно, уже как о них, хотя по-прежнему в той же форме.

Наталья Сергеевна. Они уехали к тетке во Владимирскую область. Потому что войти в класс после всего было немыслимо.

Таня (*еле слышно*). А потом?

Наталья Сергеевна. Потом она закончила там школу, всего-то месяц оставался. Потом они вернулись в Москву, она поступила в институт, все забылось.

Мать молчит. Молчит Таня.

Саша сидит за своим компьютером. Играет. Отстреливается в полуразрушенном доме. На этот раз преодолевает лестницу.

Квартира безлюдна, освещена только призрачным светом электрических фонарей с улицы. Диван собран, кровать наспех застелена. На полу — обрывки бумаги. На кухне, на столе возле выключенного компьютера, кружка с остывшим чаем.

Диего Веласкес. портрет Инфанты Маргариты Австрийской

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ

Шесть сценариев

Принцесса Галя

Полина Ивановна была помощницей у Даниловых. Не домработницей, а своим человеком, советчиком, почти что управляющей. Данилов был очень крупный деятель, а мадам с ней задушевно обсуждала разные дела: квартира-дача, гости-поездки, расходы-покупки. Но Полина Ивановна знала дистанцию и не обижалась, что мадам зовет ее *Полечка*, а она к мадам обращается *Галина Сергеевна*.

У Даниловых была дочка Галя. Назвали в честь мамы. Единственная, любимая, балованная. Настоящая принцесса. Правда, крупная такая, полноватая, но ей даже шло.

У Полины Ивановны было двое детей, Лариса и Феликс.

Лариса и Галя были лучшие подруги, а с Феликсом у Гали был подростковый роман. Но Полина Ивановна надеялась, что они обязательно поженятся и она на свадьбе скажет Галине Сергеевне: «Поздравляю тебя, Галочка!»

Но когда Галя была на учебе в Германии, Галина Сергеевна скоропостижно скончалась. А Данилов буквально через два месяца женился на ее сестре, Клавдии Сергеевне. Полина Ивановна осталась на своем месте, и теперь новая мадам задушевно называла ее Полечкой.

Тут Галя из Германии примчалась. Злая, как сто чертей. Сразу при новой жене отцу скандал закатила: «Вот эти самые туфли мама тебе покупала, постеснялся бы!» Забрала себе в голову, что ее мать убили. Клавдия Сергеевна, родная сестра, и убила. Чтоб за папу ее замуж выйти.

И вообще стала странная. Ходит по всему дому с книжкой под мышкой, бормочет, пальцами водит, натыкается на людей. Однажды наткнулась на Полину Ивановну, схватила за шиворот: «Убить тебя, старая блядь, или побить?» — и как швырнет ее на пол. Перелом шейки бедра и сотрясение мозга.

Феликсу неизвестно зачем надавала по морде и сказала, что всё, ту-ту, поезд ушел. Мальчик страшно переживал. Пошел купаться и не выплыл.

Лариса ей говорит: «За что ты моего брата?» А Галя отвечает: «Дура ты, я его так любила, как сто миллионов сестренок не поймут, пошли лучше на мотоциклах погоняемся». Дело было на даче, у Гали в гараже стояли две «Хонды», а все гости Даниловых в саду чай пили. Дача у них была — настоящий дворец: газоны, дорожки, беседки.

Девушки вокруг газона прокатились на заднем колесе, гости даже похлопали, а потом Галя разогналась и как врежется в стол, где отец с мачехой сидели. Оба сразу насмерть, а она рванула из ворот на шоссе. Лариса за ней, пыталась догнать, обе выскочили на встречную, а там фура летела.

Полина Ивановна без ухода умерла от пролежней.

А две студентки из Германии, Роза и Хильда, которых Данилов выписал, чтобы Галю успокоить, в тюрьму попали. Галя им наркотики в сумки подбросила и в милицию позвонила.

Такая вот принцесса.

Эдик Царев

Одна молодая беременная женщина пошла на рынок, и там к ней пристала цыганка. Посмотрела ее руку и прямо закричала: «У тебя родится сын, он отца своего убьет, а дальше вообще говорить страшно».

Женщина мужу ничего не сказала. Но когда у нее родился ребенок, тут же оформила отказ, тем более что была объективная причина: пяточки кривые, возможный признак тяжелой генетической патологии. Она мужу объяснила: врачи сказали, что такие дети до двух лет обычно не доживают; горе, конечно, но лучше уж сразу.

А мальчика усыновила богатая бездетная парочка, Царевы. Так что этот Эдик — они его так назвали — ни в чем отказа не знал, гонял на машине и занимался борьбой самбо. Он, кстати, оказался совсем здоровый, только пятки кривые. Вот один раз он пошел на пляж, сидит, кроссовки скинул. А рядом цыганка проходила. Увидела его пятки и сказала: «Ой, парень, несчастная судьба твоя, ты отца своего убьешь, а дальше даже говорить не хочу».

Эдик перепугался на полном серьезе. Пришел домой, написал записку: «Дорогие мама-папа, надоело сидеть на шее, хочу начать самостоятельную жизнь».

Сел в машину и помчался куда глаза. Вечер был, он устал и понервничал, и въехал в какой-то «жигуль», спихнул его под откос. Даже не посмотрел, дальше поехал.

Приехал в другой город, устроился охранником. В армии отслужил. Вернулся — пошел в школу милиции. У них там была преподавательница по гражданскому праву. Красивая женщина, хотя сильно старше его. Но он очень в нее влюбился и вообще привык добиваться поставленной цели. Они поженились. Ребенок сразу родился.

Вот он школу милиции закончил, стал оперативным работником. И начальство дало ему на пробу одно старое нераскрытое дело, про смерть одного гражданина в результате ДТП, где виновник скрылся с места происшествия. Эдик был въедливый. Ну и понял по всем уликам, что это он и был тот самый виновник. Прямо хоть пиши явку с повинной.

Вышел Эдик покурить на крыльцо райотдела милиции, а тут цыганку ведут, на рынке поймали. Она его видит и кричит: «Эй, кривая пятка!»

Эдик сразу в машину прыг, и в тот городок, где его родители жили, ну, в смысле, эти самые Царевы. Ворвался: «Скажите правду, ваш я сын или нет?» Они сознались.

Тогда он назад, домой. Там жена волнуется — первый час ночи. Он ее спрашивает: «А вот скажи, где твой первый муж?» Она отвечает: «Да я ж тебе сто раз говорила: погиб в результате ДТП, какой-то подлец его сбил и скрылся с места происшествия».

Эдик помолчал и говорит:

— Да, мама. Я подлец. Но я не нарочно.

Ася и Пася

Приезжая в Москву, Ася всегда жила у одних и тех же людей, хотя с ними настоящей дружбы не было. Ей освобождали лучшую комнату, ухаживали и угощали, но зато в квартире был проходной двор: гости приходили по три раза в день.

Ася догадывалась, что это на нее глядеть приходили. В основном студенты и младшие научные сотрудники.

Она-то знала, почему всякий раз останавливается именно у этих людей. Потому что ее друг и однокашник Пася — такая у него была институтская кличка — жил в двух шагах. По улице, мимо церкви, в переулок — и вот он, серый дом с гранитным цоколем, с лифтером в каждом подъезде, с огромными квартирами, в которых жили разные *крупные деятели*.

Пася и Ася работали в одной области, начинали вместе, но жизнь у них сложилась по-разному. Ася свою главную ставку выиграла еще в самой свежей мо-

лодости — опубликовала пять статей, на которые уже много лет все ссылались, бесконечно цитировали, защищали диссертации. Она была *живым классиком* и поэтому говорила тихо, выступала мало, печаталась редко. Как будто боялась испортить впечатление от тех знаменитых пяти статей.

Пася, наоборот, только сейчас разогнался. Работал очень много и успешно и все время был страшно занят. Поэтому Ася во время своих приездов с ним не встречалась.

Один раз они все-таки увиделись.

Прошлись по улице, потом посидели в садике у церкви.

— Годами втайне размышляя о загадках наших тяготений, — сказал он на своей смеси лирики и канцелярщины, — я понял, что в видах оптимального служения общему делу нам было бы божественно соединить судьбы.

У ног была свежая летняя лужа — только что прошел теплый дождь. Ася заглянула в это рябое зеркало, по которому плавал преждевременный желтый листочек, а у края на цыпочках стоял голубь, пил воду и тоже любовался собой.

Пася был хорош собой. Талантлив, знаменит, богат. А она — живой классик. В юности считалась красавицей. Неплохая пара.

— Погоди, — сказала она. — Ты что, развелся? Когда?

— Как только ты скажешь «да», я объявлю жене о разводе, — сказал Пася. — Прямо сегодня, сейчас.

— Ты слишком рационален, — сказала она, боясь не справиться с собой. — Это едва ли хорошо.

— Мы немолоды, — возразил он.

— Я знала, что ты трусоват, — сказала она, вставая. — Но ты еще и дурак. Жаль.

— Я не трус! — крикнул Пася ей вслед. — Я тебе докажу!

Он попробовал доказать. Очередное свое открытие опубликовал за границей. Получил международную премию и большой гонорар. За это его отовсюду исключили. Коллеги публично осуждали. Журналисты писали фельетоны. Он покаялся. Потом умер.

— От страха! — сказала Ася и не поехала на похороны.

В тишине

Николай Ильич N. был ученый-сурдотифлопедагог и женился на своей ученице и пациентке, слепоглухонемой девушке Марфе.

Они хорошо жили. Марфа ходила по дому босиком, а зимой в носках. Она ощущала дрожь пола и мебели и всегда встречала Николая Ильича, когда он приходил домой. В квартире все было устроено так, чтобы ей было удобно. Она сама мылась, причесывалась и даже маникюр себе делала пилочкой, а вот ногти на ногах ей стриг Николай Ильич. У нее были красивые ноги, тонкие лодыжки, крутой подъем и розовые пальчики. Николай Ильич вытирал ее стопы и целовал их. Марфа запрокидывала голову и смеялась своим ненастоящим смехом. Она бесподобно любила Николая Ильича — как никто в его жизни.

Целыми днями она работала: печатала на брайлевской машинке статьи для таких, как она, слепоглухонемых людей. А Николай Ильич защитил докторскую, написал про Марфу две книжки и стал членкором Академии педагогических наук.

Однажды темным зимним утром он проснулся и понял, что устал. Устал от скупо обставленной квартиры, от вечной тишины, от разговоров посредством стискивания пальцев. Силы кончились.

Он повернул голову. Марфа спала. Темные очки лежали на тумбочке.

Он вздохнул. Она шевельнулась. Зевнула. Встала, потянулась, потерла затылок, пошла в туалет, держась за стену, за шкаф, за дверной косяк.

— *Существо...* — прошептал Николай Ильич.

Через месяц он привел домой свою аспирантку.

Они ходили по квартире рядом, шагая в такт, и громко разговаривали. Аспирантка была лихая и злобная девица, ей было забавно. Особенно когда

Николай Ильич соблазнял ее при Марфе, которая сидела над толстой брайлевской книгой, иногда поднимая незрячее и глухое лицо. Аспирантка хохотала в голос.

Потом Николай Ильич пошел ее проводить. Предупредив Марфу на языке пальцевых касаний.

Когда он вернулся, Марфы не было в комнате. И в кухне, и в туалете, и в ванной. Он метался по коридору. Из спальни вдруг подуло снежным ветром. Балконная дверь была распахнута. Обмирая от ужаса, он выскочил на балкон.

Марфа курила, закутавшись в одеяло.

Он вцепился пальцами в ее ладонь.

— Я все видела, — сказала она, отнимая руку. — Я вижу и слышу.

— Неправда! — крикнул он.

— Уже месяц, наверное, — сказала она.

— Зачем же ты скрывала? — Его била дрожь.

— Сама не знаю, — сказала Марфа. — Мне очень жалко.

— Мне тоже, — сказал Николай Ильич. — Очень.

Они замолчали и стали думать, как быть дальше.

Вечер памяти

Кто-то заболел, кто-то был за границей, кто-то в санатории. А лучший друг и соратник, генерал-полковник-инженер Ярослав Петрович Тарасов этим утром скоропостижно скончался от инфаркта.

Никто не пришел отметить девятую годовщину смерти академика NN. За большим безлюдным столом сидели вдова и сын покойного. Еще была одна девочка, Оля Карасевич, дочка Генриетты Марковны, его многолетней лаборантки и ассистентки. Она пришла вместо мамы.

— Слава Тарасов даже не позвонил, — сказала Римма Викторовна, вдова. — Не можешь прийти, так хоть позвони! Объявись!

— Разные бывают обстоятельства, — сказал Алеша, сын. Он знал, что Тарасов умер, но не хотел сейчас об этом говорить. — Не злись, пожалуйста.

— Твой отец вытащил его из Омска. Дал целый отдел в своем институте!

— Всё, всё, всё. Давайте лучше выпьем! — Алеша стал разливать. — Помянем.

— Да, — подняла рюмку Оля. — Выпьем за светлую память Анатолия Ивановича, большого ученого и прекрасного человека.

— Не чокаются, — предупредила Римма Викторовна.

Выпили. Разложили закуску.

— А почем ты знаешь, какой он был человек? — с набитым ртом спросил Алеша. — Не люблю весь этот пафос, извини. Вообще отец был сложный человек.

— Я его прекрасно помню, — сказала Оля.

— Вот как? — подняла брови Римма Викторовна.

— Он приходил к нам в гости, — сказала Оля. — Приносил маме всякие подарки. Мне дарил игрушки и конфеты.

— Анатолий Иванович был добрый, любил детей, — сухо сказала Римма Викторовна.

— Вот я и говорю: прекрасный человек, — сказала Оля.

— Выпьем еще, — сказал Алеша.

— Детки, у меня разболелась голова, — сказала Римма Викторовна. — Пойду прилягу.

Посидели, поболтали. Алеша открыл дорогой старый коньяк, рассказал, что это еще отцу подарили во Франции. Попробовали. Ничего особенного.

Он обошел стол, сел рядом с Олей. Положил руку на спинку ее стула.

— Наверное, смешно звучит, — сказал он. — Ты мне нравишься. Очень.

— Ты мне тоже, — сказала она. — Ничего смешного.

— Дай я тебя поцелую.

— Целуй, — сказала она и протянула ему руку.

Он притянул ее к себе, обнял. Она стала отбиваться, чуть не упала со стула. Вырвалась, отбежала к двери. Он подошел к ней, схватил за плечи.

— Лешенька, проснись! — крикнула Оля. — Я же твоя сестра, ты что?

— Врешь! — закричал он.

На крик вошла Римма Викторовна.

— Мама, ты слышала? Мама, она врет? — спросил он.

— Прекрати, — сказала Римма Викторовна. — Олечка, он вам нравится, вы ему тоже, вот и хорошо, и выбросьте из головы эти глупости. Никакая вы ему не сестра. Я родила его от Славы Тарасова. Который даже не позвонил сегодня.

Сдача

Танька хотела учиться в институте. В хорошем, в настоящем. Чтобы потом устроиться на хорошую работу.

Она была не такая уж отличница, чтобы сдать экзамены на все пятерки и поступить на бюджетное место. Поэтому ей была дорога на платное обучение. И у нее были деньги, представьте себе. На книжке лежали. Бабушкино наследство, потому что она за бабушкой все последние годы ухаживала.

А потом заболел брат. Тяжелая, почти неизлечимая болезнь. Лечение очень дорогое и почти бессмысленное. Танька сама слышала, как доктор говорит с матерью. Она без разговоров и вопросов сняла деньги с книжки и принесла в больницу, и заплатила в кассу. Иначе этот институт ей поперек горла станет, и вообще не будет в жизни счастья, потому что счастья за смерть родного брата не бывает.

Но получилось наоборот. Брат очень быстро выздоровел: диагноз оказался неправильный. То есть он бы выздоровел и без такого дорогого лечения. Слава богу, конечно. Но деньги не вернешь. Правда, сдача осталась, около двадцати тысяч рублей.

— Ничего, — сказала Танька. — Я на сдачу себе горный велосипед куплю.

— А сколько он стоит? — спросил отец.

— Тысяч пятнадцать, если хороший, — сказала Танька.

— А мать третью зиму без зимнего пальто, — сказал отец, грустно выпил рюмку и закусил помидором домашнего засола; разговор шел за обедом.

— А чего ты ей сам пальто не купишь? — спросила Танька. — Ты глава семьи.

— Я инвалид, — сказал отец, наливая еще. — Пенсия смех один.

Танька подумала: если инвалид, зачем водку пьешь и двоих детей нарожал?

Но вслух не сказала, конечно. Но горный велосипед купила. И ездила на нем к своему парню.

Этот парень у нее был давно, она ему доверяла.

А тут он вдруг сделал, что нельзя.

— Ты чего? — Она вскочила с кровати.

Он силой уложил ее обратно, прижался щекой и зашептал в ухо:

— Я хочу, чтоб у нас ребеночек был. Выходи за меня замуж.

Танька чмокнула его пару раз, чтоб не ссориться. Пошла в душ и долго мылась сильной струей. И шептала: *бедным нельзя детей, бедным нельзя детей.*

Вышла на улицу и увидела, что горного велосипеда нет. Только стальная петля с замком на асфальте валяется. Срезали, сволочи, специальными ножницами, наверное.

— Велосипед бедным тоже нельзя, — повторяла Танька, быстро шагая и размахивая замком, как кистенем. — *Бедным вообще ничего нельзя.*

Встречная женщина остановилась, а потом обошла Таньку стороной.

И М Е Н А

Сергей Урусевский
Фто А.Антипенко

ИНГА УРУСЕВСКАЯ

Поэт кинематографа

ПАМЯТИ ОТЦА

В памяти многочисленных зрителей хранятся незабываемые кадры смерти Бориса: уплывает, словно проваливаясь в бездну, мерцавший за облаками солнечный диск, мелькают в угасающем сознании счастливые мгновения несостоявшейся свадьбы, кружатся березы, и мы вновь ощущаем то, что переживал в свои последние секунды погибающий герой. Сколько бы ни смотрели, каждый раз мурашки по коже... «Летят журавли» получил «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля в 1958 году, а Сергей Урусевский — Гран-при Высшей технической комиссии Франции «За виртуозное владение камерой». После просмотра Пабло Пикассо сказал: «Каждый кадр «Журавлей» можно рассматривать, как самостоятельное талантливое произведение».

23 декабря 2008 года исполняется 100 лет со дня рождения Сергея Павловича Урусевского, оператора и режиссера, художника-станковиста, оставившего глубокий след в истории искусства. Урусевский — один из самых мощных и новаторских советских кинооператоров, завоевавший мировую славу. Он осуществил переворот в языке киноискусства, утвердил принципиально новое значение изобразительного кинематографа.

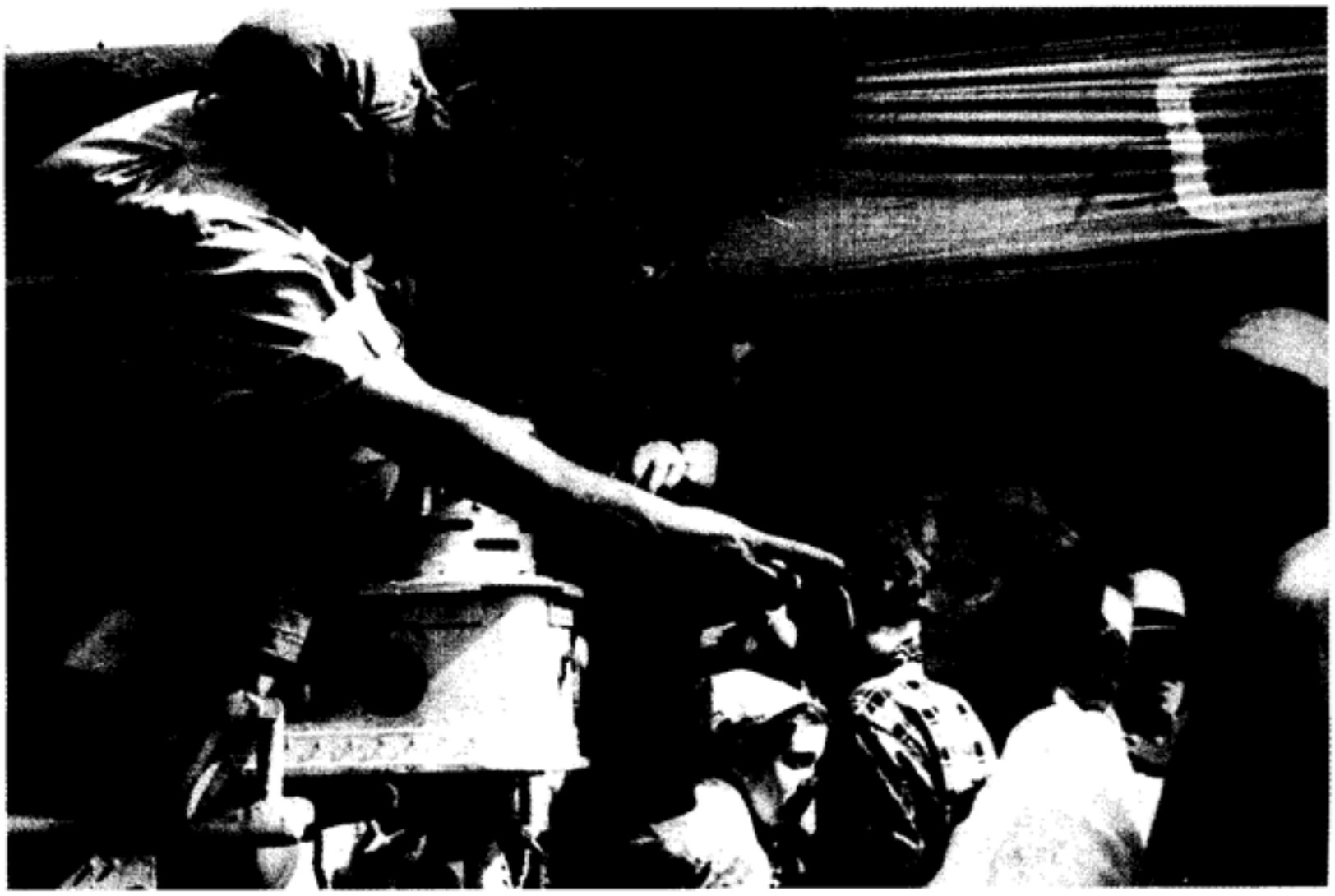
Урусевский снял двадцать фильмов. Природа наградила его талантом и самоотверженностью, острым взглядом и тончайшим пластическим мышлением. Если в большинстве случаев работа оператора как бы скрыта для зрителя, заслоняется режиссерскими приемами, то во всем, что снимал Сергей Урусевский, всегда ощущался вклад темпераментного, изощренного автора изображения, заставлявшего камеру быть активной участницей развития событий.

Сила воздействия фильмов Урусевского объясняется не только его дарованием — истоки этой силы и в школе, которую он прошел, прежде чем стать оператором. Художник и по призванию, и по образованию, он учился у Владимира Фаворского, Андрея Гончарова, Александра Родченко, Павла Павлинова, Константина Истомина. Именно с ними он разрабатывал ту изобразительную культуру, которую позднее принес в кинематограф. В годы войны Урусевский был оператором фронтовой группы Северного флота. В начале 50-х вернулся к живописи, не оставляя операторскую работу. Он занимался живописью так же самоотверженно и страстно, как и снимал кино. Он не искал в ней отдохновения или отвлечения. Он продолжал все те же — обязательные для себя — пластические эксперименты, но держал в руках кисти, а не камеру. Он стремился познать еще непознанное и неожиданное, что видел в обыкновенной повседневности — не скованный литературным сценарием. «Он рисовал уверенно и твердо, восхищаясь остротой увиденных им в натуре форм, покоряясь силе цветовых сочетаний в их широких и обобщенных силуэтах, особенно ценя их декоративный смысл и видя в цвете и колорите основную структуру живописного изображения», — писал Андрей Гончаров.

Персональные выставки живописи и графики Урусевского с успехом проходили в Москве (1976, 1984), Гаване (1976), Ленинграде (1977), Праге (1978), Софии (1979), Бухаресте (1979). Скромный, сдержанный, он стеснялся почестей и видел смысл жизни только в работе. Он никогда не хотел, да и не делал того, что ему было сделать легко. И в кино, и в живописи он стремился решать труднейшие задачи, преодолевать сложившиеся навыки, отменить готовые стереотипы. Он был артистом в самом высоком понимании этого слова. И настоящим проникновенным художником.

«Сорок первый», режиссер Григорий Чухрай, оператор Сергей Урусевский

«Летят журавли», режиссер Михаил Калатозов, оператор Сергей Урусевский



Сергей Урусевский на съемках фильма «Летят журавли»

Пабло Пикассо, Татьяна Самойлова, Сергей Урусевский и Жан Кокто после просмотра фильма «Летят журавли». Канн, 1958

«Неотправленное письмо», режиссер Михаил Калатозов, оператор Сергей Урусевский

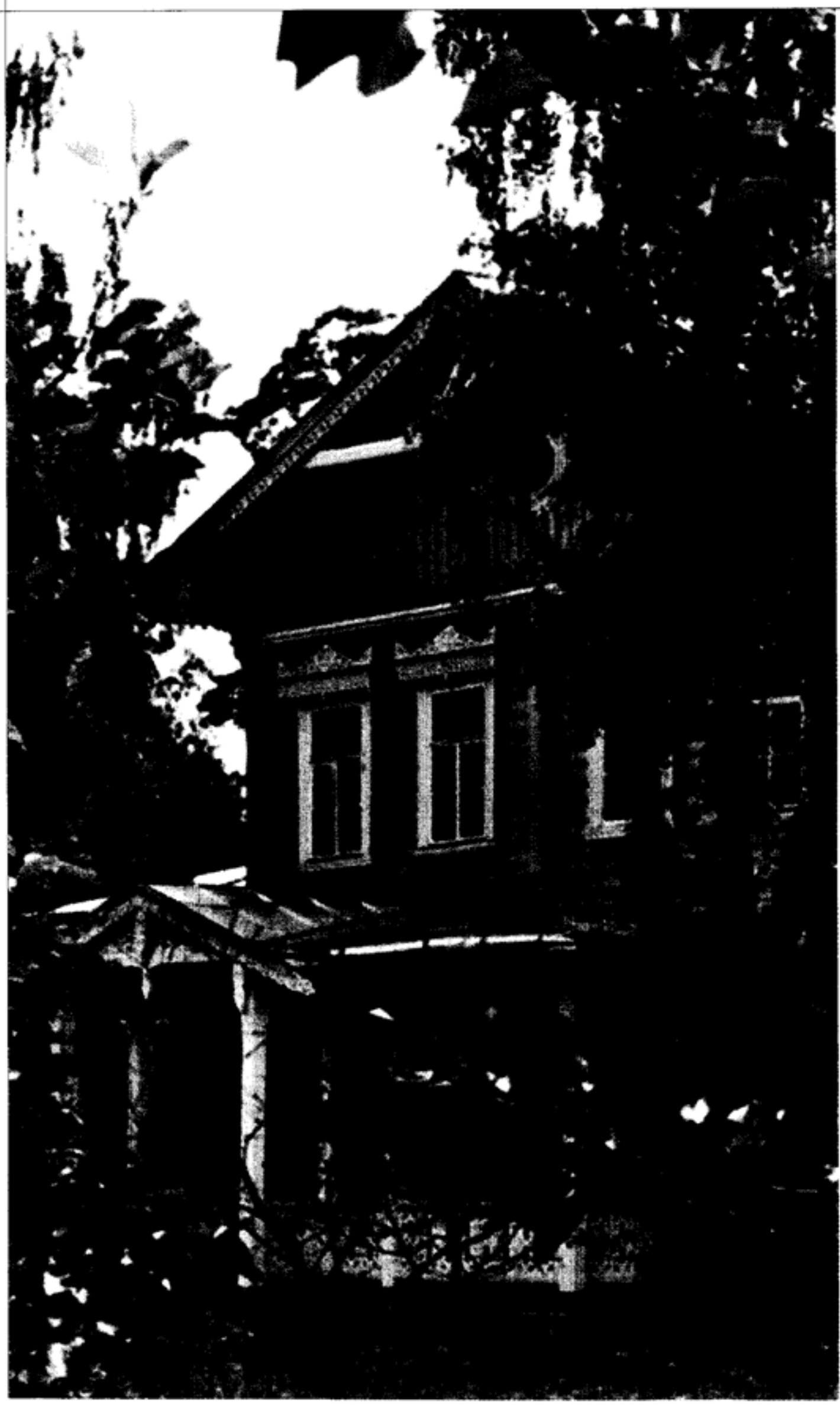
«Я — Куба», режиссер Михаил Калатозов, оператор Сергей Урусевский

На съемках фильма «Бег иноходца»; режиссер и оператор Сергей Урусевский

Сергей Урусевский. Натюрморт на фоне окна, 1972

Сергей Урусевский на этюдах

Ч Т Е Н И Е



ИППОЛИТА КУПРЕЯНОВА

Французский балкон

...Туман. Улицы древнего городка — двухэтажные здания с мокрыми стенами, арки. Церковь. Голуби. Площадь, мощенная булыжником. Тихий звон колокольчиков.

Александр. Спортивный, открытое лицо; лет сорок пять.

Лошадь, запряженная в прогулочную коляску.

— Экскурсии на экипажах, мимо не проходим!

— Сколько стоит? — спросил Александр.

— Пятьсот рублей большой круг.

Девица соскочила с облучка и, приглашая, откинула тяжелое от сырости одеяло, которым была прикрыта скамейка. Александр пошел дальше. Он шел мимо длинного ряда колясок и сонных лошадей, которые появлялись и исчезали в тумане. За колясками стояли верховые лошади. Кто в вязаной шапочке, кто с бантом на гриве.

...Глаз коня отливал ультрамарином. Конь прижимал уши, переступал копытами. Мягкие белые губы смели с ладони хлеб. Ухватили рукав.

— Он играет. — Девушка-хозяйка обняла коня за голову и стала шлепать по носу. — Кусаться будешь? Кусаться?

— Как зовут?

— Гроза.

— А тебя?

Она вдруг стала суровой.

— Юлия.

Александр, покачиваясь в седле и задевая головой холодные ветки, плыл в тумане. Цокали подковы. Юлия шла молча, смотрела под ноги. Над головой показались купола собора.

Конь шарахнулся с дорожки, Александр еле удержался в седле. Мимо шла женщина, на плече — сумка-планшет. Женщина подняла голову и встретилась с Александром глазами. Ему показалось, что ее лицо очень красиво. Это продолжалось долю мгновения.

— Привет, — послышался ее голос.

— Привет, — ответила Юлия.

Он оглянулся, но силуэт уже растаял в тумане.

На колокольне собора мелодично и сонно забили часы.

Ипполита Купреянова — кинодраматург. Окончила сценарный факультет ВГИКа (2008, мастерская Н.Рязанцевой, В.Антоновой). Сценарист фильмов «Портрет» (2005, Высшие курсы сценаристов и режиссеров, режиссер П.Елистратов), «Царапина» (2007, Мосфильм, режиссер М.Смирнов). Учебная работа «Семья» по теме «Семейные легенды» опубликована в «Искусстве кино», 2007, № 1. Сценарий «Французский балкон» — дипломная работа.

Александр шел мимо витрины фотомастерской, где фотографировали в старинных костюмах. Сувенирная лавка. Аптека. Он остановился у доски объявлений. Среди объявлений — «Продам кроликов и козу молодую черную», «Куплю дорого дом или земельный участок» — была старая афишка выборных времен. Непроницаемое лицо мужчины в военной форме. «Наш мэр Егор Сергеевич Зубов!»

Александр сидел в приемной на стуле. Секретарша пригласила в кабинет.

Егор Зубов работал за столом.

— Здравствуйте, — сказал Александр.

Зубов продолжал работать.

— Пандшер.

Зубов поднял глаза. Вспыхнул.

Они уже обнимались.

— Сашка? Здесь? Как ты меня нашел?

— Шел по городу, увидел листовку. Ты — не ты. Щеки-то во!

Женщина, которую Александр встретил утром у собора, — Ирина Андреевна или просто Риша. Тридцать шесть лет. Внимательные глаза. Ее нельзя назвать красавицей — как показалось в первую минуту, — но ее лицо обладает таинственной силой притяжения: хочется смотреть и смотреть на нее.

Она ходила между мольбертами.

Пустой актовый зал с высоким потолком и огромными окнами. Раньше в этом особняке была богадельня, в актовом зале — домашняя церковь. Теперь мольберты, обнаженная натура и студентки-художницы. Был слышен тревожный хрустальный звук. Это огромная люстра звенела — качалась — от сквозняков. Открылась дверь, зашел странный студент, Килин. Он оставил дверь открытой и начал лунатично слоняться по залу, заглядывая в рисунки.

Риша, строго:

— Молодой человек, у нас урок идет! Что вам надо, вы кто?

Килин игнорировал ее. Студентки переглядывались и хихикали.

— Это Килин. Он восстановился и теперь будет с нами.

— Вы мольберт ищите?

Килин сел на пол перед моделью, достал из-за пазухи карандаш и какую-то бумажку и, высунув кончик языка, начал сосредоточенно рисовать.

— У него дни молчания, — пояснила одна из девочек.

В открытую дверь заглянул преподаватель живописи Пал Саныч. Он был навеселе. Шел к Рише — хоп! — жестом фокусника из-за спины букетик.

— На-тюрморт!

— Пал Саныч, закройте дверь, — сказала модель.

Пал Саныч пошел, чтобы закрыть дверь, но по дороге завернул в угол и нашел там среди прочего хлама какой-то пыльный кувшин. Риша разглядывала цветы. Пал Саныч забрал их у Риши и поставил в кувшин, на окно.

— О как!

Улыбался и любовался.

Студентка Карина сказала:

— Мы натюрморты на первом курсе рисовали.

— Цинично, казенно! Вы меня убиваете, Карина! В одном цветке живет вся вселенная! Все краски, оттенки... — учитесь у цветов! Снимите же шоры, откройте глаза, распахните... и вы увидите красный, синий, белый!

— Сейчас у нас не урок живописи, а урок рисунка, — сказала Карина.

— Я замерзла, — сказала модель. — Закройте дверь.

— Поставлю чай.

Риша с электрическим чайником пошла к выходу. Пал Саныч шел за ней, по дороге споткнулся о Килина.

— О! Гений вернулся!

Пожал Килину руку.
Уже в коридоре Риша спросила:
— Что с ним делать?
— Не обращайте внимания.
Пал Саныч взял Ришу за локоть, что-то хотел сказать.
— Не обращайте внимания, — повторил Пал Саныч и ушел.

Цветы в кувшине на окне. Пел женский хор:

...Владычице моя Пресвятая,
Надежда моя, Богородице,
Зрише мою беду,
Зрише мою печаль,
К кому прибегну, как ни к тебе.

Риша пела в хоре, среди других женщин, девушек, девочек. В том же зале — только теперь здесь было пустыннее и темнее. Мольберты стояли у стен. Лил пасмурный свет из окон. Дирижировала Вера Ивановна — седая женщина лет пятидесяти. Среди поющих была и Юлька. Ее конь стоял на лужайке у дерева, его было видно в окно. По улице мимо окон, откуда слышался хор, мимо коня шла высокая, прямая старуха с палкой — как с посохом. Ариадна Георгиевна.

Ариадна поднялась по ступенькам почты.

Телеграфистка набирала текст под диктовку: «Галина, приезжай срочно. Немедленно. Вопрос о доме. Тетка Ариадна».
— Всё?
— Да, всё.
— Десять шестьдесят.
Ариадна расплатилась. И вдруг вспомнила — достала старое письмо.
— Нет, не всё. Что тут написано? Прочитайте.
Телеграфистка изучила конверт.
— Это письмо вернулось.
— То есть как вернулось?
— Это ваше письмо вернулось. Вы писали, вам вернулось. Адресат выбыл. Санкт-Петербург, улица Лесная...
— Как выбыл? Куда?
— Здесь не написано, — засмеялась телеграфистка. — Я на этот вопрос вам ответить не могу.
Телеграфистка вернула Ариадне конверт. Ариадна размышляла. Распечатала конверт, вытащила листок, развернула...
Телеграфистка читала ее письмо: «Здравствуй, Галина. Ты не пишешь уже давно. Был Новый год...»
— Ясно.
Ариадна протянула руку в окошко.
Телеграфистка свернула листок вчетверо.
— Деньги вернуть? Телеграмму передумали посылать? — спросила она.
— Телеграмма — пусть.

Александр и Егор пили вдвоем в маленьком пустом зале ресторана. Сидели у окна. Это был второй этаж. Внизу — центральная площадь, мощенная булыжником. Туристы, фотоаппараты, сувениры, торговцы...
Они пили и ели и не смотрели в окно. Александр не видел Ришу. А Риша сейчас шла через площадь. Она шла к двухэтажному строению на той стороне площади. Там был детский сад.
Егор был пьян.
— Вцепились в свои избушки прогнившие! Ни себе, ни людям! Дай городу развиваться! Как собаки, честное слово, на сене — ни себе, ни людям! С ме-

ня только спрашивают, вынь да положь, вынь да положь! Я им, конечно, выну, только они не обрадуются! А ты где, что?

Риша вошла в детский сад.

— Страховой бизнес, — ответил Александр. Офис на Старом Арбате. Жена и дочка в Италии живут. Я с мамой. Тебя-то как угораздило? В мэры?

— Жопа полная. Пока мы там родину защищали, они тут на грядках корячились! Не можешь поправить свой забор — так иди, к детям своим иди, в отдельную квартиру иди, пожалуйста, я сам живу в панельном доме! Дорогу заасфальтировал видовую — там проезжала техника! Президент прилетал на вертолете! Они всполошились — дорога, наша дорога! Мощенная булыжником! Восемнадцатого века! Город-музей! Мы теряем наш город! Так давайте пешком теперь все будем ходить! Президент будет прыгать по вашим колдоебинам! А потом спросит у меня: куда ты, Егор, деньги-то дел, которые тебе были выделены?.. Сашка! Давай, ты ко мне.

— Куда? В политику?

— Не политика. Бизнес! Ты строишь здесь гостиницу. Я тебе даю землю, зеленый свет, всячески содействую. Мафия!

Александр размышлял и смотрел в окно.

— Туризм — это реальный бизнес! Я сейчас на волне, понимаешь? Я тебя подниму!

Александр налил водки.

— Не знаю. Надо подумать.

— Нас разбросало, как слепых котят! Мы — с тобой!

Риша вышла из детского сада. Она вела за руку шестилетнего мальчика. Ваню. Они шли через площадь. О чем-то говорили. Вдруг остановились.

...Риша сидела на корточках перед сыном и старалась заглянуть в его глаза. Их обходили.

— Почему она так сказала?

— Я проглотил косточку от вишни. В компоте была косточка. Я спросил у нее, что со мной будет. Она сказала, что я умру.

— Ты ей поверил?

Он смотрел на Ришу. Было ясно, что он поверил воспитательнице. Вдруг улыбнулся и покачал головой: нет. Не поверил. Риша обняла его и поцеловала.

...Шли по Старому городу. Это был совсем маленький город: городок для пешеходов, лошадей и велосипедистов. Церкви, шпили колоколен, холмы... Они шли через луг. На холме над рекой стоял одинокий дом — общежитие для художников.

В общежитии они шли по коридору. У раскрытого окна курили бородатые художники. Риша открыла дверь. Сразу кухня, распахнуты двери: одна — в комнату Риши, другая — в комнату Веры Ивановны.

В комнате Риши — кровать, стол, стеллаж с книгами, платяной шкаф; на стенах, на полу — детские рисунки. На рисунках преимущественно коты. В комнате Веры Ивановны — кровать, шкаф и пианино. На балкон можно попасть из комнаты Риши.

С балкона слышался Юлин голос:

— Кто я тогда была? Кто меня слушать будет? Я — в рев. Все мне: что плачешь по коню? Пятнадцать лет девке, замуж пора, а она по коню плачет! А я плачу и плачу!

Ваня побежал на балкон. Конь с улицы (первый этаж) тянул сюда морду через балконные перила.

Столик, скатерть, вилки-тарелки, салатница, хлеб, посреди — сковорода, накрытая крышкой.

Вера Ивановна:

— Ваня, мыть руки!

— Я — Сударь Кот в сапогах! — сказал Ваня.

Со сковороды торжественно сняли крышку. Жареная картошка. Ужинали. Юлия ела и рассказывала:

— Немец покатался — обратно коня приводит. Здравствуйте! С разбитой спиной. Подходит ко мне зоотехник: забирай, девочка, своего коня, выхаживай. Я дверью хлопнула — ушла. Был здоровый — на тебе больного, вылечишь — еще кому-нибудь отдадим. Ну, погуляла полчаса вокруг, вернулась, конечно.

Ваня угощал коня хлебом.

За окном была ночь. Ариадна Георгиевна сидела за письменным столом — разбирала бумаги — в комнате, которая была одновременно спальней и рабочим кабинетом. Стены здесь, как и во всем доме, были деревянные. На стенах — картины, гравюры и репродукции с видами Старого города, таким он был в начале XX века и раньше — в XIX и XVIII веках.

Здесь была старинная мебель — книжные шкафы, бюро с книгами, бумагами, папками. Морские камни, ракушки, статуэтки, браслеты и кольца, фигурки животных, ржавые железяки, бусины — в стеклянных банках и просто так, на полках, среди книг. Вазы с засушенными букетами полыни и пижмы.

Ариадна Георгиевна недовольно сняла очки, что были на ней, из ящика стола достала другие — с толстыми выпуклыми стеклами. Надела, посмотрела вокруг. Комната размыта, а буквы на листе сливались и разбегались — подноси его к самым глазам или отодвигай, вытягивая руку. Ариадна Георгиевна устало сняла очки, положила их обратно в ящик. Потерла глаза. Выключила настольную лампу... Сидела, покачиваясь, в кресле-качалке, набирала на спицы петли. Считала.

Это была другая комната — гостиная. Стол, стулья, буфет с сервизами. На стенах много фотографий — из прошлой жизни. Археологические раскопки.

На пол упала спица. Ариадна вытащила из вязания вторую спицу и все распустила...

Она лежала в кровати с открытыми глазами. Синеватый свет проникал в комнату из окна. Ветер качал занавеску. Вдалеке, на колокольне, тихо пробили часы: раз, два, три...

...На белом листе — буквы: стук, стук, стук.

Ариадна сидела на краешке стула, печатала на машинке и бормотала:

— Два фрагмента киевских бокалов желтого стекла... Трапециовидная бусина желтого стекла, датируемая по новгородским материалам первой половиной XII века... Шиферное пряслице... С внешней стороны южного угла центрального сруба был обнаружен череп лошади. Череп был поставлен на шейное основание... Он лежал затылком к углу сруба, мордой — к северу. Возраст лошади — четыре-пять лет. Обычай приносить при строительстве жертву связан с языческим мировоззрением.

Было утро. Ариадна с чашкой чая сидела у раскрытого окна. За окном по дорожке прошла соседка Машка с козой. На козе позвякивал бубенец. Ариадна смотрела сквозь них. Машка прошла еще немного, оглянулась на окно Ариадны, вогнала в землю колышек, чтобы привязать козу. Ариадна встала и выглянула из окна.

— Машка! Машка! — И погрозила: — Дальше ее веди!

Машка плюнула, выдернула колышек и повела козу дальше, за холм.

Светило солнце. Дорога была пустынна. Александр вел машину. Запиликал телефон.

— Доброе утро, мама. Нет, сразу на работу. Вечером заеду. Цветочек аленький тебе везу. Я всегда осторожно. Все под контролем. Город — да. Да, видел. Наверное, видел. Не знаю, был туман. Феликс еще не звонил? Сейчас —

не еду, стою на обочине. Уже давно не еду, стою на обочине, с тобой разговариваю. Не знаю, что шумит. Ветер шумит, птички поют.

Развилка. Светофор. Красный свет. Александр притормозил. Впереди оживленная московская трасса, за ней — город Данилов, его спальный район. Напротив светофора — пустая остановка: «Старгородский поворот». Указатель: «Прямо — Данилов. Центр. Направо — Москва, 280 км». Загорелся зеленый. Александр повернул направо.

Дом стоял на холме, над рекой, открытый ветрам. Общежитие для художников. Дальше улица спускалась вниз, в частный сектор. С другой стороны холма был луг.

Из дома вышли Риша и Ваня в дождевых плащах. Они спустились с холма и пошли через туманный луг, где паслись коровы. Риша громко поздоровалась с пастухом. Тот не ответил, но остановился, сплюнул и стал на них смотреть. Бесцеремонно, нагло. Смотрел и смотрел, хотя они уже далеко от него ушли.

Ваня взял маму за руку и грозно оглянулся.

— Этот пастух мне надоел!

Они стояли у дверей детского сада. Ваня обнимал Ришины ноги. Риша почувствовала на себе взгляд. Подняла голову. Из окна на втором этаже на нее смотрело злое женское лицо.

— Уговорил, — сказала Риша.

Ваня поднял на нее счастливые глаза.

Хрустально звенела люстра. Ваня рисовал на огромном листе ватмана, пришпиленном кнопками к мольберту. Рисовал натюрморт: кувшин с букетом Пал Саныча. Ваня был посажен ко всем спиной, чтобы не видеть ни студенток, ни обнаженную модель.

Риша стояла у окна. Она быстро рисовала на альбомном листе домик — эскиз придумывала на ходу. Здесь же — план первого этажа, план второго этажа... Было похоже на волшебство: то, как она «думает рукой».

Бум! Как будто с той стороны дверей кто-то стукнулся в них лбом. Двери с силой дернули. Еще и еще. Крючок на дверях высоко подпрыгивал.

— Это он, — заволновались девочки.

Риша, стуча каблуками, медленно подошла к дверям. Протянула руку, чтобы снять крючок, но тут в двери грохнули так, что они распахнулись сами, и в класс ввалился Килин.

— Здравствуйте, — сказала Риша ледяным голосом.

Килин не обернулся в ее сторону, прошел к своему мольберту. Риша подошла к нему и встала за его плечом.

— Килин, я вас ничему научить не смогу, — сказала она. — Я прошу вас на мои уроки больше не приходить. Можете перевестись в другую группу.

Килин точил карандаш и улыбался.

— Я не буду терпеть это хамство. Вы меня слышите?

Ваня подошел к ним. Смотрел на Килина волчонком. Килин увидел Ваню. Он наклонил голову набок, прищурил глаза. Риша смотрела, как Килин смотрит на Ваню, и чувствовала ужас. Она не могла этому помешать. Ее как будто пригвоздило к полу. Килин вдруг стал быстро рисовать Ваню. Риша сделала шаг и встала между ними.

— Килин, — тихо сказала она. — Посмотрите на меня!

Килин сфокусировал на ней взгляд. Риша — впервые — смотрела ему в глаза. Это были абсолютно пустые глаза. Может быть, Килин был до бесчувствия пьян или находился под действием наркотика. Или просто был сам по себе — такой.

— Туда! — Риша порывисто указала на модель. — Там модель. Ее рисуйте.

Килин улыбнулся, облизнул губы и закрыл глаза — в знак согласия.

Вера Ивановна курила в открытое окно. Это окно было на площадке лестницы. По лестнице поднималась Ариадна Георгиевна.

— Она курит! — сказала Ариадна Георгиевна. — Я всегда знала, что вы курите. Вот пошла по черной лестнице — и застукала вас!

— Я не скрываю.

— Вера Ивановна, что с Ришей? Что у нее случилось?

— А что у нее случилось? Не знаю, ничего не случилось.

— Ничего не знаете?

— Хотите, спрошу у нее?

— Если она мне ничего не сказала, вам тоже не скажет.

— С чего вы взяли, что у нее что-то случилось?

— Я еще не совсем ослепла, я вижу!

— Что же вы видите?

Прозвенел колокольчик.

— Начинается, — сказала Вера Ивановна.

— Без вас не начнут!

Они с Верой Ивановной стали медленно подниматься по лестнице.

Хор пел «Серенаду» Шуберта: «Песнь моя, лети с мольбой, тихо, в час ночной». Риша стояла в самом последнем ряду, на верхней ступеньке лестницы. Пела. Ее глаза блестели.

Это был тот же актовый зал училища, на сей раз плотно заставленный стульями. Вера Ивановна дирижировала.

Ариадна Георгиевна сидела, выпрямившись, и слушала. Бородач, сидевший перед ней, обернулся и тихо сказал:

— Вы меня, конечно, не помните. Я Антошка.

Ариадна Георгиевна удивленно воззрилась на него.

— Практикант. Лет двадцать назад — здесь копали, у вас.

Ариадна Георгиевна улыбнулась тепло.

— Я вас помню. Антошка! У вас теперь борода...

Он смущенно отвернулся. Но через мгновение снова повернулся.

— Это моя жена, Елена.

Жена Антошки, женщина в странной шляпке, обернулась и улыбнулась Ариадне Георгиевне. Ариадна Георгиевна внимательно, тяжело посмотрела на Елену. Та всё улыбалась.

— Копаете? — спросил Антошка, радостно кивая.

— Я давно не копаю, — сказала Ариадна Георгиевна и недовольно шмыгнула носом.

Риша пела и смотрела на лица зрителей. Это были те самые лица, которые она каждый день видела в городе, встречала в магазине, по дороге на работу. Здесь были все — вплоть до пастуха и Ваниной воспитательницы. Были Ришины студентки. Были крестьяне — старики, продававшие овощи и молоко на рынке. Была богема — художники их училища, музейщики. Были лица из администрации. Были добрые, злые, усталые и воодушевленные лица; кто-то слушал, кто-то дремал, кто-то переглядывался через ряды — и все они чем-то были похожи. Редактор местной газеты — хитрый, самоуверенный и глуповатый тип, экипированный фотоаппаратом и диктофоном. Бывший мэр Иван Иванович — торжественный и спокойный старик в орденах Великой Отечественной. (Он живет в том же доме, где вся администрация, и каждое летнее утро метет метлой двор, а зимой убирает снег с дорожек.) Роман Васильевич — помощник действующего мэра. Парень семнадцати лет, прыщавый, в синей рубашке и при галстуке, с немного перекошенным лицом. Главный архитектор — Сергей Евгеньевич.

Риша встретилась с ним глазами, и он вежливо поклонился, улыбнулся.

И тут Риша увидела Килина. Он сидел почему-то выше всех остальных — и вдохновенно рисовал, роняя вокруг себя свои листочки.

...Антошка снова повернулся к Ариадне Георгиевне и сказал:

— Приезжайте к нам. Мы под Тулой копаем. Приедете?

Ариадна Георгиевна удивилась. Ее глаза загорелись. И потухли.

— Да ну, что вы, приеду, кому я там нужна? Слепая, глухая. Я на пенсии.

Антошка прижал к груди руки и сказал искренне:

— А мы... транспорт организуем.

Ариадна оттаяла:

— Здесь-то вы какими судьбами?

— Моя жена отсюда.

...Юлия толкнула Ришу в бок и кивнула на дверь.

Двери в зал были открыты. Около входа, у стены, стоял Пал Саныч с огромным букетом полевых цветов. Он слегка покачивался — был под хмельком — и смотрел беззаветно на Ришу.

Его красноречивый взгляд в зале заметили: посмеивались, обсуждали.

Риша отвела глаза и стала смотреть на люстру — огромная, тревожно звенящая, казалось, она чуть качается и сейчас рухнет на головы зрителей. Риша закрыла глаза. Сын Ваня из зала смотрел на Ришу.

Антракт. Риша металась по залу. Кто-то коснулся ее руки.

— Здравствуйте, Ирина Андреевна.

Главный архитектор, Сергей Евгеньевич.

— Давненько не видно вас, не заходите. Все некогда.

Риша вежливо улыбнулась.

— За это время к нам не надумали?

— Нет. Я...

— Ну и правильно. У нас сейчас такое творится! Как вы? Как Ваня?

— Я его ищу. Вы не видели?

Сергей Евгеньевич удивленно поднял брови. Риша проследила его взгляд, обернулась, ожидая увидеть Ваню, но это был не Ваня, а Пал Саныч, который в то же мгновение жестом фокусника протянул ей свой букетище. Риша взяла цветы. И заметила Ваню — он стоял рядом и смотрел на нее. Риша взяла его за руку.

— Уходим, Сударь Кот.

— А ты разве больше не будешь петь? — спросил Ваня.

Тут подошла Ариадна Георгиевна под руку с Антошкой. Елена — с ними.

— Вот она, моя Риша. Это Антон, археолог, в Тулу зовет. Махнуть, что ли, в Тулу, ты как считаешь?

— Конечно, махнуть! — сказала Риша.

Антон поклонился.

— Знакомьтесь, это Елена, моя жена.

Елена улыбалась, принужденно, просительно.

— Вы нас простите, сейчас позвонили... — бормотала Риша, отступая к выходу. — Срочно. В другой раз. Всего доброго...

— Я с вами! — воскликнула Ариадна.

Риша и Ваня уже спускались по лестнице. Ариадна не успевала.

— Ариадна Георгиевна, вы оставайтесь. Мы сейчас едем в Данилов!

— Что случилось? Кто приехал?

— Нет, нет! Работа!

— Прямо пожар!

— Позвонили — срочно надо, завтра заказчик... Всё у меня там, здесь я не смогу — там все материалы... Я перепутала числа!

— А Ваня? Куда ты его тащишь?

— Я с мамой! — громко сказал Ваня.

— На ночь глядя? Потащишь ребенка — оставляй, пожалуйста, у меня! Стой! Я не девочка, чтобы бегать так!

Риша и Ваня ждали ее на площадке. Риша стояла, устало прислонившись к стене, и смотрела в окно. Ариадна их нагнала.

— Пулей оттуда вынесло! — сказала Ариадна.

Они долго молчали. Ариадна вздохнула.

— И что ты, едешь?

— Работа, — сказала Риша.

— Работа!

— Да.

— Тогда тем более! Оставляй Ваню, поезжай себе. Работай спокойно.

Ваня смотрел на Ришу: «Нет! Я тобой! С тобой!» Риша вдруг решила открыть окно. Не получалось. Раму заклинило.

— Не то-ро-пись, — сказала Ариадна.

— Ариадна Георгиевна, поедем вместе в Тулу! — сказала Риша. — Он сейчас зовет? Там раскопки? Вы Ване обещали.

— В Тулу со своим самоваром?

Они молчали.

— Как вы думаете, — сказала Риша, — когда я сюда приехала, я подумала: в таком красивом городе должны жить люди...

И задумалась. Ариадна смотрела на нее.

— Мама, — сказал Ваня. — Я с тобой!

Риша посмотрела на сына.

Риша ехала в полупустом междугородном автобусе. За окном — вечерние луга, леса. Автобус остановился на светофоре перед въездом в Данилов. Остановка «Старгородский поворот». Указатель: «Прямо — Данилов. Центр. Направо — Москва...»

Риша поднялась по лестнице, открыла дверь в квартиру. Включила свет.

Это была большая пустая квартира с высокими потолками. Две комнаты, освещенные светом из коридора. В одной комнате — стол у окна. В другой комнате — на полу — большой матрас. Риша открыла здесь окно. Послышались звуки вокзала. Вид из окна был чудесен: огромное, догорающее апрельское небо, на горизонте — лес, внизу — игрушечная железная дорога.

...Риша принимала душ... Поставив ногу на край ванны, наносила на кожу крем и напевала что-то из классики... Перед зеркалом в ванной — с полотенцем на голове — выщипывала брови...

Риша вышла из ванной. И босиком пошла в комнату, где был матрас. Раскинув руки, упала на матрас и так лежала, слушая звуки.

...Было утро. Риша спала на матрасе, свернувшись, закутавшись в одеяло.

На кухне завтракала: кофе, яичница.

Открыла ящик стола. Здесь были какие-то бумаги, рисунки. Риша выбрала нужные и положила в сумку-планшет.

Стояла у входной двери, держась за ручку: медлила уходить.

Комнаты были залиты солнцем.

Она вышла, захлопнула дверь.

...Был туман.

Александр вел машину. Феликс, мужчина сорока лет, спал на заднем сиденье.

Светофор. Перекресток. Указатель: «Направо — Данилов. Центр. Налево — Старый город». Александр свернул налево. Еще один указатель: «Старый город — 30 км».

Пустая остановка. За остановкой на обочине стояла Риша. На плече — сумка-планшет. Александр резко нажал на тормоз. Дал задний ход. Риша заглянула в салон. Александр не ошибся: то самое лицо. Это ее он видел на прошлой неделе, в тумане, когда катался на лошади. Не то чтобы красива, но лицо чем-то притягивало к себе.

— В Старый город?

Дорога по одной полосе в каждую сторону. Машина впереди еле тащилась. Александр пошел на обгон. Он снова выехал на встречную и краем глаза гля-

нул на Ришу. Она смотрела на дорогу и улыбалась. Он бросил руль, чтобы закурить. На них неслась машина, сигналила. Александр в последний момент увернулся.

Дорожный знак предписывал сбросить скорость до шестидесяти.

На спидометре — сто сорок.

— Вы всегда так рискуете? — спросила Риша.

— Всё под контролем, — сказал Александр и краем губ улыбнулся.

Впереди стоял гаишник, направив на них радар. Жезлом указал: на обочину! Он промелькнул в окне.

— Как вас зовут? — спросил Александр.

— Риша.

Александр посмотрел в зеркало заднего вида. За ними ехала машина ДПС с включенной мигалкой. Александр прибавил скорость. Дорога чуть поворачивала. На них летел знак, предупреждающий о повороте.

— Если свернуть? — спросил Александр.

— Я не знаю, куда ведет та дорога.

— Так и будет ехать за нами до самого города!

Александр резко свернул в туман.

Они ехали по лесной разбитой дороге. Дорога разделилась на три. Александр снова повернул. Точно такая же дорога, которая, в свою очередь, разделилась.

— Лабиринты, — сказал Александр.

За окном был лес. Ее руки в кольцах лежали поверх сумки.

— Мы потерялись, — сказал Александр.

Он посмотрел на Ришу. Оказывается, она смотрела на него. От этого взгляда Александр — сам того не ожидая — смутился.

— Вы, значит, художница.

— Да.

Из-за поворота вынырнула полуразрушенная церковь. Александр снова посмотрел на Ришу. Она смотрела в окно. Дома, в которых, казалось, никто не живет. Вокруг — ни души.

— Затерянный мир, — сказал Александр.

— Интересная церковь.

Александр остановил машину у колонки.

Риша стояла посреди пустой церкви и смотрела вверх. Полустертые фрески. Воркование, хлопотание крыл. Риша вдруг повернулась и встретилась с ним глазами. Александр подошел к ней.

— Э! — крикнул вверх. — А!

Проснулось эхо.

Феликс открыл глаза. Машина стояла. Лицо Феликса было опухшим. Он сел и посмотрел в окно. Бело. В другом окне тоже. Закрыл глаза, открыл... Место Александра пустует. Из замка зажигания торчат ключи. Феликс вышел из машины. Его передернуло от сырости. Дикий поселок. Криво торчащие столбы. Три ребенка южных кровей. Беженцы? Одежда разномастная; куртки не по росту, с длинными рукавами. Феликс взял из кармана в дверце карту и пошел к детям. Они отступили. Феликс улыбнулся. Один мальчик сел на корточки и поднял с земли камень. Феликс остановился.

— Это что за селение? Как называется?

Мальчик бросил в Феликса камень и побежал.

Феликс свистнул. Два других ребенка бросились вслед за первым. Феликс вернулся к машине.

Церковная колокольня в тумане. Ворона на дереве.

— Сашка! — крикнул Феликс.

Тишина. Феликс умылся у колонки.

— Прорвемся, — сказал он уверенно.

Сел на место водителя и завел мотор.

Александр и Риша шли от церкви к колонке, где оставили машину. Но машины на месте не было. У колонки стояла беженка с маленьким ребенком на руках. Александр обеспокоенно оглядывался. Женщина обратилась к ним на неизвестном языке. Похоже, она о чем-то просила их. Александр пояснял свои слова жестами.

— Стояла машина. Мужик на заднем сиденье. Спал. Машина — здесь. Где? Туда? Он туда поехал? Или туда?

Женщина что-то говорила. Кивала, просила. Александр хлопнул себя по карману.

— И мобильник в машине!

Риша протянула ему свой телефон. Он набрал номер.

— Здесь связь не берет, — сказал Александр и вернул ей телефон.

Риша тоже набрала номер. Тишина.

Они стояли на остановке... шли по дороге, уходящей в туман. Справа и слева был лес. Риша остановилась, посмотрела назад. Дорога позади ничуть не отличалась от дороги перед ними... Они стояли на развилке. Лесной перекресток. Четыре одинаковые дороги. Александр поворачивался к одной, другой, третьей...

— Сейчас я забуду, откуда мы пришли, — сказал он.

— Дайте руку, — сказала вдруг она.

Александр протянул ей руку. Она изучала линии на его ладони.

— Женщина, — улыбнулась Риша. — Она с вами давно.

— С самого детства, — сказал Александр.

Риша продолжала загадочно улыбаться.

— Теперь я все про вас знаю, — сказала Риша. — А вы про меня не знаете ничего.

— И что такого вы обо мне узнали?

— Ваше прошлое, ваше будущее. Всё!

— Это не очень интересно.

— А что интересно?

Он смотрел на ее губы.

Послышался звук мотора. По одной из дорог полз сельский автобус.

Они ехали в дребезжащем полупустом автобусе. Люди, которые были здесь, молчали. Александр смотрел на Ришу. Она смотрела в окно. Повернулась и встретилась с ним глазами. Александр снова посмотрел на ее губы. Риша улыбнулась.

— Для чего-то нужна была эта ситуация.

Ее глаза хитро поблескивали.

— Потом будете кому-нибудь рассказывать.

— Мне не поверят.

Риша отвернулась. Он захотел коснуться ее шеи. Повернул ее голову к себе и поцеловал. Риша снова отвернулась к окну, как будто ничего не было. На них смотрела старушка.

Был холодный закат. Они шли по городу, взявшись за руки. Александр громко говорил:

— Деньги в машине, документы в машине. Твоя сумка в машине.

— Я уверена, он ждет в гостинице. Почти пришли, — сказала Риша.

— В прошлый раз я, наверное, шел с другой стороны.

Они обошли угол дома. На парковке стояла машина Александра. Они подошли к машине. На переднем пассажирском сиденье лежала Ришина сумка-планшет. Риша посмотрела в ту сторону, откуда они пришли. Александр положил руку на ее плечо и развернул к себе. Теперь они смотрели друг другу в глаза.

— Александр, — сказала она.

Он взял ее за руку и повел к гостинице. Риша остановилась.

— Дома волнуются. Александр, я должна идти.
— Ждали и еще подождут.
— Нет.
Она высвободила руку.
— Возьмем ключи, я отвезу тебя.
— Здесь пешком ближе.
— Я провожу тебя. Сейчас поднимемся, возьмем ключи, сумку заберем...
— Мне не нужна сейчас сумка.
Риша приблизилась к нему — хотела поцеловать.
— Каменный мост знаешь? В полдень... Но только не завтра.
— В полдень?
Раздался резкий свист.
— Сашка!!!
Александр обернулся на крик и увидел счастливого Феликса в окне гостиницы на втором этаже.
— Я здесь!!!
...Риша завернула за угол, как будто ее и не было...

Александр зашел в номер. Горел свет. Две кровати, две тумбочки. На столе — открытая бутылка виски и фрукты.
— Отлично, — сказал Александр.
Он сделал шаг к столу, но перед ним вырос Феликс.
— Привет, — сказал Феликс.
— Привет, — сказал Александр.
По лицу Феликса пробежала судорога.
— Привет, — повторил Феликс и ударил Александра в глаз.
Александр сел мимо кровати на пол.
— Ты хорошо со мной пошутил, — сказал Феликс.
Александр усмехнулся. Феликс опустился на кровать напротив.
— Я чуть не тронулся — два часа по лесным дорогам, все одинаковое! Туман! Дети какие-то! Хорошая шутка.
— Я с тобой не шутил.
— А что это было?!
— Давай руку.
Феликс подумал и наконец дал Александру руку. Александр с его помощью поднялся.
— Где же ты был все это время?
Александр налил себе виски. Посмотрел на Феликса, и ему налил тоже.
— Все это время я ехал сюда. А где я, по-твоему, был?! Ключи, деньги, документы, телефон! Это я тебя должен в морду бить.
Александр выпил. Феликс смотрел на его бровь.
— Я тебя звал. Ты что, не слышал?
— Я был в церкви.
— Где?!
— В церкви!
— В какой церкви?!
— Осматривал церковь. Там полуразрушенная...
— Ты осматривал церковь?!
— Да.
— Ты осматривал церковь?!!
— Я подобрал девушку, она захотела посмотреть церковь. Мы вышли. Вернулись через десять минут. Тебя нет. — Александр потрогал бровь. — Связь не берет, транспорт не ходит.
— Это та кукушка — девушка?
Александр размахнулся, чтобы ударить Феликса в челюсть, но Феликс увернулся.
— Прости, — сказал Феликс. — У меня реакция хорошая.

Был солнечный теплый день. Ветер. Улица привела их на высокий берег. Отсюда открывалась панорама на город с его колокольнями, монастырями, синей лентой реки. Александр раскинул руки. Ветер хлопал парусиновой тканью его куртки. Александр посмотрел на Феликса: что скажешь? Феликс смотрел на его фингал.

— Здесь будем строить, — сказал Феликс.

Крайний дом на улице — старинный дом с мезонином. Ильина Гора, 27. Длинный забор, за которым сад. Напротив дома — лужайка, дерево. Калитка закрыта с той стороны. Звонка нет. Они дубасили в калитку. Заглядывали в окна. По улице шла соседка Машка, вела козу. Остановилась.

— Дома она, дома.

— Никто не открывает.

— Не нравится ей моя коза. Не паси козу под ее окном! Где пасти козу? Эта лужайка — это не ее лужайка. Это общая лужайка, принадлежит городу. Но она не дает мне здесь пасти козу!

Александр посмотрел на часы.

— Где каменный мост?

Машка показала: отсюда он был виден.

Темная вода качала водоросли. Пролетали машины. Александр стоял, перегнувшись через перила, и смотрел вниз. В монастыре, что был виден отсюда, звенели колокола. По мосту ехал старик рыбак. Он остановил велосипед. Стал спускаться с велосипедом по склону к реке.

— Батя! Здесь есть другой каменный мост?

Рыбак продолжал спускаться. Не услышал? Стало тихо. Далеко на колокольне часы брякнули один раз. Александр сел в машину. Ришина сумка-планшет лежала на соседнем сиденье. Александр завел мотор.

Звенели колокольчики. Кони. Коляски.

Среди деревьев парка перед собором — Юлька. Вела коня под уздцы. В седле сидел японец с фотоаппаратом. Александр догнал ее и пошел рядом.

— Здравствуй, Юлия. Ты помнишь меня?

Она посмотрела на него и ничего не ответила.

— Ты меня катала неделю назад. Был туман. Мы шли здесь и встретили женщину, ты с ней поздоровалась. Риша. Художница.

Юля посмотрела на него.

— Зачем она вам?

— У меня ее сумка.

Он показал, что на его плече — Ришина сумка.

— Где она живет?

— Давайте сумку, я передам.

— Я хочу сам передать.

— Так передайте.

— Как ее найти?

Юля не отвечала.

— Мы с ней договаривались встретиться, но она не пришла. Теперь я ее должен найти. Сумку передать, понимаешь?

— Так передайте.

— Дай мне ее адрес.

— Я вас первый раз вижу.

— Ей нужна эта сумка! Это ее сумка!

— Но она не пришла.

Александр остановился. Юля шла дальше, вела коня. Не оглядывалась.

Вечером пили в пустом зале ресторана — Александр, Феликс, Егор и Роман Васильевич. Роман Васильевич — в своей синей рубашке, при галстуке. Александр показывал Егору домик на карте.

— Дом с мезонином. Дерево напротив, на обрыве почти, старое дерево. Ильина Гора, 27.

— Наверное, старушка какая-нибудь. Роман Васильич, наведешь справки.

Роман Васильевич важно кивнул.

— Наливай, — сказал Егор.

Он хлопнул Романа Васильевича по плечу. Роман Васильевич как раз откусил от бутерброда; дожевывая, он встал и сурово разлил по рюмкам водку. Егор взял рюмку, посмотрел на Александра и сказал:

— Вот так. В зеленке. На Пандшере.

И выпил.

Александр встал. Роман Васильевич, насупившись, тоже встал, чтобы чокнуться с Александром, но Александр выпил не чокаясь. Феликс привстал и чокнулся с Романом Васильевичем.

— У вас один каменный мост? — спросил Александр.

— Один, — сказал Егор, закусывая. — Сейчас Роман Васильич даст тебе координаты. Будете завтра мимо ехать, завернете в Данилов. Там мои ребята работают, архитекторы. Они тебе сделают проект. Адрес участка им пока не говори. Денег сколько скажут, столько дай.

Роман Васильевич разболтанно — может быть, опьянел — достал из нагрудного кармана свою визитку и на обратной стороне нацарапал адрес.

На улице Ильина Гора выключили фонари. Ночь. Во всех домах спали, только в последнем доме светилось окошко. Ариадна Георгиевна сидела в кресле-качалке и вязала шарф.

Утром Александр и Феликс завтракали в столовой. Они сидели за столиком у окна. За соседним столиком местные мужики пили пиво и спорили.

— Напились и сами спалили.

— Сами не сами, а третий дом.

— Дом все-таки жалко. Всё дома-то какие горят!

— Он дорогу закатал в асфальт, и началось. Я вот слышал — не знаю, правда ли, нет — реку спускать собираются.

— Зачем?

— Чистить реку?

— Чистить! Землю — под участки.

— Что?!

— Чушь собачья.

Александр изучал визитку Романа Васильевича.

— Данилов, а дальше?

Феликс взял визитку.

— Др... Кр... Пр... Привокзальная? Наверное, Привокзальная. Дом 36, корпус 3. Если это, конечно, не восьмерка.

Он отложил визитку и продолжил завтракать.

И снова они стояли на Ильиной Горе под окнами дома номер 27.

Феликс сфотографировал дом. Александр курил. Роман Васильевич стучал в калитку. Калитка приоткрылась. Выглянула Ариадна Георгиевна.

— Здравствуйте, Ариадна Георгиевна, — улыбаясь, сказал Роман Васильевич. — Я Роман Васильевич, помощник мэра нашего, Зубова Егора Сергеевича, может, слышали о таком.

Ариадна Георгиевна ждала, что будет дальше.

— Мы пришли узнать, как вы поживаете, есть ли у вас какие-нибудь проблемы, неудобства. Вы — наше достояние, почетный гражданин нашего города, и мы, новое поколение... в лице...

— Спасибо, ни в чем не нуждаюсь, — сказала Ариадна и хотела закрыть калитку, но Роман Васильевич ловко перехватил дверь.

— Может быть, в дом войдем?

Ариадна Георгиевна вышла на улицу, закрыла калитку.

— Может быть, у вас есть какие-то пожелания? Вы живете одна, в большом доме, приходится ходить за водой, отопление у вас печное?

— Вы что, пришли дрова рубить?

— Произошло так, что ваш дом — не дом, а участок — занесен в новый кадастровый план. Это план развития города, утвержденный губернатором. Поэтому мы предлагаем вам хороший вариант переселения в удобную квартиру. С газом, отоплением, горячей и холодной водой.

— Этот дом построил мой дед. Я здесь родилась.

— Мы вам предлагаем два варианта. Первый — это на улице Советской двухкомнатная квартира. Второй — трехкомнатная, но в Новом Поселке, прямо напротив новой больницы. Зато трехкомнатная.

Ариадна вошла в калитку.

— Кроме того, вы можете продать ваш участок...

Она попыталась закрыть калитку, но Александр подставил ногу и калитка не закрывалась.

— Послушайте... — сказал Александр.

Ариадна в сердцах махнула на них рукой и пошла к дому. Александр пошел за ней.

— Ариадна Георгиевна! Я втрое заплачу, слышите? Назовите цену — я дам в три раза больше, и вы до конца дней будете жить припеваючи.

Ариадна взошла на крыльцо. Александр поднялся за ней на ступеньку. Ариадна резко повернулась к нему, хотела что-то сказать, но передумала. Зашла в дом и захлопнула дверь. Зазвенели замки. Александр пошел в ее сад. Здесь было очень красиво, начинали цвести вишни. Дом с этой стороны был нарядней благодаря окошку на втором этаже. Окно было оформлено под резной декоративный балкончик. На лужайке под яблоней были столик, скамейка, кресло-качалка. На кресле лежало вязание. Недавно здесь пили чай. Трое. Варенье в вазочках, сушки. На столе был еще детский рисунок с тремя котами и тремя домами, и детской рукой было подписано: «Дом кота», «Гараж кота», «Детский сад кота».

Накрапывал дождь. Они ехали в машине по городу. Александр был вне себя.

— ...И этот Роман Васильевич в синей рубашке!

— А я загорелся, — сказал Феликс.

— Егор сам не знает, чего хочет. Сидит себе бабушка в окошке, тут приходим мы...

— Заедем в Данилове к этим ребятам?

— Какие ребята?!

— Сам меня сюда притащил, а теперь...

— Тогда я не разобрался.

— Хорошее место. Сама идея хорошая.

— Хорошая — без меня, — сказал Александр.

— Без тебя ничего не будет.

— Не хочу я связываться с Егором.

— О как! Он же твой друг. Однополчанин.

— У него что-то перемкнуло.

— Нормальный мужик.

— И еще этот Роман Васильевич! Все эти местные жители, разговоры, это болото. Все какие-то пришибленные.

— Ты сегодня не с той ноги встал.

Они выехали из города и теперь проезжали вдоль пустой пешеходной дороги, которая вела к автовокзалу.

Риша? Женщина ее роста. В дождевом плаще. За спиной — рюкзак.

Александр чуть притормозил. Она обернулась. И встретилась с Александром глазами. Александр еще немножко проехал и остановился. Сидел задумавшись.

— Это что, та кукушка? — сказал Феликс.

Улыбающаяся Риша подбежала к машине. Уселась на заднее сиденье.

— В Данилов? — спросил Александр.

— В Данилов.

Они ехали молча. Риша смотрела в окно. Александр посмотрел в зеркало заднего вида. В это мгновение она повернулась от окна, посмотрела прямо в его глаза. Он стал смотреть на дорогу.

— Я вас ждала, — сказала Риша. — Вы забыли?

— Я не забыл.

— Из-за вас сегодня на автобус опоздала.

Александр посмотрел на часы: 13.30.

— Вы сейчас там были?

— Да.

— Вы дни перепутали. Вы сказали: завтра.

— Я сказала: только не завтра. Вообще-то я часто путаю дни, но в этот раз вы перепутали.

Александр посмотрел в зеркало заднего вида. Риша смотрела в его глаза. Улыбнулась.

— У вас моя сумка? — сказала Риша. — Она мне сегодня нужна.

— В багажнике.

— Хорошо, что мы встретились.

— А могли и не встретиться.

— Могли.

— Может, я сяду за руль, а то плетемся, — сказал Феликс.

Александр ударил по газам и выскочил на встречную полосу, обгоняя грузовик.

Перекресток. Направо — Москва, прямо — Данилов. Зажегся зеленый свет. Александр поехал прямо. Феликс посмотрел на Александра. Но ничего не сказал.

— Дальше, направо-налево? — спросил Александр.

— Прямо, — ответила Риша.

Машина остановилась в Данилове у кафе. Эта улица находилась недалеко от вокзала, были слышны поезда и голос диспетчера. Александр вышел из машины первым и открыл Рише дверцу. Риша вышла, закинула на спину рюкзак. Александр достал из багажника ее сумку-планшет и помог повесить на плечо.

Планшеты с планировками и фасадами, стеллажи с альбомами, папками, дисками, сувениры из далеких стран, экзотические цветы. Аквариум с черепахой.

Офис был ярко освещен, гудели лампы и компьютеры. У окна стояла Тамара, финдиректор. Роскошная загорелая женщина, только что из салона красоты, сорок лет. Она видела, как Риша вышла из машины и как Александр помог ей с сумкой. Риша что-то быстро сказала ему на ухо. Перешла дорогу и вошла в подъезд.

— Идет, — сказала Тамара.

За длинным столом Максим, главный архитектор, раскладывал-перекладывал огромные чертежи. Славик смотрел в монитор компьютера, как зомби. Зазвонил телефон. Тамара взяла трубку.

— Да, это я звонила. Еще подождать?! Мне что, заняться больше нечем?

— Больше нечем, — повторил Максим.

Открылась дверь, и вошла Риша.

— Привет!

Тамара кивнула, протянула ей конверт, бормоча:

— Сервис!

Риша убрала в сумку конверт, отдала Максиму папку. Максим листал ее чертежи.

— А это что? — спросил он.

Риша объяснила:

— Я перенесла выключатели, а лестница у нас сдвинулась на полметра.

— Да, — сказала Тамара в трубку, крутанулась на вертящемся кресле к окну. — Вы правильно поняли, ругаться насчет Египта. Спасибо, отель «Александр» — это помойка, я зашла на сайт и читала отзывы. Я же не первый день живу.

При имени Александр Риша опустила ресницы.

— Три звезды, четыре звезды, может быть, пять звезд, меня не волнует, меня волнует, чтобы, во-первых, условия были хорошие, то есть это значит — хорошие. Во-первых, во-вторых...

Феликс и Александр стояли на платформе у электрички. Феликс смотрел на Александра, Александр курил и смотрел в сторону.

— В офисе буду завтра в десять.

— Поезд-экспресс до Москвы отправляется, — сказала диспетчер.

— Ну всё, — сказал Александр, пожал Феликсу руку, при этом хлопнул его по плечу и собрался идти.

Феликс не отпускал руку Александра. Но так ничего и не сказал: тоже хлопнул его по плечу, отдал проводнице билет и вошел в поезд-экспресс.

Александр сидел в кафе у окна и курил. Мимо окна прошла по улице Риша. Она сразу увидела его сквозь стекло — как будто знала, что он сидит за этим окном и этим столиком. И улыбнулась. Она вошла в кафе, быстрым шагом подошла к его столику.

— Кофе?

— Нет.

Она смотрела на него. Он встал, надел куртку.

Они вышли на улицу, и Александр взял ее под руку. Он хотел было идти направо — там стояла его машина, но Риша потянула налево.

Они поднимались по длинной деревянной лестнице, которая казалась бесконечной. Потом — деревянный переход и новая лестница; еще и еще.

Это был самый красивый район Данилова: на холмах исторический центр, внизу вокзал. Александр был здесь впервые.

Потом они зашли в старый кирпичный дом, поднялись на второй этаж.

Пустая квартира с высокими потолками. Вид из окна окрыляет — небо во всю ширь, на горизонте река и лес, внизу игрушечная железная дорога и вокзал.

Риша смотрела в окно. Александр стоял за ней, обнимал ее и тоже смотрел в окно.

— Почему ничего нет? Ты здесь не живешь?

— Живу. Вот мой стол, а в той комнате матрас.

— Матрас? Это интересно.

Он смотрел на ее ухо. Ухо было похоже на раковину. Ему захотелось ее целовать. И он начал с уха.

...Они были раздеты, лежали на матрасе и целовались.

— Знаешь, кто та женщина? — спросил он.

— Какая женщина?

— Женщина, давно в моей жизни. Моя мама. А у тебя есть кто-нибудь?

— Давай не будем друг друга ни о чем спрашивать.

— Не будем?

Риша его целовала.

По саду ходили люди. Они измеряли расстояния — среди деревьев тянули оранжевые ленты. Женщина из администрации ругалась:

— Кадастровый план — это то, что уже есть. У нас на кадастровом плане обозначена гостиница.

— Это мой дом,— сказала Ариадна.

— Вам предлагали варианты. Один вариант — улица Советская, второй вариант — Новый Поселок. Можете дом продать и купить свое...

— Я отсюда — туда, — Ариадна показала в землю.

— Очень хорошо. Вы хотите войны. Вам будет. Вам отключат воду, вам отключат электроэнергию. Приедет трактор.

— За меня есть кому заступиться. Меня знают. Я — копала. Я...

— Зачем волноваться? Мы прекрасно знаем, кто вы. Копала она! Мы все про вас знаем. Вы не волнуйтесь. И действия наши в данном случае законны. Было голосование. Губернатор утверждал новый план развития города. Вы не волнуйтесь. Мы тоже люди.

— Я не вижу связи!

— Можно ведь по-хорошему. Мы хотим мира, вы хотите войны. Копала! Ничего. Увидите связь. Найдете. Мы тоже люди, работаем.

Риша, Ваня и Ариадна стояли на обрыве реки и смотрели на солнце. Солнце садилось в облако. Риша говорила:

— Не хочу его в своей жизни. Не хочу его видеть, не хочу о нем думать. Сюда приехала — и только сын, работа, этот город. То, что я люблю. Почему я должна терпеть хамство, кого-то воспитывать, перекраивать? Не хочу это чувствовать! Не хочу себя ненавидеть!

Мимо шла соседка Машка с козой. На козе звенел бубенец. Ариадна нахмурилась. Машка отвернулась.

— Здравствуйте, Марьильинишна! — сказала Риша.

— И коза! — воскликнул Ваня.

— Но я не могу сейчас уйти, бросить девочек, через год диплом. А его не переводят! Он уже семь лет приходит, уходит...

— Вот что, Риша, — сказала Ариадна, — приезжайте жить ко мне. Намаялись! Ютитесь в этом общежитии. Жизнь сама нас к этому привела.

— Нет, вы не поняли. Это в училище, студент один.

— Приезжайте! Будете за мной ухаживать. И дом на вас перепишу.

Ваня держал Ришу за руку и, насупившись, смотрел на солнце.

— Всем хорошо. И дом вам будет.

Ваня до боли сжал Ришину руку. Риша посмотрела на Ваню.

— Нет, Ариадна Георгиевна, — сказала Риша. — Нет, невозможно.

— Почему нет?

— Это определенные обязательства. Я не готова. И Ваня не привык. И...

— Да вы эгоистка!

— Ариадна Георгиевна, я рядом, я всегда во всем помогу! Но мы же не сможем постоянно жить вместе. Может быть, Юлия?

— Что мне эта Юлия? Кто она мне? Зачем?

Ариадна громко и сердито шмыгнула носом. И пошла к дому.

— Ариадна Георгиевна! — крикнула ей вслед Риша.

Но Ариадна шла, не оглядываясь.

Ариадна стучала в магазине палкой.

— Хочу лососевую икру! Вы мне сначала дали лососевую икру! Так давайте ее! Сюда, сюда!

Растерянная молоденькая продавщица стояла, заломив руки. Толстая и добрая продавщица держала в руках небольшую стеклянную баночку с икрой и низким голосом уговаривала:

— Я вам говорю, это просроченная икра. Вы же ее откроете и обратно принесете!

— Она мне дала ее!

— Я не знала! — всхлипнула молоденькая продавщица.

— Девочка два дня работает. Я икру отложила — на склад! Это пропавшая! Есть щуки икра, диетическая...

— Не надо мне щуки! Сюда, сюда! Эту!

— На днях привезут... Мы открыли... И я отложила...

— Это вы для себя отложили! — кричала Ариадна. — Хапуга!

— Я?!

— Она мне дала эту баночку! Деньги! Деньги!

Ариадна размахивала деньгами.

— Вы мне ее назад принесете, — сказала добрая толстая продавщица. — Пожалуйста.

Она поставила баночку на прилавок. Ариадна бросила на блюдце деньги, взяла икру и пошла, стуча палкой.

Ариадна открыла баночку. Зачерпнула икру чайной ложкой и отправила ее в рот. Подержала во рту. Проглотила. Запила чаем. Еще зачерпнула. Громко шмыгнула носом.

...Выгребала икру из баночки — в помойное ведро... Мыла баночку. Мыла-мыла, мыла-мыла. Вытирала-вытирала. Как грохнет об пол!.. Подметала осколки... Лежала на кровати. Отвернулась набок, к стене.

На лестничной площадке в училище Вера Ивановна курила у окна. Риша стояла рядом, прислонившись к стене. Кто-то в актовом зале играл на фоно.

За окном на лужайке паслись два коня — черный и белый. Юлия их чистила, Ваня помогал ей.

— Она обиделась, — сказала Риша. — Я заикнулась о Юлии...

Вера Ивановна засмеялась.

— Значит, один черный и хромой, другой белый и слепой, — сказала Риша.

— Три года деньги копила, хотела скакать по лугам, по полям... Коня себе в питомнике присмотрела — ездила туда. И тут этот белый. Эх ты, говорю, Юлия, ну что же ты, говорю... Ты едешь в Данилов сегодня?

— Вы за Ваней посмотрите?

Ваня как будто услышал ее: тотчас обернулся, встретил ее взгляд. На лестницу из актового зала выглянула девочка.

— Вера Ивановна, все уже ждут.

Вера Ивановна крикнула в окно:

— Юлия! Петь пошли! Все уже ждут, тебя только не хватает!

От корзинки вверх тянулась нить. Ариадна вязала у окна в гостиной. Гостиную освещала лампа — абажур на длинном шнуре, низко над обеденным столом. Ариадна покачивалась в кресле. В окне горел закат. Если бы она посмотрела в окно... За окном — напротив дома — на столб забирался мужик-электрик. Кусачки перещелкнули провод. Лампа над столом погасла. Ариадна продолжала вязать, покачиваясь в кресле. Она не заметила. Ее освещал закатный свет из окна. Мужик-электрик осторожно спускался на землю.

Машина Александра летела по трассе. Указатель: «Данилов. Центр».

Александр проехал по главной улице, повернул в переулки... Кафе, где они встретились с Ришей. Напротив — дом. Привокзальная, 36, корпус 3. Александр перешел дорогу, вошел в подъезд...

В архитектурном бюро — в том самом, где работала Риша, — сидели за столом переговоров — за длинным столом — Александр и Тамара. Ели вишню из прозрачного блюда и громко, с удовольствием торговались.

— За эскизный проект — десять тысяч? Десять?

Тамара честными глазами улыбалась.

— А как вы думали?

— Я думал — пять. Ну восемь.

— Десять тысяч. Минимум.

— За один только эскизный проект! Да я сам все придумаю!

— Вы придумаете, мы воплотим. Эскизный проект, рабочий проект, — Тамара загибала пальцы, — инженерные листы...

— Вы меня по миру пустите!

— Всё вместе — двадцать пять. Ми-ни-мум.

Тамара, как дама из рекламы, съела вишню.

— На ветеранов скидки распространяются?

— Вы ветеран?

— Я ветеран.

— С вами не соскучишься.

— Пусть не двадцать пять — пусть двадцать!

Максим подошел к ним и с интересом следил за разговором.

— Пусть двадцать пять!

— Пусть двадцать три!

— Пусть двадцать пять!

Риша сидела за столом в квартире в Данилове у открытого окна, из которого неслись привокзальные звуки. Набирала на ноутбуке текст рукописи, бормотала: «Шиферное пряслице... С внешней стороны южного угла центрального сруба... был обнаружен череп лошади. Он лежал затылком к углу сруба, мордой — к северу... Языческое представление... представление о необходимости приносить жертву при сооружении всякой постройки, чтобы обеспечить ей прочность, охранить ее и строителей от злых духов...»

Посмотрела на время: 19.02. Быстро убрала рукопись в стол. Эта рукопись была напечатана на машинке. На титульном листе значилось: «Торчина А.Г. Материалы археологической экспедиции 1968». Из ящика стола Риша достала свою папку — эскизы, планы домов, рисунки. Перекладывала их, спешно что-то искала. Прислушалась. Через мгновение послышался звук: кто-то вставил ключ в дверной замок. Риша выключила ноутбук, убрала папку в ящик стола... Ключ два раза повернулся в замке. Открылась входная дверь. Риша уже ждала его в коридоре. Улыбалась. Вошел Александр. Поставил на пол сумку с продуктами. Риша его обняла. Он хотел что-то сказать, но Риша его поцеловала. Он снова хотел что-то сказать, но Риша снова поцеловала его.

На полу были оставлены два бокала, бутылка вина, блюдо с фруктами, пепельница, чашки, чайники... Риша и Александр лежали на матрасе в пустой комнате, при открытом окне. Александр спал. Риша смотрела на лицо — спокойное, открытое — и думала о том, что когда-то он был маленьким мальчиком и его мама часами смотрела на это лицо. Риша положила голову ему на грудь. Стучало сердце. Закрыла глаза.

Каменистый берег. Вода уходит и возвращается, тихо отступая. Отлив. На открывающемся дне камни, ракушки, водоросли, мидии, улитки. Риша и Ваня бродили по берегу босиком и были счастливы. Ваня в поисках мидий и плоских камней, которые можно лепешками запускать в море. Риша разыскивала мелкие камешки и ракушки — собирала их в банку. Среди всего прочего была найдена крупная закрученная ракушка. Она была похожа на ухо.

— Я узнал тебя по уху, — сказал мужской голос.

Его пальцы скользили по завиткам ее уха. Она смотрела на него и любила его.

— Узнал по уху, — повторил он.

Риша стояла, приникнув лбом к холодному стеклу. Так можно было разглядеть очертания предметов в комнате. Ариадны в комнате не было, если только она не лежала на кровати — отсюда всю кровать не было видно, только спинку. Риша подошла к другому окну и громко постучала. Ваня залез на выступ

фундамента и тоже заглянул в окно. Риша дернула ручку калитки. Калитка была заперта изнутри.

— Она дома, — сказала Риша.

Ариадна лежала в кровати. В окно стучали. Ариадна закрыла глаза.

Риша перелезла через забор и спрыгнула в сад.

— Мама, открой, я тоже! — забеспокоился из-за забора Ваня.

— Стой там, я схожу посмотрю.

— Мама!

Темно. Ариадна лежала, не шевелилась. Вдруг послышался шум. Где-то в доме открылась дверь. Упало железное ведро. Шаги. Открылась дверь комнаты. На пороге стояла Риша с горящей спичкой в руке.

— Ариадна Георгиевна, — тревожно позвала Риша.

Спичка погасла. Ариадна Георгиевна шмыгнула носом. В темноте Риша спросила:

— Вы лежите?

— Лежу.

Риша села на ее кровать. Зажгла новую спичку.

— У вас холодно. Пробки выбило — света нет? Я принесла хлеб, молоко и вашу статью — набрала на компьютере, распечатала. Ваня там ждет, я дверь открою. Вы нас испугали!

Ариадна Георгиевна шмыгнула носом.

— И давно вы лежите?

— Я времени не считаю.

В маленькой комнате на столе горела свеча. Риша и Ваня стелили постель. Это была комната в мезонине, на втором этаже, под крышей. Окно — с французским балконом. Риша сидела на краешке кровати. Ваня разделся, лег. Риша укрыла его, поцеловала и ушла. Ваня смотрел на свечку. На стенах шатались тени. Вдруг по крыше: стук! И — топ-топ-топ-топ-топ! Ваня сел на кровати. Стучало сердечко. Снова: бум! Тук-тук-тук-тук. В свечке щелкнуло, метнулось пламя.

— Мам! — пронзительно крикнул Ваня.

Через несколько секунд Риша открыла дверь.

— Сударь Кот! Ты же ночевал здесь.

— Я здесь не спал, я внизу спал. По крыше кто-то ходит!

Риша села на кровать.

Была ночь. При свете керосиновой лампы Риша растирала Ариадне Георгиевне спину. Ариадна улыбалась.

— Мы так теперь заживем! — сказала Ариадна.

Они пили чай в саду. Был серый день. Белые цветы с вишен и яблонь облетали. Ариадна вязала. Ваня рисовал дом с тысячей котов. Риша рисовала эскиз гостиницы. Ариадна ворчала:

— Ты очень удобно хочешь устроиться. Что тебе не нравится, на то ты закрываешь глаза. Просто отворачиваешься. «Исключаешь из пространства своей жизни». Это такая разновидность недеяния, которая хуже всего.

Риша выглядела уставшей.

— Вы совершенно правы.

— Вот и сейчас ты со мной соглашаешься — потому что тебе не хочется спорить. А сама все равно думаешь свои мысли!

— У меня нет мыслей.

— Ну конечно, Лао-цзы!

— Если я не хочу войны — как я могу ей противостоять? Я же понимаю, что война все равно будет, а если я не хочу воевать — воевать, сопротивляться, бороться, преодолевать — и воевать против войны...

— А где кофемолка? Я опять ее не нашла.

— Там же, где и всегда.

— А я ее не нашла!

— Сударь Кот, принеси Ариадне Георгиевне кофемолку.

— Ну и что ты там про войну?

— Если я не хочу воевать, если я хочу, чтобы все было соразмерно, гармонично... — продолжала Риша. — С каждым днем я себя чувствую все глупее.

Ариадна насмешливо шмыгнула носом.

— Я не хочу сопротивляться, — бубнила Риша. — Не хочу грубости, не хочу терпеть... Может быть, надо говорить о том, что я хочу?

— Я знаю, что я хочу! Кофе хочу. Пойду, сварю себе кофе, — сказала Ариадна, встала с кресла и пошла медленно к дому. Остановилась. — Или ты, может быть, сваришь?

— Мне надо это рисовать, а я не могу.

— Значит, бросай. Все эти твои гостиницы! Есть профессии, они связаны с благосостоянием. Вроде бы благородные профессии, но есть в них такой привкус... Когда немножко не туда. И все переворачивается. Ну, ты понимаешь.

— Вообще перестала вас понимать.

— Поэтому у тебя и не получается. А ты — художник. И будь им! Зачем тебе эти гостиницы? Тьфу!

Риша взяла новый листок. И начала рисовать сад, вдалеке — дом, дом с мезонином, окошко — французский балкон. Дом Ариадны Георгиевны. Приставная лестница — к балкону.

— Я купила краску покрасить французский балкон, — сказала Риша.

— Или не пить кофе, а то сердце выпрыгнет, — сказала Ариадна.

Риша молчала.

— Риша, мне пить кофе или не пить?

Риша рисовала и не отвечала.

Риша сидела на балконе — в общежитии. Пила чай. У себя дома, как в гостях. Напротив — на месте Веры Ивановны — сидела старушка. Это Ольга Денисовна, бабушка Светы, ученицы Веры Ивановны.

— Берите конфеты, печенье, — угощала Ольга Денисовна.

Риша удивленно подняла брови.

Из комнаты Веры Ивановны доносились звуки ноктюрна.

Вера Ивановна и девочка Света сидели за фортепьяно и играли в четыре руки.

Риша поставила на стол пустую чашку.

— Еще чаю налить?

— Сколько они уже занимаются? — спросила Риша нетерпеливо.

— Уже больше часа. А в вашей комнате, значит, теперь Юлия живет.

— Почему? Мы живем. Юлия — просто ночует.

— Риша, вы ведь знаете нашего главного архитектора.

— Сергея Евгеньевича?

— У меня есть покупатель — хочет купить мой участок. Уговаривает, деньги большие предлагает. Я не хочу продавать. А вчера пришли ко мне из администрации. Говорят, какой-то новый план развития города. Что нас переселяют, а здесь будет по кадастровому плану гостиница.

— Это очень странно. По меньшей мере, странно. А вообще-то это бред.

— Я тоже думаю, странно. Я не хочу уезжать. Это же мой дом.

— Хорошо, я узнаю. Веру Ивановну не дождусь сегодня. Уже опаздываю.

Риша перелезла через балконную ограду.

— Что Вере Ивановне передать? Зачем вы приходили?..

Риша ехала в автобусе. Вид у нее был потерянный. За окном поля, леса...

Данилов. На одной стороне улицы сидела черная дворняга, на другой — белая. Черная хотела перейти к белой, но из-за машин все никак не решалась ступить на дорогу. Риша стояла посреди людского потока. Прохожие ее толкали. Она стояла и смотрела на дворняг, на машины, пока черная дворняга не перебежала на другую сторону. Риша пошла дальше.

Улица Привокзальная. Архитектурное бюро. Риша вошла в подъезд. Поднялась по лестнице.

Максим, Тамара и сама Риша смотрели ее эскизы. Максим кивал: неплохо. Тамара, из-за плеча Максима, спросила:

— А это что такое?

На эскизе был изображен домик, похожий на дом Ариадны, — с мезонином и французским балконом. Риша даже нарисовала приставную лесенку к балкону, как это было в саду Ариадны.

— Это французский балкон, — сказал Максим.

— Я знаю, что такое французский балкон! — возмутилась Тамара. — Зачем он здесь?

— Это ведь небольшой старый город. Суздаль, Ростов?

— Правильно.

— В старинном стиле. Французский балкон.

— В старинном стиле, но все-таки это современное, это для нормальных людей.

— Французский балкон для ненормальных?

— Но это украшательство, это все лишнее, это ненужные сейчас вещи.

Вмешался Максим.

— Почему? Вполне. Нормально.

— Что нормально? Я говорю: заказчик вас не поймет!

— Он даже не заметит.

— Я тебе говорю, как лучше. Пусть здесь будет просто окно!

Максим подмигнул Рише.

— Надо же ей тоже как-то поучаствовать!

— Поучаствовать?! Мне разговаривать с заказчиком! Или ты будешь переговоры вести?

— Тамара, спокойно. Успокойся. Расслабься. По телефону поговори.

— Что-то случилось? — спросила Риша.

— Заказчик сегодня платит деньги! Ты это понимаешь?!

Риша вышла на лестницу вместе со Славиком. Славик закурил.

— У Тамары плохое настроение, — сказал он.

Риша улыбнулась.

— Пока.

— Пока.

Вышла из бюро. Прошла по улице, свернула в переулки.

У подъезда бюро остановилась машина Александра.

Александр и Феликс поднялись по лестнице. Славик как раз докурил сигарету и вместе с ними вернулся в офис.

Феликс и Александр рассматривали эскизы.

— Ну как? — спросила Тамара.

— Скромненько, — сказал Феликс. — Я бы даже сказал, уныло. Я думал, все-таки что-нибудь оригинальное, чтобы привлекало внимание. Чтобы все видели: это гостиница!

Александр показал Максиму один эскиз.

— Это что за окошко?

Максим смутился.

— Это декоративный балкон, французский балкон. В старинном стиле.

Тамара засмеялась.

— Что смешного? — насторожился Александр.

— Просто Максим только что меня уверял, что вы не обратите внимание на эту деталь.

— Я бы и не обратил. Но я видел точь-в-точь такое же окошко.

— Вам оно нравится? — спросила Тамара.

Александр пожал плечами.

— Во-первых, — сказала Тамара, — это нефункционально. Я считаю, что это вычурно, это кич. Это аляповато.

— Это дело вкуса, — сказал Максим.

— Насколько я вижу, у Александра со вкусом все в порядке.

— Я не понимаю, о чем вы вообще говорите?! — воскликнул Феликс. — У вас все эти рисунки одинаковые. Только здесь есть этот балкон, здесь нет этого балкона. Здесь вообще какая-то усадьба! Такое чувство, что вы просто хотите впарить первое что-нибудь и нашли этот бедный балкон — на пустом месте. Мы говорили о бассейне, где здесь бассейн? Домик, деревья, птички, только облака забыли нарисовать.

— Внутри — бассейн, — сказала Тамара. — Или вы хотели под открытым небом бассейн, как в Италии?

— Что в Италии? — спросил Александр.

— Но почему у вас фантазия не работает? — заводился Феликс. — Сейчас как раз надо предлагать что-то! Я вам предлагаю дом-корабль. С мачтой. Или гостиница-маяк. Мы же на берегу реки! А вы предлагаете эти домики! Я и сам могу такой домик нарисовать!

Феликс нацарапал домик и дым из трубы, а рядом с домиком кривого человечка.

— Я не хочу дом-корабль, — сказал Александр.

— Он не знает, чего он хочет! — рассмеялся Феликс.

— Сейчас главное, — улыбнулась Тамара, — согласовать. То есть чтобы их там устроило, чтобы нам все согласовали. А потом можно строить, как хотите. Можно и дом-корабль, можно подземный дворец... Никто уже потом ничего не докажет. Вы видели, какие там комплексы строят за заборами?

— С согласованием проблем не будет, — сказал Феликс. — Это ведь зависит от Егора. От мэра.

— Конечно.

— Пока остановимся на этом, — сказал Александр и ткнул в домик с французским балконом.

Он достал из нагрудного кармана белый конверт, передал его Тамаре. Феликс пожал плечами.

— Адрес участка будем вписывать? — спросил Максим.

На планах, чертежах — в правом нижнем углу — таблица: адрес участка, имя архитектора... Тополева И.А.

— А почему мы до сих пор не встретились с этой Тополевой? — спросил Александр. — Было бы неплохо с ней уже познакомиться. Обсудить. Детали.

— Вы же знакомы, — сказала удивленно Тамара.

— Когда?

— Я вас видела в окно. Вы ее на работу привезли. Я тогда обратила внимание на вашу машину. Тополева. Риша.

Александр смотрел на Тамару.

Ариадна пила у окна кофе. Смотрела на улицу и не видела ничего.

Пейзаж в окне: обрыв, старое дерево и веревочные качели. Ваня на качелях.

— Ваня! — крикнула она. — Ты где?

— Я на качелях!

Ариадна, улыбаясь, вышла на крыльцо. Жмурилась на солнышке. Где-то что-то волшебно позвякивало. Она прошла по тропинке к калитке. Вытянула руку, чтобы открыть калитку, и поняла, что калитка уже открыта. Вдруг за спиной она услышала хруст ломаемых веток. И снова — позвякивание бубен-

ца. Ариадна, как зачарованная, пошла на звук, вытянув руки. По саду гуляла Машкина коза. Она объедала листья и кору на деревьях.

— Кыш! Кыш!

Слепая Ариадна начала выгонять вредную козу из сада, но сделать это оказалось непросто. Коза убегала, увертывалась, как будто издевалась над Ариадной.

Засмеялся Ваня. Звонко, весело. Ариадна бегала за козой и кричала: «Кыш, кыш!», а он смеялся. Со стороны действительно было смешно наблюдать за Ариадной, в то время как она сама чуть не плакала.

— Ванька! — страшно закричала она. — Да что же это?!

Ваня съежился, сжался и побежал ловить козу.

— Ты нарочно! — кричала Ариадна. — Ты это сделал специально!

Ваня бормотал:

— Коза, коза, хорошая, уходи, уходи!

— Коза-коза-хорошая?! Хорошая?

Ваня поймал козу за рога и теперь старался вести ее к калитке, но коза уворачивалась, упиралась, отпрыгивала. Кое-как удалось ее вывести.

Мансарда — второй этаж, комната с французским балконом. Ваня стоял перед Ариадной и волчонком смотрел на нее.

— Будешь здесь сидеть, наказанный, пока мама не вернется!

— Я не наказанный! Я не виноват!

— Ты козу запустил!

— Я нечаянно!

— Еще смеялся! Пороть тебя, как сидорову козу! Я ей расскажу — она тебя выпорет! Хворостиной, ремнем!

— Мама не такая!

— Поговори у меня! Разбаловала тебя вконец!

— Я тоже маме все расскажу!

— Вот и сиди здесь, наказанный!

И Ариадна захлопнула дверь. Закрыла ее на ключ, а ключ положила в карман кофты.

Риша вошла в даниловскую квартиру. Открыла окно в комнате. Забралась в душ.

По лестнице с сумкой продуктов поднимался Александр. Позвонил в дверь. У соседей был праздник. За их дверью играла музыка и слышался неприятный женский смех. Александр еще позвонил. Постучал. Звуки за соседней дверью его раздражали. О чем-то напоминали ему. Александр ударил в Ришину дверь ногой. Еще и еще раз. Тишина.

Он разбежался и вышиб дверь плечом. Дверь осталась висеть на одной петле.

В квартире — привокзальные звуки, в душе шумит вода. Слышен голос Риши: она что-то напевает.

Александр резко отдернул шуршащую занавеску. Риша — она стояла под струей воды — открыла глаза и вскрикнула. Александр холодно ее рассматривал.

— Ты что? — сказала Риша.

Александр вышел из ванной, оставив открытой дверь.

...Он сидел на кухне и пожирал курицу-гриль.

Риша выглянула из ванной. Она завернулась в полотенце, как в платье. Увидела входную дверь, висящую на одной петле... Уже полностью одетая, вошла на кухню. Полотенцем сушила волосы.

— Зачем оделась? — спросил Александр.

— Чинить дверь.

— Я стучал, звонил. Долго.

— Я не слышала, как ты стучал.

— Я так стучал, что нельзя было не услышать.
— Где твой ключ?
— Потерял.
Риша смотрела в окно.
— Я сюда летел через все светофоры. Как мальчишка.

Ариадна, раскачиваясь, сидела в кресле-качалке и зло смотрела перед собой. Положила руку на сердце. Поморщилась.

— Кофе, кофе, кофе, кофе, — пробормотала сквозь зубы она.

...На кухне в шкафу искала сердечные капли. Уронила, рассыпала по полу склянки, пузырьки. Медленно поднялась по лестнице на второй этаж. Громко шмыгнула носом. Отперла дверь. Вошла на мансарду.

— Ну что, подумал? — строго спросила она.

Никто ей не ответил.

— Ваня!

Тишина. Ариадна достала из кармана кофты очки и стала разглядывать комнату. Размытые, искаженные очертания предметов...

— Сударь Кот, у меня сердце. Не прячься, я не шучу.

На столе что-то белело. Листок. Ариадна поднесла его к самому носу. На листке было Ваней написано: «Ариадна Георгиевна, ты дура!» Окно было открыто. Из окна в сад вела приставная лестница...

На кухне в даниловской квартире Риша и Александр бешено целовались и срывали друг с друга одежду.

Из соседней квартиры кто-то вышел и сбежал по лестнице. Хлопнула уличная дверь.

— Дверь, — сказала Риша.

— Отлично.

Они упали на пол и не слышали, что у Риши зазвонил мобильник. Он звонил и звонил. Риша взяла наконец трубку. Она не сразу поняла, что ей говорила Ариадна. Полуодетая, она сидела на полу. Александр лежал, закинув руки за голову. Он закурил.

— Только без паники, — сказала Риша в трубку. — Я сейчас выхожу. (*Александру.*) Отвезешь меня в Старый город?

— Дверь надо починить.

Риша ехала в полупустом и полутемном автобусе. Когда автобус въехал в Старый город, лицо Риши освещали пролетающие в окне фонари.

Ваня — в пижаме — сидел на кровати. В их комнате, в общежитии. Лицо его было серьезно. Риша сидела рядом и говорила, как будто отчитывая:

— Ты не запускал козу в сад. И ты случайно забыл закрыть калитку. Она на тебя кричала. Она тебя заперла. Но ты не должен был называть ее дурой. Ты должен был ждать меня. Она же старый человек. У нее сердце. Ты понимаешь?

— Я понял.

— Что же ты понял?

— Я понял, что Ариадна Георгиевна еще и ябеда.

Риша обняла его. Вышла на балкон.

На балконе в гробовой тишине Юлия и Вера Ивановна пили чай. Два коня паслись, стреноженные — черный и белый. Риша села на свое место в углу. Вера Ивановна налила ей чай. Риша набрала на мобильном телефоне номер. Шли длинные гудки.

— Я уже была у нее. И была в аптеке. И все успокоилось, — сказала Вера Ивановна.

— Ариадна Георгиевна, это Риша. Я звоню пожелать вам спокойной ночи. Нет, не вернемся. Да, зайду. Завтра зайду.

...Риша пила чай.

— Я от этого бежала из Петербурга, — сказала Риша.

— От проблем? — спросила Юлия и строго посмотрела на Ришу.

— От родителей. От своих родителей и от Ваниного отца.

Вера Ивановна закурила. Юлька тоже.

— Мы с ним познакомились, когда мне было семнадцать лет. Он был старше, умнее, сильнее. Очень умный. И сильный. У него была семья, а я была рядом. Я им болела. Это продолжалось тринадцать лет.

— А у него жена? — строго спросила Юлия.

— Он сказал, что пока мы вместе, у нас не будет детей. Ему было достаточно тех детей, которые у него уже были...

— Я все ждала, когда ты о нем расскажешь, — сказала Вера Ивановна.

— Это все так неинтересно.

— А потом? — спросила Вера Ивановна.

— Потом я родила себе Ваню. И сбежала. Даже сейчас иногда вдруг нахожу в себе его жесты, мысли. Интересно смотреть на мир своими глазами и слушать своими ушами. Осязать, обонять. Больше никого не хотела пускать.

— Значит, ты его еще любишь? — спросила Вера Ивановна.

— Ну ничего, зато у тебя есть ради кого жить, — сказала Юлия.

— А ты бы хотела найти родителей? — спросила Юлию Вера Ивановна.

— Нет, — сказала Юлия.

Риша встала, убрала посуду, тихо напевая:

— «Мне бы вымолвить, проговорить... Чтобы ты... в первый день на Земле...»

В даниловской квартире Александр вкрутил последний шуруп в дверную коробку. Проверил, хорошо ли открывается и закрывается дверь, работает ли замок. Убрал в ящик отвертки, плоскогубцы, молоток. Вернул соседу — в ту самую квартиру, в которой были праздник-музыка, — ящик с инструментами.

В Ришиной комнате Александр попытался открыть ящик письменного стола, но у него ничего не получилось. Он сильнее дернул ручку, сорвался замок, и ящик с треском выдвинулся. Здесь были Ришины бумаги: рисунки, чертежи. Александр улыбался: некоторые из них были ему уже знакомы. Рукопись Ариадны Георгиевны «Материалы экспедиции 1968» и рисунок Вани с котами.

— Так-так, — сказал Александр, — дом кота, детский сад кота и гараж кота.

Во втором ящике был Ришин ноутбук. Александр включил его.

Студентки рисовали. Риша в глубокой задумчивости стояла у окна, спиной к классу. Тихо, тревожно звенели стекла на люстре. Кто-то открыл дверь.

— Закройте дверь, — сказала модель.

Дверь не закрывали; высокий голос студентки повторил:

— Закройте, пожалуйста, дверь.

Карина резко спросила:

— Мужчина, вам кого?

Риша обернулась и увидела на пороге Александра.

...Они стояли в длинном коридоре.

— Найти меня было просто, — сказала Риша.

— Элементарно.

— Я как раз думала о тебе.

— Хотел посмотреть на тебя при свете дня. А то все туман или ночь.

— Смотри, — улыбнулась-нахмурилась Риша.

— Ты здесь работаешь?

— Да.

— Кроме того, ты еще и архитектор.

— Да.

— Редкий в наши дни архитектор, который умеет рисовать руками.

— Да.

— Мне весь этот месяц нужен был архитектор. Я строю у вас гостиницу.

— Ну и что.

— Мне и сейчас нужен архитектор.

— Ну и что. Что еще тебе про меня наболтали?

— Мне интересно, что ты сама о себе расскажешь.

— Живу в общежитии. От училища. Вот уже пять лет, с тех пор как мы с сыном сюда приехали. Из Питера. Там у меня родители. Мне тридцать шесть лет. Сыну шесть лет. Мужа нет. Сына зовут Ваня. А меня зовут Ирина Андреевна.

— Тополева.

— Все правильно. А сейчас мне надо идти на урок.

— Иди.

— Я вчера уже поняла, что все кончено. Зачем ты приехал?

— Ты думала, ради тебя?

Риша удивленно подняла брови.

— У меня здесь свои дела. Я строю гостиницу. Но это тебе неинтересно.

Она отвернулась и хотела войти в класс. Медлила открывать дверь.

— Уходи.

— Мы больше не увидимся? — спросил он.

— Думаю, нет.

Риша уткнулась лбом в дверь. Александр накрыл ее руку своей ладонью и крепко сжал. Она быстро повернулась к нему и обняла его. Александр взял ее голову в ладони и посмотрел в глаза. Поцеловал. Послышались чьи-то шаги. Риша выбралась из объятий Александра и потянула его за собой.

Они бежали по длинному коридору, Риша тянула Александра за руку... Они сбежали по крутой лестнице. На площадке у окна, где всегда курила Вера Ивановна, теперь курили живописец Пал Саныч и Килин. В руках Пал Саныча была фляжка. Он как раз передавал ее Килину через ступеньки и загородил рукой проход...

— Здравствуйте, Ирина Андреевна, — сказал Килин.

Риша и Александр кое-как их миновали и понеслись по лестнице вниз. Еще пролет. Еще пролет. Еще...

Они ввалились в Ришину комнату в общежитии. Было темно, потому что шторы были задернуты. Сквозь щель проникал только один солнечный луч. Из соседней комнаты слышались грустные звуки ноктюрна. Вера Ивановна занималась с ученицей. Они играли в четыре руки. Александр и Риша целовались и упали на кровать. Ничего не слышали. Даже то, что громко скрипит кровать. Потом в их комнате стало тихо, а за стеной всё разучивали ноктюрн. На балконе кто-то шмыгнул носом.

— Кто там? — удивился Александр.

— Судя по всему, Ариадна.

— Кто?

— Ариадна Георгиевна. Археолог. Моя подруга.

— Что она делает на твоем балконе?

— Наверное, меня ждет. Я не хочу ее сейчас видеть.

— Тут такая слышимость хорошая.

Из кухни через открытую балконную дверь были видны балкон, столик. Ариадна сидела за столиком с чашкой чая.

Риша поправила волосы и переступила порог.

На шорох Ариадна повернула голову. В ее глазах было отчаяние. У Риши сжалось сердце.

— Риша?

Ариадна смотрела мимо Риши слепыми глазами.

— Что случилось?

— Ришенька, я виновата! Ванечка не виноват! Они трактором снесли ползабора!

— Кто?

— Мужики! Конечно, взрослые мужики — ребенку такое не под силу! Проломили забор в конце сада, в самом конце, коза и вошла! Не через калитку, нет!

— Какие мужики?

— Я так рада, что Ванечка ни при чем! И во всем была не права, я сама себя не узнавала!

Ариадна Георгиевна простерла руки туда, где, как она думала, находится Риша, но Риша стояла сбоку, и жест Ариадны был обращен в пустоту. Риша взяла ее руку. Села на корточки. Рассматривала ее руку в венах, в морщинах.

— Девочка, — сказала Ариадна. Нежно гладила ее по голове. — Ты помнишь, как мы гуляли по лугу, собирали полынь?

— В сентябре.

— Был такой день, и ветер, такой был особенный день.

— Я перед вами виновата, — сказала Риша.

Ее глаза блестели от слез.

— Мы ведь не знаем всех обстоятельств, — сказала Ариадна. — Мы каждый со своей колокольни смотрим, вглядываемся в пространство, а вокруг туман, потом солнце выходит, и все то же самое, что и было, но только при новом освещении все наполняется новым смыслом, настоящим смыслом, но кто знает, какой смысл настоящий и последний, помнишь, как мы тогда говорили, тогда было все по существу, потому что не было времени на остальное, нам надо с тобой говорить, Риша, как тогда, и говорить, и читать стихи, и говорить красивые слова, и тогда мы будем друг к другу милосердными и будем друг друга слышать...

Щелкнула зажигалка. На пороге стоял Александр. Он закурил. Ариадна повернулась в его сторону.

— Познакомьтесь, — сказала Риша, вставая. Ариадна продолжала держать Ришу за руку. — Это Ариадна Георгиевна. Археолог, ученый с мировым именем.

— Ну что вы, Риша, — возмутилась Ариадна и, приосанившись, величественно смотрела в сторону Александра.

— Это мой друг, Александр, из Москвы.

Александр взял свободную руку Риши и начал перебирать ее пальцы. Ришины пальцы ответили, но ей было неудобно так стоять — Александр тянул в свою сторону, Ариадна — в свою, потому что тоже не отпускала Ришину руку.

— Очень приятно, Александр, — сказала Ариадна. — Чем вы занимаетесь?

— Я занимаюсь страховым бизнесом.

— Батюшки! — испугалась Ариадна. — Да как же вы познакомились?

Александр за руку тянул Ришу к себе и, наклонившись к ее шее, укусил Ришу за ухо. Ариадна смотрела прямо на них.

— Может быть, ты хочешь чаю? — спросила Риша.

— Нет. Мне скоро ехать, — сказал Александр.

Ариадна отпустила Ришину руку и поднялась.

— Пойду я. Чаю попила. Пойду. Всего доброго, Александр.

— Я могу ее подбросить, — сказал Александр.

Риша обрадовалась:

— Поехали вместе!

Место рядом с водителем было свободно. Риша и Ариадна сидели на заднем сиденье. Ариадна цепко держала Ришу под руку и говорила:

— Завтра мы с вами пойдем к нотариусу — перепишу на вас дом.

— Ариадна Георгиевна, это становится невыносимым!

— Александр, я вижу, вы имеете на Ришу влияние. Повлияйте на нее, объясните ей, она меня как будто не слышит.

— Что объяснить?

— Я хочу переписать на Ришу дом. Подарить ей дом. А она не берет!

— Может, она хочет деньгами?

— Деньгами?

— Может, ей не нравится ваш дом. Продайте дом, дайте ей деньги, пусть сама себе купит квартиру, или дом, или истратит деньги на подарки.

— Если бы ты видел этот дом и этот сад, — сказала Риша, — ты бы так не сказал.

— Дом построил мой дед! Дом я не продам!

— А у тебя в чем проблема? Скромность замучила?

— Ариадна Георгиевна предлагает снова переехать жить к ней... — начала Риша.

— Да нет же! — воскликнула Ариадна. — Я вам просто отдаю свой дом.

— Риша, у меня к тебе деловое предложение. Ариадна Георгиевна дарит тебе дом, и мы с тобой женимся. Невеста с приданым.

— Я подумаю.

Машина остановилась у дома Ариадны. Риша вывела Ариадну из машины и повела ее к дому. Александр курил и смотрел на них из окна машины. Они шли медленно. Риша обернулась. Александр поднял руку, прощаясь. Риша сделала шаг к машине. Но Александр уже не смотрел на Ришу. Нажал на педаль, и машина рванула с места.

Была ночь. Горел дом. Падали балки. Что-то тонко свистело, гудело, ухало. Пожарные тушили пламя. Люди смотрели на пожар и молчали.

Хозяйка дома — маленькая старушка — смотрела на пожар. Ее рука лежала на плече внучки. Старушка — та самая Ольга Денисовна, которая угощала Ришу чаем на Ришином же балконе. Бабушка девочки Светы, с которой Вера Ивановна в четыре руки играла грустный ноктюрн... Внучка ее Света тоже смотрела на пожар. Свету укутали в плед, как в плащ. Милиционер смотрел на пожар.

Прибежала Вера Ивановна. Она видела, как рухнула крыша. Вера Ивановна подошла к Ольге Денисовне и встала рядом.

Утром пили чай на балконе. Риша, Ваня, Юлия, Вера Ивановна, Ольга Денисовна и Света — они еле помещались за маленьким столиком... За балконом паслись две Юлины лошади.

Ольга Денисовна смотрела перед собой и смиренно рассказывала:

— Предлагали двухкомнатную квартиру на улице Советской. А теперь такие деньги предлагают... И на однокомнатную-то не хватит.

Света сидела с таким же чинно-смиренным видом, как и бабушка. Ваня с восхищением смотрел на Свету.

— Это поджог? — допытывалась Вера Ивановна. — Вам угрожали?

— Кто покупатель? — спросила Риша и поперхнулась.

Ольга Денисовна качала головой.

— Покупатель — из Москвы. Бизнесмен. Он мне не угрожал. Но приходили из кадастрового комитета. Говорят, есть план, по которому тут будет гостиница. Чтобы город развивался и приезжали туристы.

— Это как? — Вера Ивановна посмотрела на Ришу.

Риша сидела в самом углу, загородив лицо рукой.

— Мне так сказали, — Ольга Денисовна тоже смотрела на Ришу, — Что внесли нас в план, а что за план... План.

Риша смотрела в свою чашку с остатками кофе и молчала.

— Мы с бабушкой поедем к родителям, — сказала Света и взяла конфету.

— Не хотела глаза им мозолить, они давно предлагали объединяться, я-то знаю, что это такое — сама жила полжизни со свекровью. В чужой монастырь...

Риша резко поднялась и начала выбираться из-за стола. Для этого пришлось всех поднять. Ваня обрадовался.

— Мам, я с тобой!

— Свету конфетами угощай.

Риша шла через луг. По деревянному мостику через речку, по набережной. По улице Ленина.

Главный архитектор, Сергей Евгеньевич, сидел за столом над какими-то бумагами. Поднял голову, сквозь очки посмотрел на Ришу.

— Ирина Андреевна! Давненько, давненько... Как ваши успехи, как Ванечка? К нам пока не надумали?

— Нет.

— А там все еще работаете? Деньги хорошие платят?

— Платят. А у вас как дела?

— Размышляю. Не податься ли тоже на вольные хлеба. Что-то мне здесь совсем... запечалилось.

— У меня такой, может быть, странный, вопрос. Одна моя знакомая пришла и говорит: мой дом внесли в кадастровый план и на месте моего дома должна теперь быть гостиница. Ей предлагают разные варианты... Выселяют. Говорят, что какой-то утвержден новый план развития города. А потом...

— Ариадна Георгиевна?

— Нет. При чем здесь Ариадна Георгиевна?

— Вот проект, одобренный мэром. — Сергей Евгеньевич стал листать альбом формата А3, который занимал весь его стол. — Хороший проект, архитектор, кстати, ваша однофамилица. Некто Тополева. Эскизный проект гостиницы. Еще одна гостиница. И я должен этот проект утвердить.

Риша склонилась над альбомом. Это был ее проект!

— И я его, конечно, утвердил. Несмотря на то, что здесь пусто.

В правом нижнем углу в штампе была указана фамилия архитектора: Тополева И.А. и стояла подпись, но графа «адрес» была пуста.

— Эту гостиницу будут строить здесь, у нас?!

— В том-то и дело. Адрес просили пока не вписывать. Мэр просил. Заказчик, его боевой товарищ, место себе нашел — хорошее место, на берегу реки, большой участок, одна только проблема — на участке стоит дом. А живет в нем заслуженная наша Торчина. Вот они, чтобы не тревожить общественность...

Хлопнула дверь. Сергей Евгеньевич поднял голову. Кабинет был пуст.

Ильина Гора. Домик тети Маши. Пасется коза. Дом Ариадны Георгиевны. Перед домом припаркованы четыре машины. Калитка приоткрыта. В саду витают голоса. Под вишней, вокруг столика, толпятся люди. Мэр Егор, его помощник Роман Васильевич и незнакомые лица. Ариадна, царственно выпрямившись, слушает их.

— Мы вам тогда еще предлагали и снова предлагаем эти два варианта, которые у нас на данный момент есть, — говорил Роман Васильевич. — Вы помните, я приходил к вам. Квартира, двухкомнатная, на улице Советской.

Женщина из администрации тарахтит:

— Второй вариант — трехкомнатная. Трехкомнатная квартира в Новом Поселке, напротив больницы.

— А на Советской двухкомнатная. Зато на Советской, — воркует Роман Васильевич.

Ариадна Георгиевна слушает выпрямившись. Молчит.

— Ариадна Георгиевна, дорогая, — сказал Егор. — Мы как раз, напротив, мы готовы во всем идти вам навстречу! Они вам просто предлагают то,

что у них сейчас есть. А я здесь именно для того, чтобы вас в этой ситуации не обидели — не дай бог, мы же ценим вас, любим. Но случилось так, что ваш участок должен быть освобожден под строительство, это утвержденный губернатором план развития нашего города. Мы вам купим любую квартиру — здесь, или даже в другом городе, или в деревне, купим дом. Я лично...

...Риша шла к ним. И вдруг увидела Александра. Он разболтанной походкой шел по тропинке из глубины сада — сюда. Он был небрит. У него было по-хмелье.

Риша удивленно смотрела на Александра. Александр ее заметил и улыбнулся. Риша тоже улыбнулась, пошла навстречу. И спросила громко:

— Ты что тут делаешь?

Ариадна обернулась на Ришин голос.

— Риша?

Все посмотрели на Ришу и Александра.

— А вот и сам архитектор, — вдруг сказал Александр. — Тополева Ирина Андреевна!

Егор вежливо кивнул Рише.

— Я тебе говорил, что строю у вас гостиницу, — произнес Александр.

Это был какой-то другой Александр.

— Риша! — позвала Ариадна и протянула к ней руки.

Риша подошла к Ариадне и обняла ее.

— Пусть уходят, — сказала Ариадна Георгиевна.

— Уходите, — сказала Риша.

— Что? — недопонял Егор.

Александр что-то шепнул Егору на ухо.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказала Риша Александру.

— Я подожду в машине, — ответил Александр, шутливо отступая и закрываясь руками, как будто Риша будет его бить.

И, закурив, пошел по тропинке к дому.

Все ушли. Риша села на скамейку. По столу бегали солнечные зайчики, тени листвы.

— Они вас в покое не оставят. Сегодня ночью сгорел один дом...

— Я знаю, — сказала Ариадна Георгиевна.

— Есть три выхода, — начала Риша, — как нам поступить.

— Я устала, — сказала Ариадна Георгиевна.

— Вам надо отдохнуть?

— Я подумала — знаешь о чем?

— О чем?

— О работе. О настоящей работе.

— До вечера ни о чем не думайте. Сегодня переночуете у нас или... Вечером я приду.

Уже подходя к калитке, Риша оглянулась. На лужайку под вишни пришло солнце. Жужжали шмели, стрекотали кузнечики. Ариадна сидела в кресле-качалке. Она чему-то улыбалась.

Они ехали по городу.

— Я проектирую гостиницу для своего любовника, — рассказывала Риша. — Он знает, что я — это я, а я не знаю, что он — это он.

— Не так.

— Он выгоняет моего давнего, моего близкого друга — выгоняет из дома. Он знает, что это мой друг. Выгоняет, чтобы на этом месте построить ту самую гостиницу. Он вежлив, он мило беседует с ней, но параллельно он ходит запугивать ее вместе со всей этой шайкой.

— Запугивать? — Александр сделал большой глоток из железной фляжки. — Ты сама все запутала. Я сам только понял, что к чему.

— Ты едешь на красный. Ну да, Егорушка тебя в обиду не даст.

— Что ты на меня орешь? Я не тот, на кого надо орать. Что я, теленок с ко-

локольчиком на хвосте и с такими большими ресницами? Я не привык, понимаешь ли.

— Ты был здесь этой ночью? Ты слышал, был пожар.

Он резко сбросил скорость. Припарковал машину. Выключил мотор.

— Да, я был здесь. Я не понимаю, в чем ты меня обвиняешь.

Риша молчала. Наконец сказала:

— У меня просто все в голове не укладывается. Это похоже на дурной сон. И ты другой сегодня. Как будто не ты.

— Я не я, и ты не ты. А кто? Конь в пальто. Все, что с тобой происходит, всегда похоже на сон. — Помолчав, Александр изобразил пьяную женщину. — Такая, ходит. Лбом в стену бум — здрасьте, я ваша тетя. И смотрит... по сторонам...

— Я тебя не знала таким.

— Ты меня не знала и знать не хотела, а хотела играть в эту молчанку.

— Это была не игра. Ты что, пьян?

— У меня похмелье. У тебя бывает похмелье?

Они снова молчали.

— Я должен изображать перед тобой романтичного принца на белом коне? Люби меня таким, какой я есть, ты поняла? Если ты, конечно, умеешь. Любить.

— Я вижу, мы разное понимаем под этим словом, — сказала Риша.

— Мне плевать, что ты себе понимаешь.

Они снова молчали.

— Что ты предлагаешь? — спросила Риша.

— Я предлагаю пойти пожрать, — сказал Александр. — Ты как насчет пожрать? Я жрать хочу! Рвать зубами мясо! Мне нужны силы. Пошли?

— Он ведь твой друг.

— Егор? Да, он мой друг. Я его знаю двадцать лет.

— Ты ведь можешь сказать ему, чтобы ее не трогали. Ей уже недолго осталось. Ты ведь можешь.

— Могу, — с готовностью сказал Александр.

— И ты можешь пока не строить эту гостиницу. Я понимаю, что рано или поздно на этом месте — на берегу реки и так далее — будет стоять гостиница, которую построишь ты. Или кто-нибудь другой. Но сейчас ты можешь не строить!

— Могу. Ты ведешь себя так, как будто уже хозяйка в моей жизни. «Александр, ты можешь сделать то или ты можешь сделать то. То или то»...

— Александр...

— Я потратил на эту гостиницу кучу времени. И кучу денег. И мне плевать, сколько этой мумии жить осталось. Как собака, вцепилась в свою избушку...

— Опять все теряет смысл.

— Да пошла ты.

Риша открыла дверцу.

— Я за тобой не побегу, — сказал он.

Риша вышла и, не оглядываясь, пошла по улице.

Он смотрел, как она уходит.

— Ну и пошла, — сказал он.

Вышел из машины, поставил ее на сигнализацию, перешел дорогу и вошел в столовую.

Феликс сидел за тем самым столиком у окна, где они с Александром завтракали несколько недель назад — когда Феликс был в этом городе впервые. Феликс смотрел в окно, тщательно пережевывал салат. Александр его искал, нашел и сел напротив. Открыл меню.

Александр ел бифштекс. Запивал водкой. Феликс пил кофе, с удовольствием наблюдал за Александром, чуть улыбался. Александр, довольный, пьяный, зубочисткой ковырял в зубах.

— Ну, что? — спросил Феликс.

— Жизнь удалась! — сказал Александр.

Вытащил из кармана мобильник, набрал номер.

— Да, я вас слушаю, — сказал официальный мужской голос в трубке.

— Егор? Это я, Сашка. Я решил. Я отменяюсь.

— Что? Подожди, не слышно...

— Не буду строить эту гостиницу! — крикнул в трубку Александр.

— Что?!

— К Феликсу все вопросы. Сейчас я ему трубку дам.

— Погоди, Сашка, что случилось, почему?

— Мне это не надо! Я это понял! И теперь я очень рад!

Александр передал трубку Феликсу.

— Да, — сказал Феликс.

— Что там у вас происходит? — спросил Егор.

— Я тоже отменяюсь, — сказал Феликс. — Я без Сашки не буду. Ищи кого-нибудь другого.

— Не будете?! Да желающих — полно! Бизнесмены хреновы! Я же хотел для своих! Вы что там, уже напились?! Я сейчас буду, вы где?

Феликс сбросил номер. Телефон зазвонил. Александр выключил его. Феликс тоже выключил свой телефон.

Молодая красивая официантка, стреляя глазками, убирала посуду.

— Еще водки! — заказал Александр.

— Какой водки, сколько? — улыбалась официантка.

— Много хорошей водки, — сказал Александр.

— С собой, — уточнил Феликс.

— С собой? — удивилась официантка. — Да вы бы лучше в магазине купили, там же дешевле.

— Девушка! — вскричал Александр. — Я так люблю ваш город! Выходите за меня замуж!

Официантка засмущалась вконец.

— Прямо сейчас?

Остановка «Старогородский поворот». Светофор. Указатель: «Прямо — Данилов. Центр. Направо — Москва...»

Феликс повернул направо.

Александр спал на заднем сиденье безмятежным младенческим сном.

Риша шла по городу с убитым лицом.

Перед общежитием пили пиво художники. Обсуждали, как построят лодку и пустятся в путь «из варяг во греки».

За стеной, в комнате Веры Ивановны, играли ноктюрн. Ваня сидел на полу под окном в квадрате солнечного света и рисовал на огромном чертежном листе город котов.

— Ты так долго ходила, — сказал Ваня.

Он повернулся, посмотрел на нее. От этого взгляда Ришу захлестнуло волной нежности. Ваня, солнечный свет, летающие пылинки, ноктюрн за стеной, громадная нежность... Больше на свете ничего не существовало.

Ариадна задумчиво вязала на спицах, сидя в кресле-качалке в саду. Отрезала нить. Шарф был закончен.

На мансарде, у французского балкона, за столом Ариадна в очках с выпуклыми линзами перебирала свои драгоценности — колечки, серьги, броши — из огромной старой шкатулки.

Через большое окно почты было видно, как Ариадна диктует телеграфистке телеграмму. Расплачивается.

Ариадна вышла на крыльцо почты, осторожно спустилась по ступеням.

Риша — растерянная — смотрела на железный замок, что висел на калитке Ариадны. Заглядывала в окна. В доме было темно.

Ариадна стояла у балконной ограды перед общежитием. Ваня стоял у балконной ограды — на балконе.

— В Тулу. Копать, — говорила Ариадна. — Ничего не перепутаешь?

Ваня мотнул головой: нет. Из рук Ариадны аккуратно взял большую тяжелую шкатулку.

— Иди сюда.

Ариадна намотала на Ванину шею шарф и поцеловала его в лоб.

— Пусть уж не приходит ко мне сегодня, я спать буду. А как доберусь до места, я вам сообщу.

Ариадна проснулась. За окном был рассвет. Позавтракала кофе с бутербродом. Помыла чашку. Она не включала свет: ей он не был нужен. Свет проникал в дом из окон, и в этом свете все предметы казались торжественными, притихшими.

Ариадна оставила у порога свой рюкзак, палку и зачем-то поднялась по лестнице на мансарду.

Ариадна уходила в глубь сада. За спиной — старый походный рюкзак. В руке — палка. В ветвях защелкал соловей. Ариадна остановилась и слушала.

Окно мансарды — французский балкон — было освещено изнутри горячим светом.

Ариадна уходила.

Дом Ариадны горел.

Улица еще спала. Где-то стукнула калитка.

Ариадна шла через туманный рассветный луг в полной тишине. Из-за горизонта показался краешек солнца. В ту же минуту грянул ликующий утренний хор — все живое проснулось.

Риша спала. Открыла глаза. Окно было расшторено, дверь на балкон открыта. Ваня спал рядом. Риша вышла.

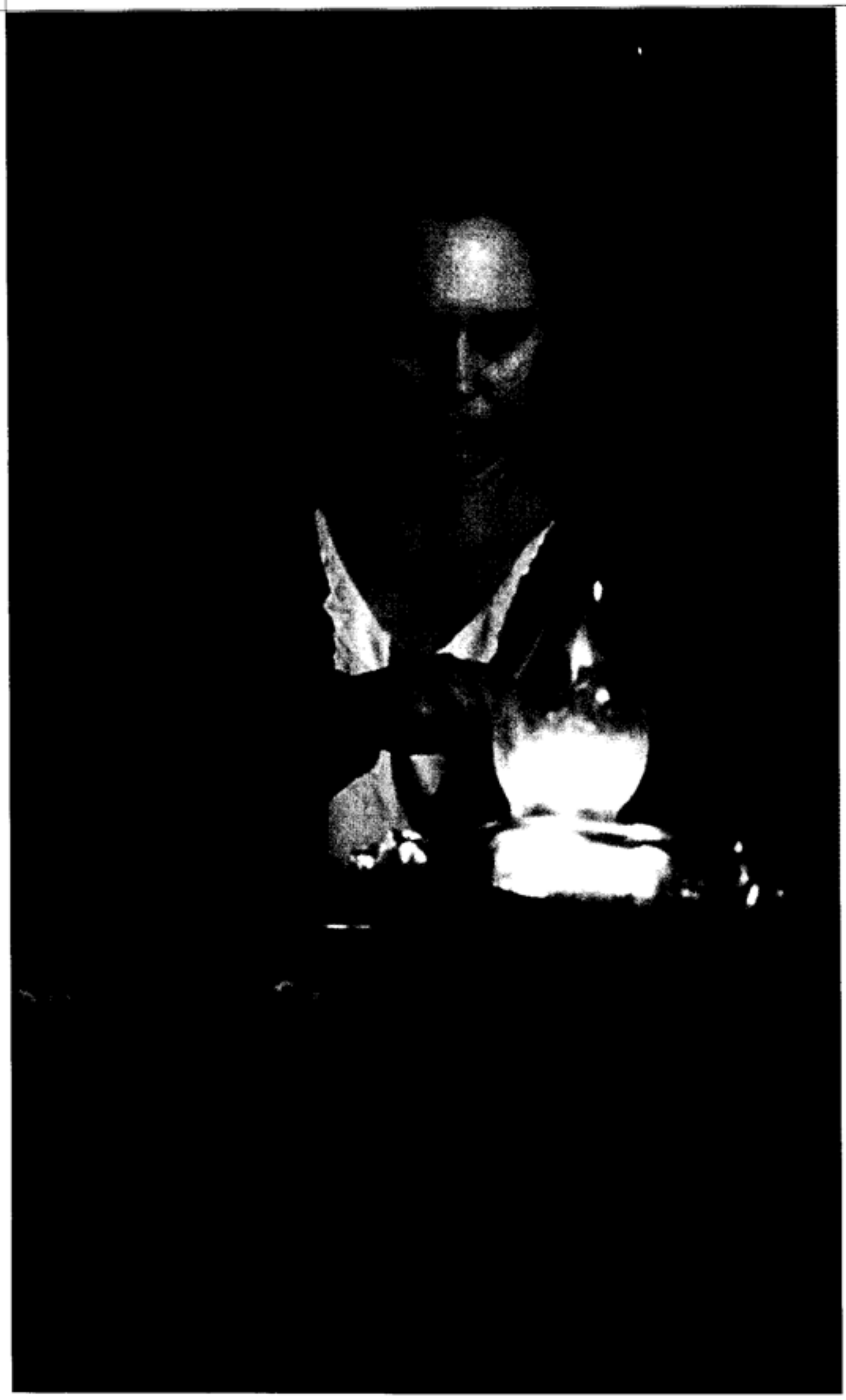
В комнате Веры Ивановны спали: на кровати — Вера Ивановна, на полу — Юлия. В комнате Риши — на раскладушках — Ольга Денисовна и Светка.

Риша сидела на балконе, забравшись на старый диван с ногами. На балконном столике — шкатулка Ариадны Георгиевны и шарф, который Ариадна связала для Вани.

Риша положила руку на живот. Она улыбалась. Прислушивалась.

В черной листве на фоне рассветного неба оглушительно пели птицы. За листвой в тумане луга начинался рассвет.

Два коня — черный и белый — паслись на лугу, за балконной оградой.



«Одна война»,
режиссер
Вера Глаголева

МАРИНА САСИНА

Одна война

День. Огромное небо над широкой рекой. Яркое солнце. К острову, что посреди реки, летит белая голубка. Птица часто взмахивает крыльями. Внизу — спокойная вода; деревянные мостки, ведущие к пологому берегу; холм, на котором стоит бревенчатый дом, серый от времени. Возле дома — собачья будка, чуть дальше — сарай и деревья, окутанные нежной дымкой молодой листвы. За сараем крутится ветряк.

Голубка опускается на деревянный столб с жестяной воронкой громкоговорителя. Звучит голос Левитана: «От советского Информбюро». Голубка испуганно взлетает.

Мужчина лет сорока пяти, в военной форме с погонами капитана, тяжело опирающийся на трость, и пять женщин в телогрейках, платках и сапогах с надеждой ловят слова диктора: «Сегодня, 8 мая 1945 года, войска 1-го Украинского фронта овладели городом Дрезден».

Самая молодая — лет восемнадцати, с веснушками и озорными глазами — в волнении теребит пуговицу.

Красивая, темноволосая, лет двадцати семи, укачивает годовалую девочку, завернутую в серое сукно.

Сероглазая девушка лет двадцати пяти держит на руках двухлетнего мальчика. Ребенок одет в перешитую из ватника курточку с длинными подвернутыми рукавами, на голове — вязаная буденовка.

Звучит голос Левитана: «В боях за Дрезден гитлеровцы понесли тяжелые потери...»

Светловолосая женщина лет тридцати в сером платке, наброшенном на плечи, держит самодельную тряпичную куклу.

Самая старшая — лет сорока, с открытым добрым лицом, — слушая сводку, поглядывает на мальчика и девочку лет трех.

Дети бредут вдоль ручья, впадающего в реку, за бумажным корабликом с нарисованной красной звездой. Мальчик подталкивает корабль прутиком. Дети одеты в одинаковые пальтишки из шинельного сукна. Мальчуган — в фуражке, которая ему велика, без кокарды; девочка — в платке.

Голос Левитана: «Только на западных окраинах города уничтожено до двух тысяч немецких солдат и офицеров, подбито 27 танков и бронетранспортеров противника».

Кораблик медленно плывет по реке. Дети глядят на него.

Женщины вытирают слезы. Сводка закончилась, а они все смотрят на громкоговоритель...

Марина Сасина — кинодраматург. Окончила филологический факультет Орловского государственного университета (1996), сценарный факультет ВГИКа (2007, мастерская А.Инина). Сценарист фильмов «Новогодний маршрут» (2006, с Нелли Уваровой; режиссер А.Назаров), «Одна война» (2007, режиссер В.Глаголева), «Шестая казнь» (2008, док., режиссеры Г.Краснобородова, С.Музыченко), «Я ее найду» (2008) и других. Публиковалась в журнале «Синопсис» (2004). В «Искусстве кино» публикуется впервые.

— Работать пора! — возвращает их к реальности капитан. — Заслушались! Раньше надо было слушать!

Капитан, хромая, идет к сараю. Женщины — за ним.

— Не гуди, Карпуша... Идем уже, — роняет на ходу черноглазая.

— Нинка! — вскипает капитан. — Гражданка Ковалева! Какой я тебе Карпуша!

Нина, фыркнув, прибавляет шаг. Девочка, которую она несет, заходится в плаче. Нина на ходу укачивает ребенка.

Мальчик и девочка, забыв о кораблике, бегут за взрослыми.

— Зря ты с ней так, Карп Игнатьич, — поравнявшись с капитаном, мягко говорит старшая.

Карп делает вид, что не слышит.

— Мама Шура взялась гражданина начальника воспитывать! — язвительно восклицает Нина. — Нас ей мало!

— Нина! — осуждающе шикает сероглазая.

— Ничего, Аня, — Шура успокаивающе кивает сероглазой. — Нина не со зла.

Нина презрительно фыркает.

— Работать, я сказал! — кричит капитан.

Голубая вода бежит навстречу большой моторной лодке с красной звездочкой на борту. На корме сидит старик — седой, жилистый. Его пассажир — майор НКВД лет тридцати, широкоплечий, темноволосый, в распахнутой шинели. На груди — два ордена и три медали. Громко стучит мотор. Старик направляет лодку к острову. С любопытством поглядывает на офицера, но заговорить решается не сразу.

— Надолго ты на остров, офицер?

Майор молчит. Опускает руку в голубую воду. Глядит на белый пенистый след, тянущийся за рукой.

Старик продолжает нерешительно:

— А я вот мотаюсь туда-сюда: из поселка — на остров, с острова — в поселок... Рыбу вожу. А что делать! Война... — Он внимательно смотрит на офицера. И прибавляет: — Скоро уж она кончится!

Майор вытаскивает из воды замерзшую руку. Растирает негнущиеся пальцы.

— Скоро, отец. Берлин взяли, за Прагу бьемся... — И больше себе, чем старику, с горечью: — А я в тылу...

Старик испытующе глядит на майора. Сбрасывает скорость. Мотор стучит тише.

— И правильно, что ненадолго на остров. Нечего там делать, на острове этом! Неподходящее место, нехорошее...

Офицер пристально смотрит на старика.

— Люди там нехорошие?

— Не знаю ничего и знать не хочу! Попали туда, значит, виноватые!

Размеренный треск мотора. Майор, щурясь от солнца, глядит на остров.

Карп стоит у распахнутой двери сарая, за которой видны висящие на веревках вяленые рыбины. Повернувшись спиной к ветру, сворачивает самокрутку. Щелкает колесиком гильзы-зажигалки, прикуривает. Глядит на веснушчатую девушку и Нину, которые снимают рыбу вместе с веревками, обрезают ножами длинные концы, завязывают коротким узлом. Передают связки женщине лет тридцати. Та, задумавшись, неловко принимает одну из двух связок. Веревка рвется, рыба рассыпается. Женщина, присев на корточки, нанизывает рыбины на бечевку, протягивая ее под жабрами.

— Маруська, вяжи крепче! — командует ей капитан.

Анна и Шура выходят из сарая со связками рыбы в руках.

— Куда нас отсюда повезут, Карп Игнатьич? — беспокойно спрашивает Маруся.

Анна и Шура останавливаются, глядят на Карпа, ожидая ответа.

— Не знаю! — отрезает капитан. — А вам и вовсе знать не положено!

Маруся опускает глаза.

Треск мотора. Анна и Шура видят лодку, приближающуюся к берегу.

— Офицер какой-то с Михалычем, — тревожно шепчет Шура.

Маруся и Карп беспокойно смотрят на моторку.

— Может, простят нас, Карп Игнатьич?.. — с надеждой спрашивает Маруся.

Анна, Маруся и Шура тревожно глядят на капитана. Тот отворачивается, торопясь, хромает к воде. Анна обнимает Марусю за плечи. Из сарая выходят Нина и веснушчатая девушка. Пять женщин смотрят на приближающуюся лодку.

— Работайте! — оборачивается капитан.

Старик и майор — в лодке. Яркое солнце. Голубая вода за бортом. Офицер глядит на остров.

— Отец, а как остров называется? — спрашивает он.

— Так и называется — остров! Нет у него названия! Кто как хочет, так и называет. Я вот — Белым Шанхаем зову...

— Почему?

— Похож потому что на Шанхай... Сынок мне картинку показывал, когда в школу бегал... Он задумывается. — Далеко до острова... как до Шанхая... пешком не доберешься...

Майор смотрит на широкую спокойную реку. Оглядывается на берег, заросший густым лесом. На другом берегу — такая же тайга, мрачная и величественная.

— Убили сыночка моего младшего, — не успокаивается старик. — Двадцати лет не было... Погиб красноармеец Павел Коробков под Москвой... — Смотрит на награды офицера. Спрашивает с надеждой: — Не встречал ты его там, майор?

— Нет, отец, не встречал.

— Одна война... — словно извиняется старик.

Молчат. Трещит мотор. Синяя вода бежит навстречу лодке.

— Только звездочка осталась... — не успокаивается старик. Наклоняется, показывает красную звезду на борту. — Он нарисовал... Пашка мой...

Он поспешно вытирает глаза.

Майор, прищурившись, смотрит на воду. Достает из кармана черный каучуковый мячик. С усилием сжимает его правой рукой.

— Ранение? — кивает на мячик старик.

— Пройдет, — отзывается майор.

Сжимает мячик непослушными пальцами.

Старик глушит мотор. Лодка бесшумно скользит к берегу.

— А Белый почему? — спрашивает старика офицер.

— Белый-то?

Лодка утыкается носом в песок.

— Сам погляди, — показывает старик.

Майор видит вдалеке четыре большие палатки из белой парусины. Каждая из них по периметру, до самых окошек, обложена камнями. Палатки напоминают китайские хижины.

— Целый год тут жили... — говорит старик.

Глядит вдаль — там, справа от палаток, на невысоком холме, — несколько могильных холмиков с табличками.

Причал. Деревянные мостки, ведущие к берегу. Старик бросает веревку веснушчатой девушке. Привязывая лодку, та с любопытством поглядывает на офицера. Майор выпрыгивает на мостки. Направляется к Карпу, хромающему навстречу.

— Наташа! — шепчет старик девушке. — Я тебе иконку привез... как обещал! Богоматерь с Богомладенчиком...

Передает Наташе свернутый платок.

— Спасибо, дедушка.

Наташа прячет платок в рукав.

Максим — в гимнастерке, перехваченной ремнем, в брюках и сапогах — моет руки над ведром, стоящим под рукомойником в доме. Фуражка и шинель Максима висят возле двери на гвоздях, вбитых в стену, рядом с шинелью и фуражкой Карпа. Вода громко стучит о дно пустого ведра.

Максим снимает с гвоздика полотенце, вытирает лицо и руки. Идет к столу, стоящему возле одного из трех небольших окон. На одной половине стола навалены документы, на другой лежат полбуханки черного хлеба, нож и вяленая рыбина. На низком столике возле второго окна — ламповый радиоприемник.

На стене тикают ходики: 12.30.

Карп, сидя у стола на табурете, читает вслух документ:

— «Майор Прохоров Максим Викторович... Командирован...»

Карп пристально смотрит на майора. Передает ему бумагу. Тот сворачивает ее и прячет в карман.

— Чем богат, Максим Викторович... — кивает Карп в сторону хлеба и рыбы.

Максим садится к столу. Карп сгребает бумаги, перекладывает их на узкую кровать, застеленную солдатским одеялом. Майор достает из вещмешка пачку с надписью «Теа». Кладет на стол.

— Чай?! — удивляется Карп. — Настоящий!

— Американский, — усмехается Максим. — Союзники снабжают.

Карп разводит огонь в буржуйке, ставит на нее закопченный чайник. Глядит на нашивки за ранения на груди майора: желтая и две красные — тяжелое ранение и два легких.

— Давно с фронта? — спрашивает Карп.

— С января по госпиталям, — с досадой отвечает майор.

— Война, считай, кончилась, товарищ майор... — говорит Карп.

— Не для меня! — резко отзывается Максим.

Карп внимательно смотрит на молодого офицера. Тот с ожесточением режет рыбу. Карп качает головой, берет с полки две алюминиевые кружки, ставит на стол. Насыпает в обе кружки чай из пачки.

— Сколько поселенцев на острове? — спрашивает Максим.

— Десять. Пять женщин и ребятишки... Других вывезли в середине апреля, по льду... Двадцать четыре женщины и двадцать семь детей...

Закипает чайник. Карп наливает воду в две кружки. Ставит чайник на плоский камень, лежащий на полу. Садится за стол. Максим жует хлеб и рыбу.

— Все с оккупированных территорий?

— Все. Детишки от оккупантов.

Карп прихлебывает чай, поворачивается к окну. Видит Марусю, несущую связку рыбы. За ней торопится старшая девочка: в одной руке несет тряпичную куклу, другой прижимает к груди большую вяленую рыбину.

Анна и Шура передают связки рыбы старику. Тот бросает их в моторку. Наташа, сидя в лодке, укладывает рыбу ровными рядами.

— Михалыч, зачем офицер приехал? — спрашивает старика Шура.

Подходит Нина со связкой рыбин.

— Не знаю, Александра! — ворчливо отзывается Михалыч. — Меньше знаешь — крепче спишь!

— В твои годы и без того крепко спят, — задорно замечает Нина.

— Неправда твоя, Нина! — возмущается Михалыч. — В мои годы — самая бессонница!

Нина насмешливо глядит на старика. Передает ему связку рыбы.

— До чего же ты, Нина, красивая! Даже страшно... — бормочет Михалыч.

Неловко бросает рыбу в лодку.

— А что, Михалыч, старуха тобой довольна? — поддразнивает Нина.

— Любопытная ты, Нина! И бесстыжая... — окончательно смущается старик.

Раздается детский плач. Нина беспокойно оборачивается. Под деревцем, почти не отбрасывающим тени, стоит плетеная колыбель. Кричит лежащая в ней дочка Нины.

Мальчуган и девочка, пускавшие кораблик, сидят на расстеленном рядом с колыбелью суконном одеяле. Мальчик отнимает у девочки куклу. Девочка ревет.

Сын Анны, сидя, на корточках рядом с одеялом, сосредоточенно ковыряет землю щепкой.

Тощая коза, привязанная к колышку, щиплет молодую траву.

Шура, успокаивающе кивнув Нине, спешит к ребятишкам.

К лодке подходит Маруся. Отдает Михалычу связку рыбин. Отрешенно бредет к холму. Нина с беспокойством смотрит вслед Марусе. Хочет сказать о ней остальным, но поблизости никого. Анна, оглядываясь на детей, торопится к сараю.

Шура, присев на корточки, что-то говорит на ухо старшей девочке. Та перестает плакать, кивает, качает колыбель, как показала ей Шура. Младшая девочка успокаивается. Старший мальчик, насупившись, гладит козу. Младший тянет руки к маме Шуре.

«Одна война»

Старик и Наташа в лодке накрывают рыбу брезентом.

Нина снова глядит на Марусю, поднимающуюся на холм. Из рукава Марусиной телогрейки выпадает белый бумажный треугольник. Маруся поднимает письмо, оглядывается: не заметил ли кто. Прячет треугольник в рукав.

Нина спешит за Марусей. Наташа выпрыгивает из лодки, догоняет Нину. Внезапно Нина останавливается. Покачнувшись, расстегивает верхнюю пуговицу ватника.

— Что с тобой, Нина?

Пытаясь улыбнуться, Нина отвечает:

— Ничего... Отдышусь...

Максим и Карп сидят за столом. Карп курит. Максим размешивает чай в своей кружке.

— Почему не всех в апреле вывезли? — задает вопрос Максим.

— Приказ поступил: освободить остров до конца мая. Баб с ребятишками увезли... почти всех... пока лед не тронулся. Пять работниц оставили. Рыбу только засолили... Ну и убрать на острове... палатки свернуть... Катер за ними с базы пришлют двадцать шестого...

— Послезавтра! — прерывает его Максим.

— Раньше, значит... Куда их отсюда, товарищ майор? — осторожно спрашивает капитан.

На берегу. Наташа и старшие мальчик с девочкой срывают пучки молодой травы, пробивающейся сквозь сухую, прошлогоднюю. Кормят козу. Та, склонив голову, наблюдает за Наташей и детьми — ждет, когда трава будет сорвана, затем берет ее из рук.

— Лентяйка, — ворчит на козу Наташа. — Привыкла из рук есть...

— Лентяйка, — повторяет девочка.

Дети смеются. Им нравится это слово.

Треск мотора. Причаливает лодка с красной звездой на борту. Старик глушит мотор. Привязывает лодку. Смотрит на берег: там только Наташа и дети.

— Опять девки копаются, — недовольно ворчит Михалыч, так чтобы слышала Наташа. — Вот скажу Карпу...

Надвигает кепку на глаза — от солнца, укладывается в лодке. Волна лениво подползает к берегу и, задержавшись на мгновение, уходит, унося щепки и обломки ракушек. Моторка покачивается на привязи, как колыбель.

Наташа видит Анну, Шуру, Нину и Марусю, спускающихся с холма со связками рыбы. Смотрит на деда. Озорно подмигивает ребятишкам. Прикладывает палец к губам, показывая, чтобы дети молчали. Срывает пучок травы, на цыпочках приближается к старику. Коза идет за Наташей.

Михалыч тоненько похрапывает. Наташа осторожно кладет пучок травы старику под нос. Возвращается к мальчику и девочке. Дети, вытянув шеи, смотрят на пышные зеленые «усы» Михалыча.

Анна, Шура, Нина и Маруся переглядываются, улыбаются.

Покачивается лодка. Спит Михалыч с зелеными «усами».

Коза, заметив пучок травы, приближается к старику. Тянется к траве, щекочет губы Михалыча, осторожно берет траву.

— Жаркая ты, Нина... — шепчет старик.

Коза подбирает травинки с бороды старика.

— Прямо огонь...

Михалыч приподнимает кепку и видит козью морду. Вскрикивает, выпрыгивает из лодки. Коза испуганно взбрыкивает, бежит по берегу. Старик поднимает хворостину, устремляется за козой.

Женщины и дети смеются.

Карп и Максим сидят за столом в доме.

— Куда их отсюда, товарищ майор? — повторяет Карп.

Максим молчит. Достает из кармана портсигар. Протягивает капитану. Тот желтыми от табака пальцами берет папиросу. Недоверчиво разглядывает.

— Союзники прислали?

— Они.

Майор щелкает зажигалкой, дает капитану прикурить. Карп затягивается, смотрит сквозь дым на тонкие пальцы Максима, перебирающие папиросы. Майор закуривает. Клубы дыма поднимаются к низкому потолку. Максим открывает планшет, достает какой-то документ, читает.

Карп выжидающе смотрит на майора. И не выдерживает:

— Сейчас им про отъезд сказать?

— Завтра, — продолжая читать, отвечает Максим.

Карп, стуча палкой по деревянному полу, подходит к дальнему окну, открывает. Курит. Глядит в окно на Наташу и двоих ребятишек, которые кормят козу.

— Одиннадцатого мая в этом районе не должно остаться ни одного поселенца. Списки и личные дела подготовили?

— Так точно, — отзывается Карп.

Смотрит на женщин, хлопочущих у сарая. Нина раскладывает рыбу на досках, лежащих на земле. Анна сматывает бечевку. Шура и Маруся в сарае снимают с веревок вяленую рыбу.

— Сдайте географические карты.

Карп удивленно оборачивается.

— Все, какие есть, — опережает его вопрос майор.

Карп затягивается сильнее, чем нужно. Кашляет.

Анна и Нина передают Михалычу связки рыбы. Тот бросает их в моторку. Наташа, сидя в лодке, укладывает рыбины аккуратными рядами.

— Дедушка... — начинает Наташа.

Михалыч отворачивается. Всем своим видом показывает, что обижен.

— А правда, в здешней тайге староверы живут? — интересуется девушка.

— Люди говорят... — неохотно отзывается Михалыч.

Анна и Нина смотрят на Шуру, несущую в сторону холма младших мальчика и девочку: девочка спит, мальчик трет глаза кулачком. Старший мальчик идет рядом с Шурой, держась за ее юбку. Старшая девочка держит мальчика за руку. Анна, Нина, Наташа и Михалыч, улыбаясь, глядят на малышей.

— Карапузы! — умиляется старик.

— Уложу их, — говорит женщинам Шура. — Умаялись...

Наташа встает.

— Твой Сережка спит, — успокаивает Наташу Шура. — Лоб холодный, — добавляет она.

Наташа садится в лодку. Младший мальчик машет рукой Анне. Та машет в ответ. Шура с детьми поднимается на холм.

Женщины продолжают работу. Передают рыбу по цепочке: Нина — Анне, Анна — старику, старик — Наташе.

— Какие они, староверы? — спрашивает Михалыча Наташа.

— Вы их видели, Иван Михайлович? — поддерживает ее Анна.

— Нет, не видал, — оттаивает старик, но, вспомнив, что обижен на Наташу, поворачивается к ней. — Какие-

какие... Обыкновенные... Две руки, две ноги, одна голова... В Господа веруют и живут по его законам!

— Расскажи про них, дедушка, — миролюбиво просит Наташа.

— Иван Михайлович, расскажите, — вторит Анна.

Нина отряхивает брезент, на котором лежала рыба, сворачивает, подает Анне, та — Наташе. Наташа накрывает рыбу брезентом, выбирается на мостки.

— А что рассказывать? — говорит Михалыч. — Те же христиане, только бороды не бреют и крестятся двумя перстами... Да живут в тайге...

Старик отвязывает лодку. Наташа помогает. Анна, Нина и Наташа, стоя на берегу, глядят на Михалыча.

— Как же там жить?! — Нина недоверчиво смотрит на густой лес на берегу. — Чаща непроходимая, болота с комарьем...

— Не веришь — и не надо, а вот живут! — заводится старик. — Люди говорят, есть за болотами озерцо... На берегу — скит: часовенка деревянная и три избы. В каждой — по семье. Рыбой кормятся, капканы на зверя ставят, ну и ягоды-грибы... — Он забирается в лодку, балансируя, идет к корме, садится. — Только соли им взять негде... — добавляет он.

— Как же они без соли? — спрашивает Наташа.

— Выходят иногда из тайги: меняют шкурки на соль...

— А как они дорогу находят? — удивляется Анна.

Старик поправляет брезент, накрывающий рыбу.

— По отметинам на деревьях. Говорят, они вроде незаметные, а к скиту выведут...

— А ты видел эти отметки, дедушка?

— Не видел! — поспешно отвечает тот. — И видеть не хочу!

— Страшно, наверное, в лесу! — зажмуривается Наташа.

Михалыч беспокойно глядит на холм, тихо бормочет:

— Не страшнее, чем в других местах...

— Михалыч, не знаешь, что разговоры с поселенцами запрещены?! — слышен строгий голос Карпа.

Женщины оборачиваются, видят Карпа и приезжего офицера. Майор правой рукой сжимает черный мячик.

— Знаю, Карпушка... товарищ капитан... Это я так просто — время скоротать... — запинается старик.

Поспешно заводит мотор.

Максим и Карп стоят возле сарая, к стене которого прибита табличка: «Рыбартель № 26 им. Ворошилова». Карп распахивает дверь.

— Рыба тут у нас. Ну и коза... молоко ребятишкам...

Максим заглядывает в сарай: на веревках сушится рыба, в дальнем углу навалено сено, ближний угол отгорожен для козы — там соломенная подстилка и миска с водой. Карп заметно нервничает.

— Не слышали вы, товарищ майор... не собирается товарищ Сталин амнистию объявить?

Майор внимательно смотрит на капитана.

— Не слышал...

Шум мотора. Карп и Максим глядят на реку.

Небольшая моторная лодка приближается к острову. В ней человек в военной форме.

— Незнакомая лодка... — с тревогой говорит Карп.

Максим глядит на реку из-под руки.

— Это ко мне.

Моторка причаливает. Старший лейтенант — белобрысый, лет двадцати пяти — бросает веревку капитану. Карп привязывает лодку.

Старлей легко выпрыгивает на мостки и козыряет Максиму.

— Здравия желаю, товарищ майор!

— Будь здоров, Онищенко! — козыряет в ответ Максим и представляет Карпа: — Капитан Ничипорук.

Старлей отдает честь. Карп выпрямляется и тоже козыряет.

— Разрешите доложить, товарищ майор? — спрашивает старлей.

Максим смотрит на Карпа. Тот понимающе отворачивается и, опираясь на трость, идет в сторону холма. Максим и Онищенко глядят ему вслед — ждут пока отойдет подальше.

— Докладывайте, — разрешает майор.

Лейтенант раскрывает планшет и достает карту. На ней — большой район, включающий реку с островами и лес на берегах, обведен красной линией.

— Двенадцатого сюда... и сюда, — показывает на острова старлей, — начинаем завозить военную технику...

— Чужих в районе не осталось? — перебивает его майор. — Ссыльные? Заключенные? Поселенцы?

— Никого, товарищ майор. Только местные жители.

— Значит, на этом острове — последние...

— Сколько их?

— Десять. Матери с детьми. Катер за ними пришлите послезавтра. В девять утра.

— Может, баб с детьми оставим пока? Чем они помешают?

Максим пристально смотрит на старлея.

— Боюсь не успеть с катером, товарищ майор! — оправдывается Онищенко.

— Успеете! Карты у населения изъяли?

— Все до единой! — Он смотрит на зеленый холм, на сарай, за которым машет крыльями ветряк... — Красиво! А ведь не будет скоро этого острова на карте...

Максим сурово смотрит на старшего лейтенанта.

Онищенко поспешно спрашивает:

— Отвезти вас в поселок, товарищ майор?

— Не надо. Останусь денька на три. Остров осмотрю. И окрестности.

— Во сколько завтра поплывем по окрестностям? — с готовностью отзывается Онищенко.

— Завтра я без вас. Старичок местный рыбу в поселок возит, я — на его лодке. А вам завтра сюда, — показывает на карте, — надо успеть и катер организовать...

Карп глядит с холма на реку. По воде пляшут солнечные блики. Моторка, удаляющаяся от острова, мешает их танцу.

Вдоль берега летит белая голубка.

Слышно, как где-то поет Маруся:

Белою пташечкой
Ой, да вернуся.
Белою голубкою
Во дом ворочуся...

Голос Маруси глубокий, красивый. Ее песня похожа на плач.

Маруся сидит в палатке на топчане, на котором лежит старшая девочка. Девочка обнимает тряпичную куклу. Слушает песню, что поет Маруся.

Опущусь на ставенку,
Загляну в оконце,
Посмотрю на матушку,
Пока не село солнце...

В «красном» углу палатки приколот портрет Сталина. Слева от входа — шесть деревянных топчанов, накрытых серыми одеялами. Рядом с первым и вторым топчанами стоят плетеные колыбели. Одна из них пуста, в другой спит младшая девочка. Старший мальчик спит на третьем от входа топчане.

Маруся продолжает петь:

В красном углу батюшка
Сидит, подперевшися,
Дочку вспоминает
Да слезу роняет...

Девочка поворачивает голову, смотрит на Наташу, входящую в палатку. В руках Наташи бутылка и несколько веточек с нежно-зелеными листьями. Тихонько, чтобы не мешать поющей Марусе, Наташа ставит бутылку на ящик, опускает в нее веточки. Присаживается на ближний к выходу топчан. Слушает песню.

На что вспоминати
Да слезу роняти,
Коли молоденькой
Не дал погуляти?

Старшая девочка улыбается Наташе. Та складывает ладони, подносит их к щеке, показывая, что надо спать. Девочка сонно закрывает глаза.

Маруся поет тише:

В лихую годину
Отдал на чужбину
За недобрым мужем
У грозной свекрови...

Девочка засыпает. Маруся умолкает. Встает, замечает Наташу. Та шепчет:

— Какая песня красивая!

— Мама ее пела, — тихо отвечает Маруся.

Маруся идет к выходу. Обходит печку — черную бочку с длинной тру-

бой, выведенной наружу. Рядом с печкой аккуратно сложены дрова, отдельно — щепки. Задевает небольшой самодельный столик, возле которого стоят две грубо сколоченные табуретки. Замирает: не проснулись ли дети? Нет, спят.

Наташа смотрит на веснушчатого малыша двух лет, спящего в колыбели. Дотрагивается губами до его лба.

— Холодный, — шепчет она.

— Выздоравливает, — отзывается Маруся.

Наташа ласково глядит на мальчугана.

— Жалко Сережку будить...

— И не надо... Поднимешь вместе с остальными...

— Выздоравливает, слава богу, — шепчет Наташа, глядя на ребенка.

Достает платок, который дал ей старик. Разворачивает. Смотрит на нательный образок на шнурке: Богоматерь с Младенцем.

Маруся видит образок, испуганно шепчет:

— Спрячь! Комсомолкой, что ли, не была?!

— Не успела... А бабушка моя иконы в доме держала — не на виду, в дальней комнате. В храм меня водила.

Маруся беспокойно оглядывается на полог, прикрывающий вход в палатку.

— Знаешь, как красиво в церкви! — шепчет Наташа. — Свечи горят... Дети поют, как ангелы... А на иконах лица светлые...

— Лики, — поправляет Маруся.

— Ну да... Разве у людей с такими ликами могли злые мысли появиться? О войне, например...

— Не могли. Все равно — спрячь образок! Карп увидит — неприятности наживешь...

Наташа заворачивает образок в платок. Медлит. Раскрывает платок.

— Наташа!

— Маша, не сердись! Разочек взгляну и спрячу...

Две женщины склоняются над изображением Богоматери и Младенца.

Максим, сидя на корточках возле палаток, разглядывает фундамент ближней палатки. Карп стучит по камню тростью и объясняет:

— Для тепла. Снег поверх камня лежал. Баб-то с ребятишками сюда временно привезли. С весны до осени, пока рыба ловится...

Максим трогает белую парусину. Заглядывает внутрь палатки — пусто.

Капитан продолжает:

— Думали — только до осени, но дело затянулось... Пришлось зимовать... Корзины плели, сети рыболовные чинили...

«Одна война»

Майор пытается расшатать ногой колышек у основания палатки, но тот крепко вбит в землю.

— Девчонки растащат камни в два счета, а палатки недолго свернуть... — говорит Карп.

Проходят мимо второй и третьей палаток. Четвертая выглядит жилой. Метрах в десяти от нее — кострище и два «стула» — пеньки со спинками. Рядом аккуратно сложены дрова. В землю воткнут топор. На веревке, натянутой между двумя тонкими деревцами, сушится детское белье.

Со стороны реки устало идет Анна. Максим и Карп ее не видят.

Карп грозно, чтобы слышали в палатке, говорит:

— Сколько раз повторял: не вешать тряпки на видном месте! Убрать!

Подошедшая Анна быстро снимает белье. Изучающе глядит на майора.

Из палатки выглядывает Наташа, видит Анну, Карпа и майора, прячется.

— Устроили тут, понимаешь... прачечную, — гудит Карп.

Максим неприязненно смотрит вслед Анне, идущей к палатке.

— Тут, майор, такое дело... — говорит ему Карп. — ошибка вышла... Невиновна она, Анна Орлова. Сынок ее не от врага. Летчика она нашего прятала, жизнью рисковала...

Максим резко останавливается, холодно смотрит на капитана.

— Это она говорит?!

— Она... — смущается Карп и горячо продолжает: — Не может она врать! Тут ошибка...

— Не бывает таких ошибок! — отрезает Максим.

Идет к дому. С усилием сжимает черный мячик.

Анна и мама Шура, сидя на перевернутых ведрах у костра, чистят рыбу. Нина вешает над огнем котелок с водой.

— Мам Шур, на наш остров письма ходят? — спрашивает Нина, вороша палкой угли.

— Еще про посылки спроси, — усмехается Шура. — С мармеладом...

— Что это ты письмами заинтересовалась? — спрашивает Анна.

— Так просто... — отзывается Нина.

Анна недоверчиво смотрит на нее.

— Про староверов подумала, — поспешно говорит Нина. — Они-то могут письма отсылать... А им это не надо. И не пишет им никто. Как нам...

Нина берет нож, садится на выдолбленный из дерева «стул», скоблит рыбину. Чешуя летит в разные стороны.

— Скоро сами чешуей обрастем... — ворчит Нина, смахивая с щеки прилипшую чешуйку.

— Слава богу, хоть рыба есть, — отзывается мама Шура. — Без нее бы не выжили...

Нина отворачивается.

— От одного запаха тошно...

Мама Шура внимательно смотрит на нее, говорит:

— Погляди-ка, дети не проснулись?

— С ними Маруся, — напоминает Анна. — И Наташа.

Но Нина уже вытирает нож о траву и оборачивается к Анне, словно спрашивая ее согласия.

Анна хочет возразить, но, взглянув на Шуру, передумывает.

— Иди! — уже приказывает мама Шура Нине.

— Мы дочистим, — добавляет Анна.

Нина уходит. Мама Шура и Анна переглядываются.

— Вряд ли, мам Шур... — произносит Анна с сомнением.

Карп и Максим курят, сидя за столом в доме. На столе ворох документов.

Тикают ходики: 17.22.

Максим кладет папку с надписью «Личное дело № ...» поверх таких же папок. Берет со стола листок бумаги. Читает:

— «Анна Орлова, Наталья Белых, Мария Верижникова, Александра Игнатова, Нина Ковалева...» Почему именно они остались?

Карп трет слезящиеся от дыма глаза.

— Работают хорошо...

Максим пристально смотрит на капитана.

— И здоровы, — поспешно прибавляет тот.

— И всё? — Максим, не моргая, глядит на капитана.

— Всё! — уверенно отвечает Карп.

Из палатки выходит Наташа с пустым

ведром. Едва не налетает на Нину. Прикладывает палец к губам: тише, мол. Нина кивает, откидывает полог палатки. Видит, как Маруся поспешно прячет что-то под тюфяк, лежащий на дальнем топчане.

Пятеро ребятишек спят: двое в колыбелях, трое — на топчанах. Маруся проходит мимо Нины, подхватывает пустое ведро, выходит из палатки.

Нина подходит к топчану, заглядывает под тюфяк. Видит письмо-треугольник. Берет его, разворачивает, читает. Удивленно поднимает брови.

Слышит голоса снаружи. Прячет листок в рукав. Входят Маруся и Наташа. Несут по ведру с водой.

Низкое солнце. Женщины с детьми сидят вокруг костра. Едят из алюминиевых мисок. Женщины кормят детей.

Закат. На поверхности воды тревожно дрожит красная дорожка.

Наташа трет песком котелок, в котором варилась уха. Анна ополаскивает в реке алюминиевую миску. Ставит на траву рядом с другими. Присаживается на поваленное дерево.

— Анечка, можно я спрошу? — говорит Наташа.

Анна глядит на спокойную реку.

— Спрашивай.

— Если тебе тяжело об этом... не отвечай... — предупреждает Наташа.

— Что ты опять придумала? — смеется Анна.

— Анечка, ты когда-нибудь любила так, чтобы... земли под ногами не чувствовать... Как будто по облакам идешь...

Анна внимательно глядит на Наташу. Та смущается, но продолжает:

— Ну, когда не боишься ничего... ни войны... ни людей... И тебе кажется, что так всегда будет! Было с тобой такое?

Анна тихо отвечает:

— Было.

Смотрит на густой лес, на кровавую полоску заката на воде.

— А я больше никогда не смогу полюбить... — признается Наташа.

— Я про себя тоже так думаю...

Наташа шепчет:

— Ты — другое дело, а я врага любила...

Анна обнимает Наташу. А та яростно шепчет:

— Ненавижу войну! И Ганс ее ненавидел...

— Расскажи про него... Если можешь...

Наташа молчит, задумалась.

— А хочешь я про свою любовь расскажу? — спрашивает Анна.

Наташа кивает. Анна молчит. Потом начинает лихорадочно рассказывать:

— Его самолет подбили... Над Орлом... Алеша успел с парашютом выпрыгнуть... Я его в овраге нашла. У него уже губы синеть начали! Дождалась темноты, затащила в подвал, перевязала... Два дня бредил! Четыре месяца его прятала... Немцы б узнали — повесили б нас обоих... Но мы любили — и не боялась ничего!

Анна рассказывала бы еще и еще, но ее перебивает Наташа:

— А я, знаешь, как с Гансом познакомилась? Я рыбу ловила! У нас в Феодосии так: войдешь по колено, удочку забросишь и ждешь... Уже вытащила двух бычков, а тут — немцы: два солдата и лейтенант... Солдаты стали мою рыбу отнимать, а лейтенант на них ка-а-ак рявкнет! Перепугались... А он меня домой проводил... Чтоб другие немцы рыбу не отняли... Рыжий такой, смешной...

— А у моего волосы черные, непослушные. И родинка над губой... — теперь перебивает Анна.

— А мой Ганс дурачился, как пацан! Всю набережную на руках прошел! Длиннющую...

— А мой Алеша стихи писал. После войны в литинститут собирался...

Молчат. Смотрят на воду.

— Тебе, наверное, хуже, чем нам... всем... Мы-то виноваты... ну, перед Родиной...

Полоса на воде становится темно-красной. Дрожит тревожно.

— Одна война... — говорит Анна.

Красная дорожка на реке гаснет.

— Алеша поправился, я его на окраину вывела, чтобы в партизаны ушел... А тут наши стали город бомбить... Убило его осколком... нашим...

Анна берет тарелки и котелок, направляется к палаткам.

Наташа — за ней.

— А как ты здесь оказалась?

— Соседка донос написала: «Прижила ребеночка во время вражеской оккупации»...

— А мой Ганс плакал, когда из города уходил... Обещал: «Найду после войны...»

Лунный свет из узкого окошка озаряет Анну, сидящую на топчане в палатке. На коленях Анны — сын.

Справа и слева сидят старшие мальчик и девочка. Девочка держит тряпичную куклу. Мальчик рассматривает обломок ракушки.

Наташа на своем топчане кормит грудью Сережу.

— Посреди синего моря был чудесный остров... — рассказывает детям Анна.

— Как наш остров? — спрашивает старший мальчик.

— Как наш... только на том острове круглый год светило солнце, пели птицы и цвели цветы. А еще там жили мальчик и девочка, которые хотели увидеть дальние страны. Но у них не было лодки, чтобы отправиться в путешествие...

— У дедушки Михалыча есть лодка! — сообщает девочка.

Анна улыбается, продолжает:

— Однажды поднялся страшный шторм, остров оторвался от скалы и поплыл по морю...

Девочка крепче прижимает куклу. Мальчик серьезно смотрит на Анну.

— Гремел гром, сверкали молнии, а остров все плыл и плыл... Потом выглянуло солнце, и дети подумали: вот сейчас будет земля! Но прошло еще много дней и ночей, а берега все не было...

Входят мама Шура и Нина. Слушают Анну. Шура улыбается.

— Мальчику и девочке стало казаться, что удивительные страны, о которых они мечтали, — всего лишь выдумка. Но однажды утром они увидели берег...

— Тетя Аня, — спрашивает девочка. — А наш остров куда плывет?

— Никуда не плывет! — отрезает Нина, зажигая керосиновую лампу.

— Нина! — шипит Шура. — Что ты говоришь?!

— А что? Нечего детям головы морочить!

Наташа кладет Сережу в колыбель. Мальчик улыбается матери.

Нина снимает телогрейку и платок, кладет на топчан. Из рукава телогрейки падает на пол белый бумажный треугольник. Нина поднимает его.

— Я им сейчас другую сказку почитаю... — говорит она. Разворачивает письмо, читает: — «Мужу моему, Николаю Верижникову... На фронт...»

— Откуда это у тебя? Дай сюда! — требует Анна.

— Не дам!

Нина прячет письмо за спину.

Шура пытается вырвать листок, но Нина поворачивается к ней спиной и громко читает:

— «Наша корова недавно родила теленочка...»

Входит Маруся. Наташа, Анна и Шура со страхом глядят на нее.

Маруся видит Нину с листком в руке.

— «А Серафима Извекова загуляла с приезжим агрономом...» — прыскает Нина.

Маруся вырывает у Нины письмо. Молча выходит из палатки.

— Маша!

Наташа бросается за Марусей.

— Нина пойдет! — останавливает ее Шура.

Нина, небрежно пожав плечами, направляется к выходу.

Тускло светит лампочка, свисающая с потолка.

Карп складывает в ящик, стоящий на полу, папки с надписью «Личное дело № ...». Максим за столом пишет. Несколько листков уже исписаны четким ровным почерком. За окном раздается визгливый собачий лай. Максим вопросительно смотрит на Карпа.

— Пес, дурья башка... На каждую пичугу лает... — объясняет капитан.

Максим ставит точку, перечитывает написанное. Собирает листки, сгибает пополам. На верхнем видна надпись: «Рапорт». Открывает планшет. За прозрачной пленкой поверх карты вставлена фотография красивой женщины, обнимающей белокурую девочку лет трех. Обе улыбаются. Максим смотрит на снимок.

Карп подходит к столу, берет стопку личных дел. Видит фотографию.

— Жена с дочкой? — улыбается Карп.

— Не ваше дело!

Максим поспешно кладет листки в планшет.

Маруся, ссутулившись, сидит на «стуле» у тлеющего костра.

Подходит Нина. Робко дотрагивается до плеча Маруси.

— Маша...

Та сбрасывает ее руку. Поворачивает к ней залитое слезами лицо.

— Уйди!

— Прости, Маруся... Не со зла я, по дурости...

— Уходи! — повторяет Маруся.

Нина не двигается. Маруся оглядывается, видит топор, воткнутый в землю. Выдергивает.

— Зарубишь? — вызывающе спрашивает Нина. — Руби! Мне себя не жалко...

Маруся плачет. Бежит вдоль палаток, белеющих в темноте.

— Подожди! — догоняет ее Нина. — Я ж не знала про мужа твоего...

— А про кого ты знаешь? Про немцев? Как гулять с ними, пока наши мужики воюют?

Нина останавливается, говорит тихо:

— Зачем ты так...

Маруся резко оборачивается.

— Не нравится? Ты, значит, можешь правду говорить, а я — нет? Муж... Нет у меня больше мужа! — кричит она. — Никого нет!

— Тише, Маша! — пугается Нина. — Карп услышит. И офицер приезжий...

— Пусть слышат! — кричит Маруся.

— Пойдем в палатку...

— В палатку! — истерически хохочет Маруся. — Ненавижу палатки! Хуже тюрьмы...

Бросается к ближней палатке. Рубит веревки, привязанные к колышкам.

Палатка опадает, сдувается. Парусина повисает на подпорках.

— Что ты делаешь? — в ужасе шепчет Нина.

Маруся замирает, со страхом глядя на палатку, похожую на скелет, накрытый белой шкурой. Нина осторожно забирает топор, отбрасывает в траву.

— Прости меня, Маша, — шепчет она.

Маруся опускается на траву. Обхватив колени, глядит в темноту. Нина садится рядом.

— Мы с Мишей о дочке мечтали... — говорит Маруся. — Леной хотели назвать. В честь Ленина... Война, проклятая, все перепутала! Миша на фронт ушел. А меня фашисты изнасиловали и в дом терпимости сдали... для солдат... Надо было умереть! Не умерла...

Нина гладит Марусю по голове, как ребенка. Та плачет.

— А с Мишей я все время разговариваю — не вслух, про себя... Как будто все у нас, как у других: он воюет, я — жду дома, в селе нашем. И письма эти пишу. Понимаю: не отправить их отсюда и Миша их не получит... А напишу — и на душе легче становится, будто и правда мужу весточка... А ведь не знаю даже: жив ли он...

Максим сидит на кровати. Карп стелет на полу тюфяк, бросает на него серое одеяло. Другое скручивает, кладет вместо подушки.

Визгливый собачий лай.

— Вот пес дурной! — бормочет Карп.

Набрасывает шинель. Хромает к двери. Собака истерически лает. Максим, помедлив, встает. Натягивает сапоги.

Нина обнимает Марусю.

— Кому я теперь нужна? — тихо спрашивает Маруся.

— Дочке нужна, Леночке, — отвечает Нина. — Ради детей теперь живем, не ради себя...

— Ни на минуту этих баб нельзя оставить! — раздается голос Карпа. — Связывать вас, что ли, дур?!

Женщины оглядываются. Видят Карпа и Максима.

Максим поднимает топор, смотрит на разрушенную палатку, на заплаканную Марусю.

— Зайдите в комендатуру!

Карп и Максим курят за столом. Максим сжимает правой рукой черный мячик. Морщится от боли.

— Как вы это объясните, Ничипорук? — жестко спрашивает майор.

Карп затягивается. Медленно выпускает дым.

— Что тут объяснять? — горько усмехается он. — Любой бы на ее месте...

Стук в дверь. Входит Шура. Нерешительно останавливается у порога. Карп знаками показывает ей: уходи. Максим замечает эту пантомиму. Вопросительно смотрит на Карпа, затем на Шуру.

— Александра Игнатова, — подсказывает майору Карп.

— Что вам нужно? — холодно спрашивает Шуру Максим.

— Товарищ майор... гражданин начальник... — начинает Шура. — Я насчет Маши... Марии Верижниковой. Не наказывайте ее, пожалуйста... Тяжело ей...

— С врагами спать не тяжело было? — вырывается у майора.

— И я с врагом спала! — тихо, с отчаянием говорит Шура. — А что оставалось, когда детишки мои на глазах от голода пухли? Когда животики у них раздувались?

Максим молчит. Отворачивается.

— У тебя, майор, наверное, тоже дети есть...

Максим смотрит в темное окно. А Шура продолжает:

— Немцы в селе все выгребли: ни зернышка, ни морковинки... Детки мои лежали, уже головы не могли поднять... Когда я к немцам шла, об одном думала — только бы дети выжили...

Максим с силой сжимает мячик.

— Не наказывайте Машу! — просит Шура.

— Идите спать, — устало говорит Максим.

Маруся лежит на своем топчане. Рядом с ней — Леночка. Возле топчана стоят Анна, мама Шура, Наташа и Нина. Шура укрывает Машу одеялом.

— Не беспокойтесь, девочки, — просит Маруся.

— Поспи, Маша, — уговаривает ее Анна.

Леночка гладит Марусю по голове.

— Поспи, мамочка!

Маруся отворачивается. Не может сдержать слезы. Анна шепчет что-то Лене. Девочка кивает, закрывает глаза.

— Зачем этот офицер приехал? — беспокойно спрашивает Маруся. — Чует мое сердце: не к добру он тут! Ходит, высматривает...

— Глаза у него хорошие, — говорит мама Шура. — У офицера...

— Когда глаза-то успела рассмотреть? — недоверчиво фыркает Нина.

— Хорошего человека сразу видно, — отвечает Шура.

Карп и Максим без ремней и гимнастерок сидят за столом. На часах 23.50. Максим наливает в кружки прозрачную жидкость из фляжки. Залпом пьют. Максим откусывает хлеб. Карп морщится, закусывает рыбой. Жуют.

— Кем ты был до войны, товарищ майор? — прерывает молчание Карп.

— Учителем немецкого, — отзывается Максим. — В школе рабочей молодежи.

Карп уважительно качает головой.

— А ты, Ничипорук?

Карп сворачивает самокрутку.

— На заводе мастером работал. В Белгороде. Потом в НКВД попал, по рабочему призыву... Хорошее было время, до войны, — улыбается он.

— Хорошее, — соглашается Максим.

Наливают. Пьют. Жуют.

— Война, считай, кончилась, — опять улыбается Карп.

— Я в Прибалтику просился, на фронт... — с горечью отзывается Максим. — А меня сюда командировали...

Карп закуривает. Удивленно смотрит на Максима.

— Зачем тебе под пули, майор?

Максим молчит. Глядит в темное окно.

Горит керосиновая лампа. Мама Шура сидит на топчане рядом с сыном, вяжет детский носок из белой шерсти. Ребенок смотрит, как мелькают спицы в ее руках. Другие дети спят. Маруся лежит на топчане рядом с Леночкой. Задумалась. Нина пришивает пуговицу к телогрейке. Анна сидит на табурете возле печки. Наташа, держа в зубах несколько шпилек, заплетает Анне косу.

— Хватит уже, Наташа! — просит Анна.

— Еще немножечко, — не вынимая шпильки изо рта, говорит Наташа.

Шура прикалывает спицами к клубку незаконченное вязанье. Укры-

вает сына одеялом. Мальчик показывает на портрет Сталина, громко спрашивает:

— Мама, это мой папа?

— Тише, Мишенька! Пора спать! — делает строгое лицо мама Шура.

Наташа настороженно прислушивается. Анна поворачивает голову. Нина с беспокойством смотрит на Шуру и Мишу.

— Это папа? — шепчет Миша.

— Нет, — тоже шепотом объясняет Шура. — Это товарищ Сталин. Он самый главный в СССР.

Миша серьезно смотрит на портрет.

— Он — хороший?

— Самый лучший! — убежденно говорит мама Шура.

— А где мой папа?

Шура молчит. Анна, Наташа и Нина напряженно глядят на нее.

— На фронте, — наконец отвечает Шура.

Наташа укладывает косу вокруг головы Анны, закалывает шпильками, любуется.

— Красавица! — искренне говорит Шура, глядя на Анну.

— Вот и я говорю! — подхватывает Наташа.

— Ладно вам... — смущается Анна.

Нина смотрит на Анну, но молчит.

Наташа вручает Анне зеркальце:

— Любуйся!

Аня смотрит в зеркало. Улыбается.

— Девочки, — шепчет Анна. — А вот представьте: война кончится, домой вернемся...

Мама Шура мягко улыбается. Маруся опирается на локоть, тревожно смотрит на Анну. Нина перестает шить. Наташа задумчиво глядит на лампу. И шепчет:

— Я не вернусь!

— Почему? — удивляется Нина.

— У меня в Феодосии никого не осталось... Мама умерла еще до войны... Папа на фронте погиб...

— Куда ж ты поедешь? — спрашивает Маруся.

— В Москву!

Наташа садится на свой топчан.

— Так тебя и ждут в Москве! — фыркает Нина.

— А может, ждут! Я, может, хочу артисткой стать!

— Кем?! — смеется Нина.

— Артисткой! — не сдается Наташа. — Как мама... Раньше я часто представляла: стою на сцене, платье на мне такое... кремовое. Зрители аплодируют. «Браво! — кричат. — Бис!» Я, между прочим, Офелию играла! В школьном спектакле. Знаешь, как мне хлопали?!

«Одна война»

— Я тоже в самодеятельности частушки пела, — смеется Нина. — Злободневные...

Не свистят свистки на смену
Видно, лопнули трубы́,
Не ухаживай, мой милый,
Пропадут твои труды...

Наташа хмурится, кусает губы.

— Не слушай ее, Наташа! Обязательно станешь артисткой, — вмешивается Анна. — Нина у тебя еще автограф попросит!

— Поехали со мной, Наташа, — предлагает Маруся. — У нас под Курском пруды синие, и гуси в них плавают, с красными клювами... Зимой пруды замерзают, ребятишки на коньках катаются... Миша мой тоже катался с ребятней, как маленький...

Женщины внимательно слушают Марусю.

— Когда я за Мишу вышла, он меня на руках в рощу принес — пусть, говорит, березки вокруг нас хороводы водят... Они, говорит, красивые, а ты — лучше... А через месяц — война! Проклятая...

Маруся умолкает. Женщины тревожно глядят в темноту.

— Давайте спать! — объявляет Нина.

— И правда, девочки, пора уже, — подхватывает мама Шура. — Вставать рано.

Женщины ложатся, укрываются одеялами, закрывают глаза.

Тишина. Вдалеке старательно выводит песню соловей.

— Поет! — изумляется Нина.

Женщины молчат.

— Заливается! — говорит Нина чуть громче.

Молчание.

Нина встает, накидывает ватник. Поправляет одеяло своей дочке. Тихо выходит из палатки. Все открывают глаза.

— Нина извелась вся, а вы: «березки, хороводы», — упрекает мама Шура.

Наташа и Анна прыскают.

— Любит он ее, — серьезно говорит Анна.

— Любит, — отзывается мама Шура.

Нина и Карп лежат на сене в дальнем углу сарая. Голова Нины — на плече Карпа.

Поет соловей. Кажется, он совсем близко. На веревках сушится рыба. Сквозь маленькие оконца светит луна.

— Что молчишь? — ласково спрашивает Карп.

— А ничего.

В голосе Нины наигранная беззаботность.

— Скажи, — просит Карп.

— Не скажу!

Нина утыкается носом в его плечо, а он ей шутливо-угрожающе:

— Говори!

Обнимает ее. Целует в губы.

— Признавайся! — шепчет он.

Нина отстраняется, садится, обхватив колени. Карп гладит ее руку.

— Карпушка, у нас ребеночек будет... — нерешительно говорит она.

— Как это?

Он убирает руку.

— А так...

Карп молчит, глядит в темноту. Садится. Натягивает брюки.

Нина медленно встает. Берет свою рубашку.

Карп следит за ее плавными движениями... Ее грудь, бедра, гладкие черные волосы, которые она собирает в узел...

Нина надевает юбку. Обувает сапоги.

— Фрицу своему так же про ребеночка сказала? — ревниво спрашивает Карп.

Нина молчит. Накидывает ватник, берет платок. Идет к двери. Карп хватает трость, спотыкается, роняет, хромает за ней.

— Так же?! — кричит он.

Нина оборачивается. Смотрит Карпу в глаза, с трудом сдерживая слезы. Карп догоняет ее. Разворачивает, встряхивает ее.

— Говори!

Нина освобождается, отворачивается.

— Мама погибла... когда фашисты Смоленск заняли, — с усилием начинает она. — В доме нашем немцы стали жить. Нас с сестрой на чердак выгнали. Десять лет Тане... Один редко появлялся. Другой, Генрих, дома сидел. Тощий, с сигарой... Напился однажды и выломал дверь на чердак... Сестренку схватил... Пистолет в лоб наставил... Таня плачет, а он мне: идем со мной,

или я сестру твою... — Нина наставляет на Карпа палец, как пистолет. — Пах-пах! — Карп молча глядит на Нину. Она продолжает устало: — Когда наши пришли, одна женщина ребенка своего... от немца... задушила. Я тоже думала: рожу и задушу! Но увидела Верочку — и не смогла...

Карп порывисто обнимает Нину. Целует ее глаза. Гладит черные волосы. Плечи Нины вздрагивают.

— Нин... — смущенно начинает Карп. — А он меня батькой будет звать?

— Будет, — сквозь слезы усмехается Нина.

В окно льется лунный свет. Максим просыпается. Садится на кровати. Видит пустой тюфяк Карпа. Смотрит на часы: 2.15.

— Где его черти носят! — раздраженно бормочет Максим.

Встает, подходит к окну. Смотрит во двор сквозь стекло. Темнота. Зачерпывает кружкой воду из ведра, стоящего возле печки. Пьет. Закуривает. Не проснувшись еще, включает радиоприемник. Раздается торжественный голос Левитана: «Говорит Москва! Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил!»

Максим мгновенно просыпается, крутит ручки приемника, делая громче.

Над островом разносится голос Левитана: «Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования...»

Карп сидит на скамейке, запустив руки в волосы. Кажется, он вот-вот заплачет.

— Нин, послезавтра... — начинает Карп.

Голос Левитана: «...соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе...»

Нина и Карп прислушиваются, замирают. Смотрят друг на друга почти с ужасом.

— Победа? — не верит Нина. — Неужели Победа, Карпушка?

Максим в сапогах, брюках и нижней рубашке, с пистолетом в руке выскакивает из дома.

— Победа! — кричит он и стреляет в воздух.

Нина, счастливая, в распахнутом ватнике вбегает в палатку. С ней улыбающийся Карп.

— Девочки, просыпайтесь! — кричит Нина.

— С ума сошла! Детей разбудишь! — шикает на нее Анна.

— Хватит бродить, ложись! — недовольно говорит Маруся.

— Скажи им, Карпушка! — просит Нина.

Анна, Маруся и Шура поднимают головы. Тревожно глядят на Карпа. Он выходит на середину палатки. Улыбается, смотрит на женщин. Анна опирается на локоть. Мама Шура, прикрывая рукой грудь, садится на топчане. Маруся, не мигая, глядит на Карпа. Напряженная тишина. Только Наташа спит.

— Не томи, Карп Игнатьич, — просит Маруся. — Случилось что?

Карп обводит палатку торжествующим взглядом. Выдыхает:

— Победа, девоньки!

— Победа! — вторит ему Нина.

Анна и Шура вскакивают. Обнимаются. Плачут и смеются.

Наташа спит.

— Просыпайся, Наташа! — тормошит ее Анна. — Победа!

Наташа открывает глаза, ничего не может понять.

— Какая победа?

Анна, плача:

— Победа, Наташенька! Мы победили!

— Левитан по радио объявил! — счастливо добавляет Нина. — Капитуляция фашистов!

Анна и Шура бросаются обнимать Карпа. Капитан целует их.

Нина ему предостерегающе:

— Карп...

— Что ты, Нин! Победа же... — оправдывается капитан.

Старшие мальчик и девочка удивленно смотрят на матерей и Карпа. Мальчик радостно прыгает на топчане.

— Ура! Победа! — кричит он.

Женщины смеются.

Просыпается Сережа, сын Наташи. Ревет басом, испугавшись криков. Наташа подхватывает мальчика, кружит его.

— Победа! Победа, Сереженька! — шепчет она ребенку.

Маруся, сидя на нарах, беззвучно плачет.

Наташа бросается к ней.

— Что ты, Маша? Война кончилась!

Наташа обнимает Марусю, тормошит. Та улыбается сквозь слезы и, кажется, не понимает, что произошло.

— Нас простят, девочки! Я знаю, — кружится Наташа. — Домой вернемся...

Нина оборачивается к Карпу, ища подтверждения словам Наташи. Но капитан уже выходит из палатки. Нина с тревогой смотрит ему вслед.

Утро. Светит солнце. Над водой легкий туман. Максим, Михалыч и Карп плывут на лодке вдоль берега, поросшего густым лесом. Старик сидит на корме, Карп — на носу моторки. С тревогой оглядывается на остров.

Максим смотрит на карту в планшете. На ней, как и на карте Онищенко, часть реки и берега обведена красным.

Старик говорит Максиму:

— А вот скажи, товарищ майор... Баб с острова когда по домам отпустят? Врага-то нет больше на нашей земле! А детишки вырастут. Мы их воспитаем по-нашему...

Максим молчит, внимательно глядит на Михалыча.

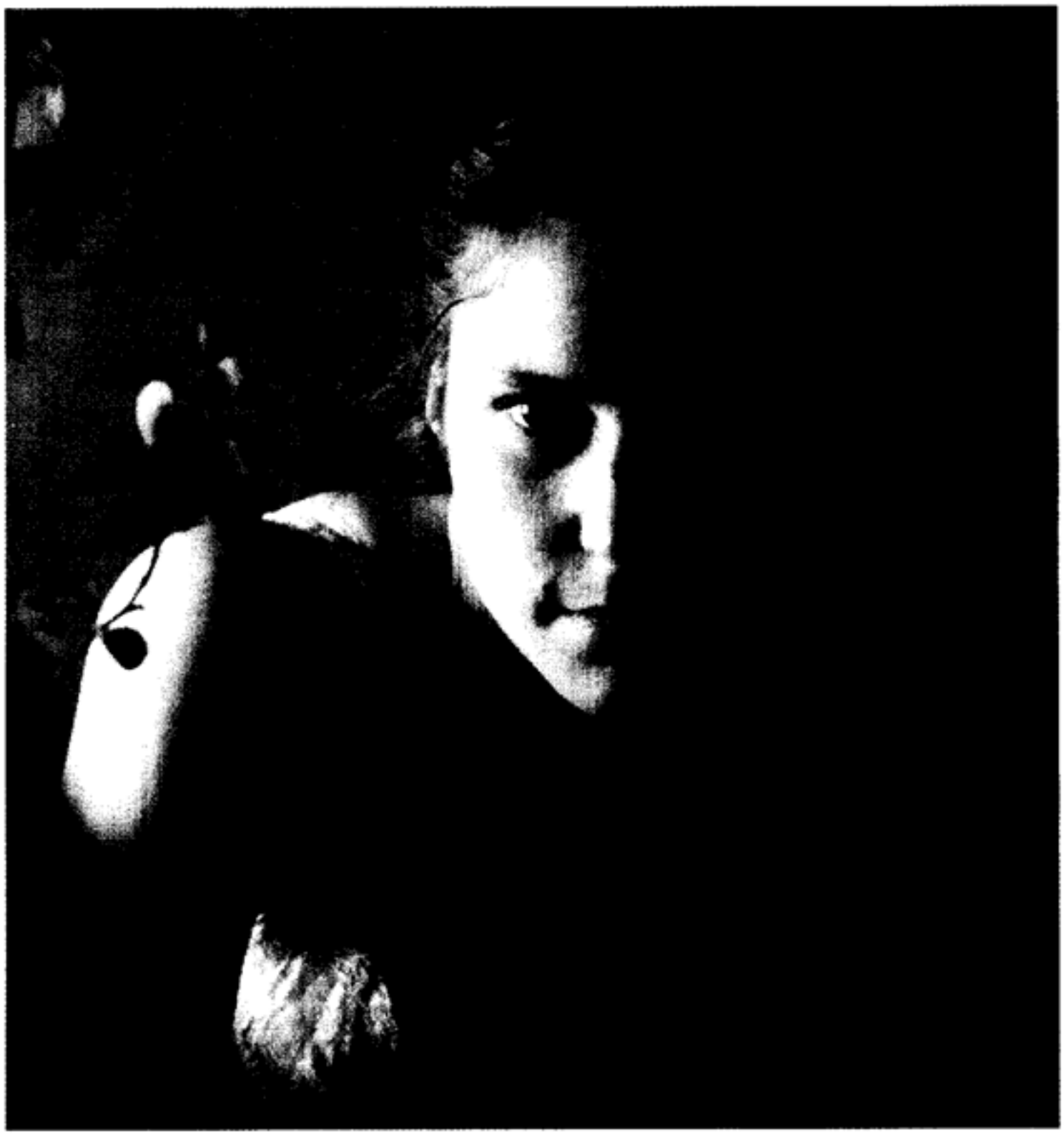
— По-советски... — уточняет старик.

Карп с надеждой смотрит на майора.

Но тот глядит на песчаную косу, уходящую в воду.

— Останови, отец, — говорит Максим старику.

Михалыч разворачивает лодку, глу-



«Одна война»

шит мотор. Максим выпрыгивает на косу. Делает пометки на карте. Карп и Михалыч глядят на него.

— Победа, Карпушка... — радостно шепчет старик.

— Победа, — улыбается Карп.

Максим садится в лодку. Спрашивает старика:

— Говорят, в тайге скит есть...

— Есть такой, — отзывается Михалыч.

— Староверы там, — подтверждает Карп.

— Далеко отсюда?

— Далековато... — отвечает Карп. — Места глухие. Болота. Если дороги к скиту не знаешь, пропадешь...

— Сколько их?

— Человек пятнадцать.

— Из тайги выходят?

— Двоих видели год назад — соль в поселке покупали и порох. До этого пару лет не выходили.

— Значит, не помешают.

Михалыч заводит мотор.

Клубы пара поднимаются над ушатом, перехваченным железным ободом. Наташа — раскрасневшаяся, в белой рубашке, с голыми руками — подливает в ушат холодную воду из ведра. Пробует воду локтем. В ушате плавает деревянная уточка.

Анна — в такой же рубашке — заворачивает в пеленку искупанного Алешу, сажает на топчан. Сережа — тоже искупанный — лежит в колыбели.

Леночка, в одеяле, свесив ноги с топчана, терпеливо ждет своей очереди мыться. Маруся — в кофте и юбке — сидит рядом с дочкой, не обращая на нее внимания.

Ушат стоит на табурете возле печки. Наташа открывает заслонку печи, подбрасывает щепки в огонь, окликает Марусю:

— Маша, все готово.

Маруся молчит. Смотрит в сторону.

— Мама! — нетерпеливо дергает Марусю за рукав Леночка.

Та не отвечает.

— Маша! — зовет Наташа.

Маруся словно не слышит. Анна дотрагивается до руки Наташи: мол, оставь ее. Наташа разворачивает Лену, передает Анне. Та сажает Леночку в ушат. Льет на плечи девочки воду из ковшика. Солнечный луч падает из окошка, озаряя Анну и Лену.

— С гуся вода, — ласково приговаривает Анна.

Девочка смеется. Услышав ее смех, улыбается Алеша. Наташа стоит рядом с пеленкой в руках.

Анна вытаскивает Лену из воды, передает Наташе, та вытирает девочку. Наташа, улыбаясь, оборачивается к безучастной Марусе.

— Маша, ты и не рада будто, что Победа...

— Рада, — хмуро отвечает Маруся.

Светит солнце. На берегу мама Шура доит козу. Тонкая струйка молока бьется о стенки ведра. Миша и Леночка пьют молоко из кружек. Анна поит Алешу. Нина и Наташа стоят у воды. Держат детей на руках. Рядом стоит Маруся. Глядят на реку. Ветер треплет юбки женщин. Наташа смотрит на темный лес на далеком берегу.

— Интересно, староверы знают про победу?

— Откуда им знать! — фыркает Нина. — Может, даже и про войну не слышали...

— Хотела бы и я так... — тихо говорит Маруся. — Ни горя не знать, ни радости...

Лодка с красной звездой на борту приближается к острову.

— Девочки, нас простят, вот увидите! — уверяет Наташа. — Разве может быть по-другому?! Победа...

Яркое солнце — над рекой. Блики на воде. В лодке — Максим, Михалыч и Карп. Трещит мотор.

Старик красиво разворачивает моторку, нацеливает ее на причал.

— Ждут девки, — улыбается старик, глядя на женщин и детей, стоящих на берегу.

Карп смотрит на Нину с ребенком на руках. Переводит взгляд на других женщин и ребятишек.

Максим отрывается от карты. Глядит на берег.

— Слушай, товарищ майор, — сбивчиво говорит Карп. — Пусть бабы отпразднуют победу! Кто знает, когда у них праздник будет...

Крутится ветряк. Ветер шевелит сухую траву. Нина идет с пустым ведром вдоль стены сарая в сторону реки. Доходит до угла, вскрикивает от неожиданности.

Карп хватает ее за руку, прижимает к стене. Целует. Нина роняет ведро.

— Сумасшедший, — смеется она, отталкивая Карпа. — Вдруг кто увидит...

Он притягивает ее к себе. Нина целует его с нежностью, которой раньше не знала. Заботливо застегивает верхнюю пуговицу его шинели, поправляет фуражку.

— Нин... — нерешительно начинает Карп.

— Что, Карпушка? — ласково отзывается она.

— Нина... — хрипло говорит Карп.

Она беспокойно глядит на капитана, пугается.

— Что?

— Уезжать вам... завтра, утром, — выдыхает Карп.

Нина смотрит на него со страхом.

— Куда нас?..

— Не знаю... Туда, где ребятишкам лучше... Где теплее...

— Что же будет? С нами...

Нина со страхом глядит на капитана. Карп крепко обнимает ее, гладит по волосам. Внезапно отстраняется, заглядывает ей в глаза, говорит с отчаянной решимостью:

— Послушай! Я за тобой поеду! Не допущу, чтобы наш ребенок в неволе рос! — Нина смотрит на Карпа, кажется, без всякого выражения. Он горячо продолжает: — А потом вас отпустят! Должны же вас отпустить! Войны нет больше!

— Как ты службу оставишь? Ты же офицер. Себя погубишь. Моя жизнь и так пропащая...

Карп обнимает ее. Дрожащей рукой гладит по голове.

Лает пес. Карп и Нина отстраняются друг от друга. Видят Максима, спускающегося с крыльца.

— Я пойду... Карп Игнатьич, — быстро говорит Нина.

— Иди... Ковалева! — хрипло отвечает Карп.

Нина медленно идет к палаткам. Пустое ведро валяется в траве.

— Не буду пока девочкам про отъезд говорить, — оборачивается она к Карпу. — Пусть у них праздник будет...

Максим сидит на спиленном дереве неподалеку от большого сарая. Делает пометки на карте в планшете. Карандаш рвет бумагу. Майор с досадой захлопывает планшет. Замечает Анну и маму Шуру. Анна поднимается по деревянной лесенке, прислоненной к стене сарая, — наверху под навесом сложены рабочие инструменты. Шура придерживает лестницу. Майор задерживает взгляд на Анне, которая медленно ступает по гладким перекладинам. Ветер развевает ее волосы. Она останавливается, убирает волосы под платок, улыбаясь, что-то говорит Шуре. Анна уже на верхней ступеньке лестницы. Порыв ветра слегка приподнимает ее юбку, и Максим видит ее стройные ноги. Анна, смеясь, придерживает юбку. Передает Шуре двуручную пилу. Почувствовав взгляд майора, оборачивается. Максим поспешно отводит глаза.

Светит солнце. На берегу Анна и Наташа пилят бревно двуручной пилой. Мама Шура сбивает стол из досок. Нина топором обтесывает будущую ножку стола. Нина выглядит расстроенной.

В палатке Наташа закалывает прическу Анны. Быстро расчесывается, смотрится в зеркальце. На Анне платье в цветочек, Наташа в желтой кофточке. Нина — в голубой шали, накинутой поверх ватника, — стараясь не шуметь, несет к выходу котелок, откидывает полог, передает котелок Марусе.

Шура, одетая в простое темно-синее платье, заботливо укрывает спящих детей. Сын Анны и Леночка, дочь Маруси, спят на топчанах. Дочка Нины и Сережа, сын Наташи, сладко посапывают в колыбелях.

Анна, Наташа, Нина, Шура и Маруся сидят за столом. Дует ветер, но женщины не застегивают телогрейки. Неловкое молчание. Не знают, с чего начать и что говорить...

На столе — вяленая рыба, котелок с вареной рыбой, пустые тарелки, ложки. В бутылке — тонкие веточки с нежно-зелеными листьями, тревожно дрожащими на ветру.

Нина бросает взгляд в сторону палаток. Улыбается. Делает знак остальным женщинам, чтобы обернулись. Видят старших детей — Леночку и Мишу. Лена в пальтишке наизнанку и в развязанном платке. Миша в фуражке козырьком назад, в распахнутом пальто. Женщины прыскают, переглядываются. Делают серьезные лица.

— Почему дети не спят? — строго спрашивает ребятишек Шура.

Лена и Миша молчат, насупившись. Наташа переодевает Леночке пальто, повязывает платок.

— Пусть остаются! — говорит Наташа, усаживая Лену на скамейку.

Мальчик радостно улыбается, быстро забирается на колени к Шуре. Та застегивает ему пальто, поворачивает фуражку. Хромая, подходит Карп. Кладет на стол фляжку и полбуханки хлеба. Украдкой смотрит на Нину. Отводит глаза. Достает из кармана несколько кусков сахара. Кладет на стол. Подмигивает Леночке и Мише. Хромает к дому.

— Спасибо, Карп Игнатьич, — говорит ему Шура.

Карп на ходу машет рукой: не стоит, мол. Нина с тревогой глядит ему вслед. Мама Шура берет фляжку. Отвинчивает крышечку. Поднимает фляжку.

— За Победу!

Делает глоток. Морщится. Передает фляжку Анне.

— За товарища Сталина! — говорит Анна, пьет, отдает фляжку Марусе.

— За наших солдат! — говорит Маруся, делает глоток, передает фляжку Наташе.

Та медлит, смотрит на женщин. Робко спрашивает:

— А можно за любовь?

Все молчат.

— Нельзя?

Нина в волнении кусает губы.

— За любовь! — с наигранным весельем подхватывает Нина.

Наташа делает глоток. Кашляет.

— Запей.

Анна, улыбаясь, протягивает Наташе кружку.

— За наших детей! — говорит Нина, поднимая фляжку.

Леночка и Миша грызут сахар.

— Мама, скоро мы домой поедем, к моим братику и сестричке? — громко спрашивает Миша.

— Скоро, — отвечает Шура.

— Сколько им уже? — поспешно спрашивает Нина.

— Танюша в третьем классе, а Коле на следующий год — в училище... Поезда будет водить. Маленький еще был, увидит поезд, ручонки тянет, ревет басом... — с гордостью рассказывает Шура, но вдруг тревожится: — А может, будут теперь матери стесняться...

Женщины молчат, не зная, что сказать. Нина достает из кармана расческу и обрывок газеты. Играет губами на расческе довоенный фокстрот. Женщины переглядываются. Наташа вскакивает, подходит к Анне, изображая кавалера, галантно склоняет голову. Анна встает, приседает, принимая приглашение на танец. Нина играет на расческе. Анна и Наташа танцуют. Танцуют и Маруся с Шурой. Леночка и Миша смеются, глядя на танцующих.

Миша, расставив руки, падает в сухую траву.

Максим и Карп сидят на ступеньках крыльца. Курят. Украдкой поглядывают на танцующих женщин.

Максим смотрит на Анну. Та, заметив его взгляд, вспыхивает, отводит глаза.

— Ох, и потанцевал я до войны! — улыбается Карп. — Прижмешь, бывало, дамочку и ведешь ее по танцплощадке... — С досадой бьет тростью по ступеньке. — Оттанцевался...

Максим делает глоток из фляжки, передает Карпу.

— А ты любил танцевать, майор? — спрашивает Карп.

— Нет, — отзывается Максим.

— Ты и не рад будто, что Победа...

Карп испытующе смотрит на майора.

— Рад.

Анна, Шура, Нина, Наташа, Маруся сидят за столом на берегу.

Котелок с рыбой наполовину пуст. Леночка и Миша бросают камешки в воду. Шура поглядывает на детей. Женщины притихли, задумались.

— Спой, Наташа! — просит Анна.

— Не умею я, — смущается Наташа.

— А еще артисткой хочет стать! — подзадоривает Нина.

Наташа решительно встает, выходит на полянку.

— «Красавица и капитан», — голосом конферансье говорит она.

Женщины переглядываются, улыбаются.

Наташа поет:

Море голубое,
Шаловливая волна.
Время золотое,
Двадцать первая весна.
Где на пляже двое,
Неизбежен там роман.
Спорили с волною
Красавица и капитан.

Голос у Наташи звонкий, чистый. Женщины, улыбаясь, слушают. Дети подбегают к столу. Удивленно смотрят на Наташу.

Плавали, ныряли,
Кувыркалися в воде.
Капитан едва ли
Мог подумать о беде.
Кончили купаться,
Их на брег несет волна.
Просит он свиданье,
Улыбается она.
Девушка оделась,
На нее он бросил взор.
Вдруг пропала смелость -
Красавица была майор!

Наташа берет у Миши фуражку. Надевает ее, когда поет за капитана. Реплику майора поет без фуражки.

— Ах, простите, я не знал!
— Ну, и что же, капитан.
— Я пред вами был нахал!
Разрешите мне идти?
— Нет, зачем же, капитан,
Несмотря, что я — майор,
Мы продолжим разговор...

Дети смеются. Женщины улыбаются.

Море голубое,
Шаловливая волна.
Небо золотое,
Двадцать первая весна.
Где на пляже двое,
Неизбежен там роман.
Спорили с волною
Красавица и капитан.

Наташа кланяется. Нахлобучивает Мише фуражку козырьком назад. Мальчик поворачивает фуражку. Женщины аплодируют.

Максим и Карп сидят на ступенях крыльца. Максим с силой сжимает черный мячик.

— Зачем тебе в Эстонию? — спрашивает Карп.

Максим отвинчивает крышку фляжки, долго пьет, словно там не водка, а вода.

— Концлагерь Клоога... Слышал про такой? — наконец говорит он.

— Не слышал.

— Местные его охраняли. Женщины были в лагере и ребятишки... Когда фашисты отступали, расстреляли всех... А охрана в леса ушла... Я этих нелюдей...

Сумасшедший треск мотора. Из будки выскакивает пес, истошно лает.

Максим и Карп глядят на реку. Лодка со звездой на борту пересекает солнечную дорожку, выводит пьяные зигзаги. Кажется, она проскочит мимо острова.

Максим встает, смотрит на реку.

— Промахнется, — усмехнувшись, предсказывает он.

— Попадет, — отзывается Карп.

Михалыч с бутылкой мутной жидкости в руке, пошатываясь, подходит к столу. Старик принарядился: на нем пиджак и новый картуз.

— Хозяйка не отпускала, — заговорщицки сообщает женщинам старик. — Насилу сбежал...

— Боялась, что сороки унесут, — задорно замечает Нина. — В гнездо...

Женщины смеются. Старик поворачивается к Нине. Склоняет голову набок, любуется.

— Ой, Нина-Нина, шея лебедина...

— Михалыч, когда ж ты набраться-то успел? — укоризненно спрашивает Шура.

— Долго ли... Победа, девоньки!

— Садись с нами, дедушка, — приглашает его Наташа, пододвигаясь.

Михалыч грохает бутылку на стол.

— А что ж не сесть? Вот и сяду!

Пристально смотрит на Нину.

— Давай, Нина, поцелуемся! В честь Победы!

— Что ж не поцеловаться! — в тон ему отзывается Нина. — Тут, на острове, и дед царевичем покажется!

Михалыч приосанивается. Женщины смеются.

— Сердце-то у тебя выдержит? — задорно спрашивает Нина. — А вдруг помрешь от моего поцелуя?! Что я старухе твоей скажу?

— А что старуха? Не мужик я, что ли?! — взвивается Михалыч. — Целуй, кому говорю!

Нина встает, медленно подходит к старику. Смотрит ему в глаза. Целует. Михалыч падает.

Анна, Нина, Наташа, Шура и Маруся склонились над Михалычем, лежащим на траве.

Миша сидит на корточках, внимательно глядя в лицо Михалыча.

Леночка робко выглядывает из-за материнской юбки.

— Умер? — со страхом спрашивает Наташа.

— Михалыч, — тормошит его испуганная Нина. — Родненький!

Миша травинкой щекочет нос старика. Михалыч морщит нос.

— Расступись! — слышится голос Карпа.

Женщины отступают. Карп и Максим смотрят на Михалыча. Переглядываются.

Старик поворачивается на бок. Улыбается во сне.

— Красавец! — усмехается Карп. — Вставай, Михалыч!

Тормошит старика. Тот отмахивается.

— Не трожь меня, Нина... поступь журавлина...

Карп приподнимает Михалыча, закидывает его руку себе на шею. Старик открывает глаза, пьяно улыбается.

Карп насмешливо глядит на Нину.

— Помоги, что ли...

Нина подставляет Михалычу плечо. Вместе с Карпом ведет Михалыча к сараю. Анна, Наташа, Маруся, Шура и Максим некоторое время глядят им вслед.

Миша и Леночка, подняв головы, с интересом рассматривают офицера. Миша замечает черный мячик в руке Максима.

Теперь и женщины молча смотрят на майора. Словно ждут, когда он скажет им что-то очень важное.

Максим, испытывая неловкость от этих взглядов, слишком сильно сжимает мяч. Мячик выскальзывает и падает в траву. Мальчуган поднимает его.

— Миша, отдай дяде мячик, — говорит Анна.

Мальчик послушно протягивает мяч Максиму, но, застеснявшись перед незнакомым человеком, вручает мячик Анне и прячется за ее юбку.

— Что же ты? — улыбается Мише Анна. — Испугался?

Анна отдает мяч Максиму. Их руки встречаются. Максим, неожиданно смутившись, поспешно прячет мячик в карман. Анна, заметив его нелов-

«Одна война»

кость, вспыхивает. Максим поворачивается, собираясь уйти. Маруся и Шура переглядываются.

— Может, присядете с нами, товарищ майор? — робко спрашивает Маруся.

— Нет, — поспешно отвечает Максим.

— И то верно, — усмехается Маруся. — Чего с нами за стол садиться? Кто мы такие?

— Маша! — шикает на нее Анна.

Леночка испуганно прижимается к матери. Маруся берет ее на руки.

— Девочки, к чему мы это все устроили? — горько продолжает Маруся. — Праздник у нас! Война кончилась, а нам-то что? Мы же — враги! Даже хуже — вражьи подстилки! — Она истерически смеется. — А нас ведь и нет среди живых! Сидим, ждем, когда отправят в другое место... Что за место? Лагерь? Тюрьма?

Женщины и дети молчат, с ужасом глядя на нее.

Ветер колышет траву. Машет крыльями ветряк.

Максим идет к дому.

— Только в реку нам отсюда дорога! — кричит ему вслед Маруся.

Идет к реке с Леночкой на руках.

— Маруся, ты что? — окликает ее Анна.

Маруся бежит к реке.

— Маша, вернись!

Максим останавливается. Смотрит на Машу с ребенком. Карп и Нина, идущие со стороны сарая, тоже видят ее.

— Маруська, стой! — кричит Карп.

Маруся с Леночкой на руках входит в воду. Девочка плачет.

— Выходи, дуреха! Вода ледяная! — кричит Карп.

Анна догоняет Марусю.

— Маша, успокойся!

Маруся останавливается. Плачет Лена, тянет руки к Анне.

— Что смотрите?! — кричит Маруся женщинам. — Размечтались, как дуры: домой вернемся! Не вернемся! Сгноят нас... Сожрут с потрохами, псы паршивые! И деток малых не пожалеют!

— Что ты говоришь, Маша! — с ужасом шепчет Наташа.

Маруся протягивает ребенка майору.

— На, ешь дитя мое невинное! Ешь Леночку!

Анна отнимает Лену у Маруси. Девочка обнимает Анну, со страхом глядит на мать. Маруся бредет по воде от берега.

— Не дури, Маруська! — кричит Карп.

Маруся оборачивается.

Майор с силой сжимает черный мячик.

— Сестер своих, жен не смогли защитить! — плачет Маруся. — Жалеть хотя бы научитесь! Ребятишек пожалейте!

— Вернись, дуреха! Стрелять буду! — орет Карп, выхватывая пистолет.

— Стреляй! Немцы грозили убить, а теперь свои... Чем вы-то лучше?!

Карп стреляет в воздух.

Маруся оступается. Падает в воду. Течение подхватывает ее, несет от берега. Маруся пытается сопротивляться, но река сильнее. Мокрая одежда тянет на дно. Ледяная волна накрывает Марусю.

— Маша! — кричит Наташа.

Максим бросает черный мячик в траву. Снимает сапоги, ремень, сбрасывает гимнастерку. Бросается в реку. Быстро плывет, подгоняемый течением. Голова Маруси, мелькнув над водой, скрывается. Максим ныряет.

Анна, Наташа, Карп и Нина напряженно глядят на реку.

Шура, оглядываясь, уводит с берега заплаканную Лену и Мишу. Дети идут, держась за руки мамы Шуры. Но вдруг Леночка вырывает руку, бежит к женщинам, стоящим на берегу. Хватается за юбку Нины. Нина берет Лену на руки. Гладит по голове. Бережно прижимает к груди. Поворачивает голову девочки, чтобы та не смотрела на реку.

Максим выталкивает Марусю на поверхность. Медленно плывет к берегу. С трудом тянет за собой неподвижное тело Маруси. Хватается за корягу, торчащую из воды. Ветка отрывается. Максима и Марусю несет река...

Анна и Наташа бросаются к причалу, где привязана лодка Михалыча.

За ними, торопясь, хромает Карп.

Анна и Наташа — в лодке. Анна заводит мотор. Карп спешит к мосткам. Ему еще далеко до моторки. Лодка, взревев, отплывает.

Максим хватается за борт лодки с красной звездочкой на борту. Тянет за собой неподвижную Марусю.

— Маша, — плачет Наташа.

Анна и Наташа затаскивают Марусю в лодку. Максим помогает.

Анна протягивает руку Максиму. Помедлив мгновение, он хватается за ее руку. Женщины с трудом втаскивают его в моторку.

Наташа дрожащими руками убирает мокрые волосы с лица Маруси, лежащей на траве.

— Машенька, — плачет она.

Глаза Маши закрыты.

Анна и Нина плачут. Карп обнимает обеих.

— Что ж ты, Маруська, наделала? — хрипло говорит он. — Дура...

За кадром звучит голос Маруси:

Белою пташечкой
Ой, да вернуся.
Сложу свои крылышки,
Оземь разобьюся...

Максим в мокрой одежде, шатаясь, бредет к дому.

Закат. Несколько могильных холмиков с деревянными табличками: «Елена Григорьева (1925—1945)», «Ирина Яковчук (1927—1944)», «Володя Смирнов (1944—1945)»... Ветер клонит к земле сухую траву.

У свежего холма с табличкой: «Мария Верижникова (1922 — 9 мая 1945 года)» стоят Нина, Шура, Наташа и Анна. Ветер развевает юбки и волосы женщин.

Анна держит за руку Лену. Девочка прижимает к груди тряпичную куклу. Женщины вытирают слезы.

Карп сколачивает крест. Втыкает его в землю. Леночка утыкается носом в юбку Анны. Наташа вытаскивает из кармана платок, разворачивает, достает образок, вешает его на крест.

Красные лучи солнца падают на образ Богоматери с Младенцем.

Женщины медленно спускаются с холма. За ними хромает Карп с лопатой на плече. Леночка вырывает руку. Бежит к могиле. Все останавливаются, глядят на девочку. Лена сажает рядом с холмиком тряпичную куклу. Возвращается к Анне. Все спускаются с холма. Нина забирает у Карпа лопату.

Максим в нижней рубашке и кальсонах сидит за столом. Делает пометки на карте. На печке сушатся его брюки, гимнастерка и портянки. Максим смотрит на часы: 21.00. Встает, растирает ногу. Прихрамывая, подходит к радиоприемнику. Крутит ручку. Раздается голос Сталина: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией...»

Вечер. На берегу. Заплаканные Анна, Нина и Шура молча собирают тарелки со стола.

Из громкоговорителя звучит голос Сталина: «Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой... С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»

Женщины замирают.

Над островом разносится голос Сталина: «Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!»

Нина в волнении теребит кончик платка. По щекам Анны текут слезы. Шура обнимает ее.

Звучит речь Сталина: «Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»

— Одна война? — горько спрашивает Нина.

За окном темно. На часах 21.55. Максим в нижней рубашке и кальсонах сидит за столом. Курит. Карп курит у окна.

— Я знаю, ты не можешь это сказать, — хрипло говорит он Максиму. — Намекни только, майор... Их не на поселение отправляют... не в теплые края, а в лагерь? И детишкам — одна дорога — в казенный дом?

Максим молчит. Пристально смотрит на капитана.

— К черту! — взрывается Карп.

— Не кричи...

— Все к черту! — Карп смахивает со стола кружки. — Я готов за этих баб

и детишек голову положить! Пусть меня трибунал судит!

Максим говорит тихо:

— Моих... жену и дочь в концлагере расстреляли, в Клооге... Дочке семи лет не было... А эти с врагами в постели валялись...

— Одна война... Одно горе...

Максим кричит:

— Горе, ты сказал?! Ты знаешь, что такое горе?

Карп молча смотрит на Максима. Тот отводит глаза, отбрасывает планшет.

— Нашел, кого защищать! Ты хоть понимаешь, чем это лично тебе грозит?! Трибунал! Сначала успеешь сознаться, что ты американский шпион... Или английский! Или оба сразу. А потом будет трибунал... Если доживешь...

Карп молчит. Потом тихо отвечает:

— Что же им — на шахтах гнить? Ты же видишь, они настоящие, наши... Никакая грязь к ним не липнет. Ты же видишь...

— Ты не можешь им помочь! — жестко говорит Максим. — Ничем. И я не могу. Долг это наш... перед Родиной. Ей, капитан, слабые не нужны. Мы с тобой — солдаты. Понимаешь, Ничипорук?

Карп молчит, автоматически крутит ручку радио. Раздаются залпы победного салюта с Красной площади.

— Капитан Ничипорук, вам понятно?

— Так точно, товарищ майор.

— В девять утра придет лодка. Скажите... ссыльным.

Залпы салюта по радио.

Ночь. Карп сидит на траве на берегу. Рядом лежит его трость. Капитан курит, глядя на темную воду, посеребренную лунным светом. Сухая трава тревожно колышется. Карп затягивается. С отчаянной силой запускает руку в траву, выдергивает из земли высохшие стебли.

Черный мячик, подпрыгнув, катится к воде. Карп поднимает его. Глядит на черный лес за рекой. С силой бросает мячик в реку. Хромая, поднимается на холм.

За окном палатки темнота. Анна с сыном на коленях. Шура, Миша и Леночка сидят на ближнем к выходу топчане. Нина и Наташа — на соседнем. Держат, тихонько покачивая, своих детей, завернутых в серые одеяла. Женщины — в платках, ватниках и сапогах. Миша — в пальто и фуражке, Лена — в пальтишке и платке. Сын Анны — в курточке с подвернутыми рукавами и буденовке.

Входит Карп. Все тревожно глядят на него.

— Пора! — говорит капитан.

Утренние сумерки. Нина, Анна и Наташа с детьми на руках спускаются с холма к реке. За ними — Шура. Она несет Мишу и Леночку. Последним, оглядываясь, хромает Карп.

— Быстрее! — торопит он женщин.

Нина спотыкается. Ее ребенок заходится в плаче. Услышав детский крик, лает пес в будке. Все в страхе переглядываются.

— Быстрее! — повторяет Карп.

Нина на ходу укачивает девочку. Плач прекращается. Карп пропускает женщин вперед.

— Мама, куда мы идем? — громко хнычет Миша.

Шура зажимает мальчику рот.

Голос Михалыча (*за кадром*). Люди говорят, есть в тайге, за болотами, озерцо... На берегу — скит: часовенка деревянная и три избы. В каждой — по семье. Кормятся рыбой, капканы на зверя ставят, ну и ягоды-грибы...

За окном лает пес. Максим просыпается. Видит пустой тюфяк, расстеленный на полу. Вскакивает. Торопясь, одевается. Натягивает сапоги. Срывает с гвоздиков у двери шинель и фуражку. Выбегает из дома. Быстро идет в сторону сарая. Возле собачьей будки замечает детский ботинок. Поднимает. Торопится к белым палаткам. Жалобно скулит пес. Майор откидывает полог палатки. Топчаны и колыбели пусты. На полу валяется скомканный платок. С фотографии, приколотой в «красном» углу, смотрит Сталин. Максим выхватывает пистолет, бежит к берегу.

Утренние сумерки. Туман над водой. В лодке с красной звездой на борту лежит коза со спутанными ногами. Свер-

нутые одеяла, котелок, ведро... На веслах сидят Шура и Карп. Нина с дочкой на руках осторожно садится в лодку. Анна, стоящая на берегу, подсаживает Мишу. Помогает Наташе, которая держит завернутого в одеяло Сережу, забраться в моторку. Анна протягивает руку Лене, стоящей возле лодки.

— Пойдем, Леночка.

Девочка не двигается.

— Иди ко мне, — ласково говорит Анна.

— Хочу к маме! — глядя на холм, всхлипывает Лена. — Где моя мама?

Девочка, плача, бежит к холму. Анна бросается за ней. Резко останавливается при виде майора, сбегающего с холма с пистолетом в левой руке.

Карп в лодке встает и тоже достает пистолет.

Леночка бежит навстречу Максиму. Тот останавливается. Девочка бросается к нему, хватается за полу его шинели. Утыкается в нее лицом. Максим неловко гладит девочку по голове негнущейся правой рукой. Берет Лену на руки. Девочка кладет голову ему на плечо. Майор бережно прижимает ее к груди.

Карп убирает пистолет в кобуру. Садится. Запустив руки в волосы, опускает голову.

Максим и Анна, глядя друг на друга, стоят на берегу.

Ветер бросает волосы в лицо Анне. Развевает полы шинели офицера, держащего на руках девочку.

Наташа, Нина, Шура встают, собираясь выйти из лодки.

Максим опускает Леночку на землю. Наклоняется, что-то шепчет ей, легонько подталкивает ее к Анне. Убирает пистолет в кобуру, поворачивается и уходит к холму.

Девочка растерянно идет к Анне.

Из сарая, пошатываясь, выходит Михалыч. Берет ведро, стоящее у стены, жадно пьет воду. Нетвердым шагом направляется в сторону холма. Видит лодку с красной звездой на борту, отплывающую на веслах от берега. Мгновенно трезвеет.

— Эй, не балуй! — волнуется старик.

Торопится к берегу. Останавливается. Удивленно глядит на Максима, медленно поднимающегося на холм. Затем — на свою лодку, в которой сидят четыре женщины, пятеро детей и Карп.

Максим поднимается на холм. Дошел до середины.

Ветер колышет сухую траву. Она гнется, но не ломается.

Плеск весел. Максим останавливается, оборачивается.

Лодка все дальше отходит от берега.

Люди в лодке с красной звездой на борту глядят на Максима, застыв, как на картине. Анна, обнявшая сына. Серьезная Наташа, прижимающая к груди Сережу, завернутого в одеяло. Миша в фуражке без кокарды, сидящий рядом с Ниной: одной рукой она прижимает к себе дочку, другой — Леночку. Шура и Карп — на веслах.

Белая голубка, пролетев над водой, садится на нос лодки.

Слышится треск мотора. Максим оглядывается. С другой стороны острова приближается военный катер.

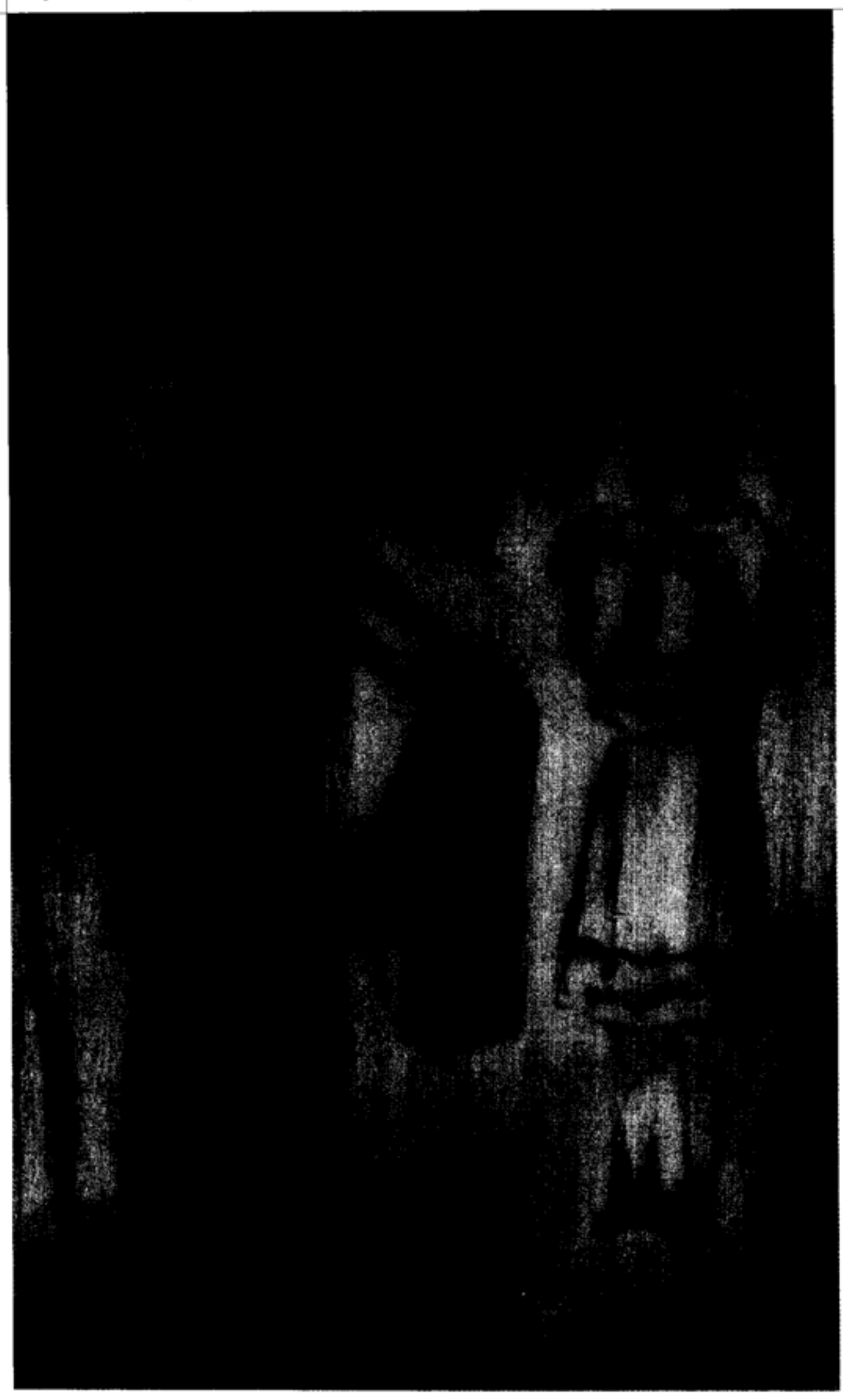
Максим садится на траву. Достает портсигар. Не торопясь, выбирает папиросу. Внезапно наступает тишина.

Голос за кадром. Майор НКВД Максим Прохоров арестован в мае 1945 года. В ноябре того же года приговорен к десяти годам тюремного заключения. В 1949 году умер в лагере от туберкулеза.

Майор щелкает зажигалкой.

Голос за кадром. С 1945 по 1963 год на острове располагалась учебная часть морской пехоты Северного флота.

Максим прикуривает. Глядит на лодку с красной звездочкой на борту, медленно уходящую в туман.



«Люди как братья, пантеры как кошки», режиссер Марат Магамбетов. Эскизы Светланы Филипповой

МАРАТ МАГАМБЕТОВ, СВЕТЛАНА ФИЛИППОВА

Люди как братья, пантеры как кошки

Склон горы, которую огибает неширокая каменистая дорога. Ниже по склону, за деревьями шумит горная река.

Выше, над дорогой, на большом валуне сидят два пацана лет по тринадцати. Это Баха (высокий, нескладный, сутулый) и его приятель Бока (маленький, вертлявый, с большими ушами).

Далеко на дороге показался прохожий. Баха и Бока внимательно за ним наблюдают. Прохожий наконец оказывается прямо под ними.

Б о к а. Эй, ты! Куда идешь?!

Прохожий, задрав голову, ищет их взглядом, находит.

П р о х о ж и й. Сопляк, ты с кем это так разговариваешь, а?

Б о к а. С тобой, придурок! Я спрашиваю, ты куда идешь?

П р о х о ж и й. Ну, щас я залезу, уши тебе оторву!

Мужик топчется на месте, но лезть не спешит.

Б а х а. А бегать ты умеешь?

П р о х о ж и й (*растерянно*). Ну умею, а что?

Б а х а. Ну тогда беги!

И оба толкают ногами булыжники вниз по склону. Камни летят, цепляя другие камни, превращаясь в лавину.

Мужик, матерясь, срывается с места и убегает. Пацаны хохочут.

Баха в одних трусах стоит в воде, держась за камень. Заорав, решительно окунается с головой в ледяную воду. Бока, мокрый и трясущийся от холода, сидит на берегу, начинает считать: «Раз! Два! Три!..» На «восемь» Баха выскакивает из воды.

Б а х а. Мама! Мамочка! А! Умираю! (*Садится рядом с Бокой, подставив спину солнцу. Говорит, стуча зубами от холода.*) Не, скажи, зашибись!

Марат Магамбетов — кинорежиссер, кинодраматург. Окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Н.Джорджадзе, И.Квирикадзе, А.Сиренко). Поставил короткий игровой фильм «Nisi Dominus» (1994). Снял два документальных фильма в соавторстве с Сергеем Лозницей: «Сегодня мы построим дом» (1995), «Жизнь, осень...» (1998), собравших множество отечественных и международных наград. Работал по заказу и при поддержке телеканала ARTE и зарубежных фондов. Его документальный фильм «Дороги» участвовал в Берлинском МКФ-2002. Автор сценариев «Люди как братья, пантеры как кошки» (с С.Филипповой), «Мой милый Августин», «Общество любителей Достоевского». В «Искусстве кино» публикуется впервые.

Светлана Филиппова — режиссер-мультипликатор, художник, кинодраматург. Окончила Высшие курсы сценаристов и режиссеров (1997, мастерская Ф.Хитрука, Ю.Норштейна, Э.Назарова, А.Хржановского). Режиссерский дебют — анимационный фильм «Ночь пришла» (1998) — отмечен международными наградами, как и «Сказка Сары» (2006). Последняя анимационная работа — «Три истории любви» (2007). Создала несколько графических циклов и иллюстраций к прозе, в частности, к книгам А.Платонова и Л.Улицкой. В «Искусстве кино» публикуется впервые.

Б о к а. Классно.

Б а х а. Ну что, пора?

Бока кивает, и они начинают одеваться.

Баха и Бока, вопя, катятся на велосипедах по горной дороге. Вразнобой орут песню: «Помоги, помоги, я солдат твоей любви!»

Спрятав велосипеды в кустах, Баха и Бока лезут вверх — там, метрах в тридцати над дорогой, торчит скала, исписанная теми, кто смог туда добраться: «Здесь был...», «ДМБ...», «Витек из...»

Бока достает из рюкзака баллончик с краской и моток веревки.

Б о к а. Ну что, как договаривались? Не боишься?

Б а х а. Кто? Я? Давай веревку.

Баха обвязывает себя веревкой вокруг пояса, берет краску и вразвалочку идет к краю скалы. Бока садится на землю и наматывает другой конец веревки на руку. У края скалы Баха ложится на живот и ползет вперед.

Б о к а. Эй, ты что делаешь? Зачем вниз головой?

Б а х а. А мне так удобнее. Я зато ногами цепляться буду.

Над краем скалы торчат только ноги Бахи, которыми ему, в общем-то, и зацепиться не за что. Бока натягивает веревку.

Б а х а. Бока, отпусти чуть-чуть! Ниже!

Бока, упираясь ногами в землю, отматывает веревку. Баха опускается ниже, его ноги уже болтаются в воздухе. Бока отпускает еще, и его начинает тащить по земле к краю.

Б а х а. Бока, ты чё! Держи!

Бока упирается ногой в торчащий из земли камень. Баха зависает. Встряхивает баллончик и пишет на скале. С ужасом смотрит вниз: земля там усыпана острыми обломками. Торопливо дописывает.

Б а х а. Бока, тяни!

Бока изо всех сил тащит веревку. Нога его срывается с камня, и его снова тащит к краю.

Бока, вопя и поднимая пыль, скользит к краю. Баха, зажмурившись и вопя, опускается все ниже и ниже. Вдруг он упирается головой в землю. Одновременно Бока останавливается на самом краю. Веревки как раз хватило на высоту скалы.

Б о к а. Баха, я держу тебя!

Б а х а (*сдавленным голосом*). Отпусти, Бока!

Б о к а. Нет, ни за что!

Б а х а. Отпусти, дурак, я уже на земле!

Бока сматывает с руки веревку и бросает вниз. Баха падает.

Бока спускается вниз.

Б о к а. Баха, брат, ты как? Я чуть не умер за тебя!

Баха, с лицом в мелких брызгах краски, стоит и задумчиво смотрит наверх. Бока смотрит туда же.

На скале написано: «БАХА БОК», но вверх ногами.

Б о к а. Ну ты и дурак! Ты что сделал? А мне вообще букву не дописал! Ты чё, Баха, гонишь? Ты что сделал?!

Б а х а (*глядя вверх, уныло*). Я что-то не подумал... Бока, давай перепишем.

Б о к а. Перепишем! Да пошел ты!

Бока вскакивает на велосипед и, остервенело давя на педали, едет по склону к асфальтовой дороге. Чуть не сталкивается с человеком, стоящим там в ожидании автобуса. Им оказывается тот самый мужик, который убегал от камнепада. Мужик сразу узнает его и хватает за ухо, пригибает к земле.

М у ж и к (*радостно*). А-а, сопляк! Я же говорил, уши поотрываю! Я же говорил!

Б о к а. Ой, дяденька, пустите, это не я! Меня там не было! Больно!

Мужик продолжает радостно крутить Бокино ухо.

К дороге съезжает Баха. Увидев происходящее, подлетает к мужику и направляет ему в лицо баллон с краской.

Б а х а. Пусти, пусти! Щас покрашу! А ну! Пусти!

Мужик, оторопев, отпускает Боку. Пацаны вскакивают на велосипеды и несутся вниз. Мужик какое-то время бежит за ними, что-то крича.

Б о к а. Баха, молоток! Здорово ты его!

Б а х а. Надо было его покрасить! Прикинь, какой бы он стал белый!

Хохоча и крича, они катятся вниз, туда, где синеет в дымке город. Орут: «Помоги, помоги, я солдат твоей любви!»

Баха и Бока несутся по дороге — мимо деревьев, холмов и домиков на окраине города. Пролетают мимо машин, людей, витрин в центре города, вдоль каскадов, по улицам старого района около парка, по аллеям старого парка — мимо аттракционов, детских площадок, мимо озера.

Семнадцатилетний Тимур (среднего роста, худощавый, интроверт) и его друг Борис (светловолосый, голубоглазый, общительный) гуляют в парке у озера. Борис время от времени бросает палку своему псу Капитану.

Т и м у р. Представь себе, ты никогда не бываешь один. Всегда на тебя смотрят, тебя слушают. Ты чувствовал это когда-нибудь?

Б о р и с. Капитан, апорт! (*Тимуру.*) В смысле?

Т и м у р. Ну, все вокруг живое. Вот ты смотришь на дерево, а оно смотрит на тебя. Или вот — ты говоришь, а стены слушают тебя, и ты для них, как шум ветра, понимаешь?

Б о р и с (*смеется*). Ну, это фантастика. Ты теперь не только стихи пишешь?

Т и м у р. Нет, ты не понимаешь... я это вдруг стал чувствовать... поэтому смерти нет, просто уходишь в листья, в воду или в ветер.

Б о р и с. Капитан, ко мне! (*Тимуру.*) Или вот становишься собакой, да?

Т и м у р. И собакой. (*Останавливается и внимательно смотрит на Бориса.*) Боря, ты иди, я еще здесь...

Б о р и с. Да ладно, ты что, обиделся?

Тимур смотрит на озеро. В лодках визжат люди, машут руками. Борис уходит.

Неожиданно все стихает. Тимур стоит и смотрит на беззвучно шумящих людей, на тихую воду. Стая собак неслышно пробегает куда-то.

Тимур хочет вернуться домой, и вдруг кто-то почти невидимый неслышно проходит мимо. Тимур оборачивается и видит только шевеление веток на берегу и расходящуюся дорожку на поверхности озера.

Коридор и единственная комната заставлены коробками и узлами. Мать Саши (молодая подвижная женщина) завязывает узел. Жанка, старшая сестра Саши (десять лет, рыжая, задиристая) на маленьком, свободном от вещей пятачке пытается прыгать на скакалке.

М а т ь. Жанка, перестань. Не здесь. Если хочешь прыгать, иди во двор. Только будь у подъезда, вот-вот машина приедет.

Ж а н к а. Не хочу. Я лучше петь буду. (*Садится на стол и, болтая ногами, поет.*)

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой!

Саша (шесть лет, полный застенчивый мальчик) тихо сидит на табуретке, зажав под мышкой шахматы.

Звенит дверной звонок. Саша и Жанка срываются с места и наперегонки бегут в коридор, крича: «Папа, папа приехал!»

М а т ь. Ну наконец.

Она бежит в коридор.

Дверь уже открыта. На пороге стоит молодой парень, рядом — рыжая собака.

М а т ь. Миша? А где Володя? Что случилось?

М и ш а. Здравствуйте, Вера Васильевна, вы не волнуйтесь, все в порядке. Владимир Алексеевич не смог приехать, срочная работа. Вот меня прислал помогать. И вот еще подарок детям передал.

Миша кивает на собаку. Собака, вывесив язык набок, дружелюбно виляет хвостом.

М а т ь. Господи...

М и ш а. Да она хорошая, воспитанная. Откуда-то к нашей базе прибилась, но явно домашняя, ухоженная, непонятно, как в горы попала. Наверное, потерялась.

Мать растерянно смотрит то на Мишу, то на собаку. Жанка, присев на корточки, разговаривает с собакой.

Ж а н к а. Дай лапу! Ну дай лапу! (*Мише.*) Дядь Миша, а как ее зовут?

М и ш а. Мы назвали Радой. Откликается. И вот еще Владимир Алексеевич передал подарок имениннику. Держи.

Миша достает из кармана полевой бинокль и протягивает Саше. Саша берет бинокль. Жанка тут же переключается с собаки на бинокль.

Ж а н к а. Ух, ты! А ну, дай, дай!

Она хватает бинокль, подносит к глазам.

С а ш а. Папа не приедет?

Миша виновато пожимает плечами

М и ш а. Пока нет, старик. Дела.

Мать молча разворачивается и уходит в квартиру. Уже оттуда доносится ее голос: «Ладно, зайдите все. Миша, иди помоги, скоро машина придет». Все заходят в квартиру. Только собака остается сидеть на площадке. Она с интересом смотрит в коридор квартиры и шлепает хвостом о пол.

Баха, два его младших брата сидят за столом, обедают. Тут же сидит бабка (казашка семидесяти лет; одета по-аульному: мягкие сапоги, длинная юбка, безрукавка, платок на голове).

Б а б к а (*с сильным казахским акцентом*). Баке, сними фуражку. (*Баха не реагирует.*) Я кому говорю — сними фуражку!

Баха нехотя снимает бейсболку.

Б а х а. Это бейсболка, а не фуражка.

Б а б к а. Не спорь со мной! (*Обращаясь к одному из младших.*) Маке, грызи косточку, почему не ешь мясо?

М а к е. Не хочу.

Б а б к а. Почему не хочу? Ешь мясо, ешь. (*Обращаясь ко второму из младших.*) Нурик, бери хлеб, бери, с хлебом ешь, без хлеба нельзя. (*Бахе.*) Что ты так руки расставил, другим мешаешь! Убери руки со стола!

Б а х а. А как я тогда есть буду?

Б а б к а. Совсем запутал меня! Фуражку убери! (*Нурику.*) Корки тоже ешь! Ишь, почему корки не ешь? Корки вкусные. (*Маке.*) Не копайся, всё ешь.

Баха тем временем сквозь непрекращающуюся речь прислушивается к голосу из радиоприемника на кухне: «...Несмотря на всю его одаренность, жизнь казалась мальчику серой и скучной. И вот однажды он отправился побродить. Уоллес совсем забыл, как ему удалось улизнуть из дому и по каким улицам Восточного Кенсингтона он проходил. Все это безнадежно стерлось у него из памяти. Но белая стена и зеленая дверь вставали перед ним совершенно отчетливо...»

Баха замирает, неестественно изогнувшись, прислушиваясь к голосу.

Б а б к а. Эй, что ты сидишь?

Б а х а. Не хочу больше.

Баха вскакивает, берет тарелку, быстро идет на кухню.

Продолжается радиопередача: «Внезапно его охватило необъяснимое волнение. Боясь, как бы на него снова не напали колебания, он решительно побежал, протянув руку, толкнул зеленую дверь, вошел в нее, и она захлопнулась за ним. Та-

ким образом, в один миг он очутился в саду, и видение этого сада потом преследовало его всю жизнь».

Баха стоит у приемника, смотрит в окно, видит, как по двору идет Салтанат (восемнадцать лет, невысокая, коренастая, круглолицая), родственница отчима, которая недавно приехала из аула. Она входит в дом, неся в руках тазик с яблоками. Проходит мимо Бахи. Ласково говорит.

С а л т а н а т. Баха, хочешь яблоко?

Баха отрицательно мотает головой.

Голос из приемника продолжает: «...В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду, испытываешь острую радость, какая бывает у человека только в редкие минуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там все было прекрасно...»

Салтанат возится у стола, моет яблоки, что-то негромко напевает.

Бабка за обеденным столом продолжает воспитывать младших. Баха почти прижимается ухом к приемнику. Слушает: «Одна из пантер не без любопытства поглядела на меня и направилась ко мне: подошла, ласково потерлась своим мягким круглым ухом о мою протянутую вперед ручонку и замурлыкала. Говорю тебе, то был зачарованный сад. Я это знаю... А его размеры? О, он далеко простирался во все стороны, и, казалось, ему нет конца».

Звук подъехавшего мотоцикла, хлопает калитка. Громко стуча сапогами, в дом входит Рахим, отчим Бахи (милиционер, жилистый, нервный, с жесткими чертами лица). Несет в руке тяжелый сверток. Ни с кем не здороваясь, бросает сверток на стул.

Р а х и м. Салтанат, мясо поруби, сложи в холодильник.

Ополаскивает руки под краном, проходит в комнату.

Голос из приемника: «И когда на дорожке появилась высокая прекрасная девушка, с улыбкой пошла ко мне навстречу и сказала: «Вот и ты!» — потом подняла меня, расцеловала, опустила на землю и повела за руку, — это не вызвало во мне ни малейшего удивления, но лишь чудесное сознание, что иначе и не могло быть, напоминая о чем-то счастливом, что странным образом выпало из памяти».

Рахим у стола. Бабка, привстав, пододвигает ему стул.

«Люди как братья, пантеры как кошки», режиссер Марат Магамбетов. Эскизы Светланы Филипповой

Б а б к а. Устал? Садись, отдохни.

Р а х и м (*обращаясь к детям*). Ну, как дела? Вкусно? Что такие серьезные? Бабушка строгая, да?

Дети молча жуют.

Салтанат вытаскивает из ящика стола топор, берет сверток и идет во двор.

Во дворе у сарая стоит плаха. Салтанат разворачивает мясо, начинает рубить. В широкой щели в заборе появляется рыжая собачья морда. Собака Рада молча наблюдает за девушкой. Салтанат, продолжая рубить, косится на собаку.

С а л т а н а т. Ты кто? Раньше я тебя здесь не видела. Новенькая? (*Собака внимательно смотрит на нее.*) Есть хочешь? Подожди, закончу, кусочек останется, я тебе дам.

Баха по-прежнему торчит у приемника и внимательно слушает: «Мне запомнились милые черты ее нежного, доброго лица с тонко очерченным подбородком. Тихим, задушевным голосом она задавала мне вопросы и рассказывала что-то, без сомнения, очень приятное, но что именно, я начисто забыл...»

Рахим входит на кухню, вдруг громко, не оборачиваясь, кричит бабке.

Р а х и м. А где Айша?

Баха от неожиданности вздрагивает.

Б а б к а. На базар пошла. За луком.

Рахим замечает Баху.

Р а х и м. Что стоишь? Иди помоги Салтанат. Давай.

Баха медленно идет к выходу, останавливается в дверях, прислушиваясь, надевает кепку. Выходит из дома.

Салтанат продолжает разговаривать с собакой.

С а л т а н а т. Я тоже не здешняя. Не нравится мне тут. Домой хочу. Но нужно учиться, вот будут каникулы, домой поеду.

Баха выходит во двор и останавливается под окном кухни — так, чтобы не видел Рахим.

Голос из приемника: «Там я заметил много людей — некоторых я помню очень ясно, других смутно, но все они были прекрасны и ласковы. И каким-то непостижимым образом я сразу почувствовал, что я им дорог и они рады меня видеть. Их движения, прикосновения рук, приветливый, сияющий любовью взгляд — все наполняло меня неизъяснимым восторгом. Вот так-то...»

Рахим в раскрытое окно видит Салтанат, которая разговаривает с собакой. Рахим недовольно ворчит. Уходит в глубь дома.

Баха выскальзывает в калитку, тихо прикрывает ее за собой.

Вдоль белой каменной стены идет Баха, иногда оглядывается, задумчиво водит рукой по известке. На белой стене есть зеленая дверь. Из-за стены свисают листья яблонь. Пыльной кроссовкой Баха пинает перед собой старый ободранный мяч. Белая стена высокая и крепкая.

Сначала над горами, потом над городом образуются темные тучи. Сразу наступают сумерки, все затихает. И вдруг молния, гром, дождь стеной. С криком и смехом маленькие прохожие в ярких рубашках бегут по ставшему рекой тротуару — под деревья, под козырьки домов и автобусных остановок. Ветер мотает ветки, глянцево мерцают листья.

Тимур сидит за столом на кухне и смотрит в окно. Перед ним лист бумаги и ручка. Он то бормочет, то почти декламирует:

Т и м у р. Пришла и встала у окна Царица-ночь... Но лишь взглянула и прошла Царица-ночь... нет... крылом... пам-пам... мм... не посмотрела на меня Царица-ночь...

За окном сверкают молнии, гремит гром.

На подоконнике у распахнутого окна сидят Баха и Бока и курят. Дождь идет стеной, громко шумит в листве.

Б о к а. А четко мы того мужика шуганули.

Б а х а. Ну.

Б о к а. А если бы я свалился, прикинь! Ты лежишь, а тут я еще прилетаю!

Б а х а. Тогда капец обоим.

Б о к а. В натуре, тогда обоим капец. А так кто-нибудь один выжил бы.

Б а х а. А может, никто не выжил бы.

Б о к а. Не, кто-нибудь точно выжил бы. Тебе же было недалеко лететь. Ну, сломал бы руку или ногу. Ну, прикинь, а тут бы я сверху — бац! И оба в лепешку.

Б а х а (*подумав*). Тогда точно капец.

Б о к а (*вздохнув*). Ну-у. Дела.

Мальчишки замолкают. Слышен только шум дождя.

Б а х а. Слушай, Бока, я сегодня слышал историю про одного пацана. Он однажды шел-шел и увидел дверь в белой стене. Дверь была зеленая. Ну, он открыл ее, а там здоровенный сад. Он пошел по дорожке, и там к нему пантеры подошли и стали мурлыкать, как кошки. А потом пришла прекрасная девушка и взяла его за руку. (*Бока презрительно хмыкает.*) Короче, пошли они все вместе по дорожке, а там люди всякие, и все, как родные братья или вот как мы с тобой.

Баха замолкает. Бока смотрит на него.

Б о к а. И чё дальше?

Б а х а. Не знаю, я не дослушал. Это по радио рассказывали. Как думаешь, такое может быть? Ну, в смысле, чтобы пантеры как кошки, а люди как братья? И там еще девушка прекрасная.

Б о к а. А где эта дверь?

Б а х а. Кажется, я такую видел за парком. Там белая стена, а в ней была зеленая дверь.

Б о к а (*подумав*). Не, не может. Это больница, за парком.

Баха молчит. Закуривает вторую сигарету.

Б о к а. Всё, кончай курить. Скоро мама придет.

За окном «газика» мелькают мокрые деревья. Блестят лужи, проносятся машины, разбрасывая брызги. Люди бегут, перепрыгивая через лужи. Пестро блестят зонтики. Вид за окном остановился и снова поплыл, набирая скорость. Промелькнула одна поперечная улица, другая.

В машине, склонив голову набок и глядя в окно, сидит Саша. Рядом — Жанка и собака Рада. На переднем сиденье, рядом с Мишей, — мать.

М и ш а. Ничего не скажешь, повезло — переезжать в дождь.

М а т ь. Миша, кажется, вот в этот двор.

Во двор въезжает «газик». Следом — грузовик-фургон. Из «газика» выпрыгивает мать. Прикрывая голову сумкой, подбегает к кабине грузовика, что-то говорит шоферу и сидящему там грузчику. Тем временем из «газика» вылезают Саша и Жанка. Саша держит на поводке собаку.

Грузчик и шофер нехотя вылезают из кабины под дождь, открывают фургон и начинают выгружать коробки и узлы, складывая их прямо на мокрый тротуар. Водитель Миша вылезает из кабины «газика».

Мать хватает какой-то узел и бежит в подъезд, следом за ней — Миша с большой коробкой. Грузчики, взяв по коробке, плетутся за ними.

Саша и Жанка стоят под дождем и глазеют по сторонам. Прибегает мать, хватает их за руки и тащит за собой.

Грузчик и шофер выходят из подъезда и закуривают.

Рыжая собака обегает комнату и останавливается, виляя хвостом, смотрит на детей. Саша и Жанка стоят посреди комнаты и озираются. За окном шумит дождь, слышится со двора голос матери: «Миленькие, давайте побыстрее, намокнет же все!» В комнате есть только большой прямоугольный обеденный стол, а больше ничего.

Входит грузчик и шумно сваливает с себя коробку.

Мать берет тяжелый узел с тротуара, заходит в подъезд. Из подъезда выбегает рыжая собака и деловито бежит прочь.

Рыжая собака бежит по улицам, мелькая среди прохожих и машин.

Глазами собаки: По тротуарам бегут потоки воды, сверкают лужи, летят брызги, торопливо пробегают ноги, мелькают руки с сумками и без. За большим мокрым стеклом промелькнула рыжая лохматая собака, блеснуло солнце.

Собака уверенно перебегает дорогу, бежит по скверу. Ныряет в подворотню.

После уроков подростки играют в футбол, с криком и свистом носятся по школьному двору. Баха стоит на воротах, с азартом орет:

Б а х а. Фара, пас! Мне!

Наконец мяч попадает ему в руки. Что есть силы Баха пинает по мячу. Мяч с шелестом исчезает в листве. Через мгновение звенит разбитое стекло. Все игроки, как по команде, хватают свои рюкзаки и сумки и разбегаются в разные стороны, прочь со двора. Баха несется через двор, но тут откуда-то сверху раздается истошный крик: «Тажибеков, вернись! Я все видела! Немедленно вернись! Я кому говорю!» Баха останавливается и нехотя плетется в школу.

Пустой класс, только учительница ботаники, уборщица, директор и Баха. На всех окнах класса и на полу у окна стоят растения. Их так много, что в классе темно, хотя за окном день. Одно окно разбито, на полу валяются осколки стекла, разбившийся цветочный горшок, земля, какое-то растение. Звучит радио (отрывок из «Пера Гюнта» Грига, «Shringar»). Уборщица как-то особенно шумно набирает в ведро воду. Учительница (лет пятидесяти, в больших квадратных очках, в платье с очень крупными цветами) собирает землю в разбившийся горшок и механически повторяет.

У ч и т е л ь н и ц а. Anthurium crystallinum, Anthurium crystallinum. Варвары, варвары...

Директор (шестьдесят лет, лысый, усатый) держит Баху за рукав, хотя тот и не собирается убегать, и со скукой произносит давно известные ему фразы.

Д и р е к т о р. Ну, сколько раз говорить? Играть нужно на спортивной площадке. Пятое стекло за четверть. Придется вызывать папу.

Б а х а (*ни на кого не глядя*). Извините, Татьяна Васильевна.

У ч и т е л ь н и ц а. Варвары.

Б а х а. Извините.

У ч и т е л ь н и ц а. Anthurium crystallinum. Колумбия. Варвары.

Д и р е к т о р (*задумчиво*). Папу надо вызвать. Или маму.

У б о р щ и ц а (*выразительно глядя на Баху*). Пропустите-ка, Анатолий Анатольевич.

Баха тоскливо косится в сторону, в приоткрытую дверь. В освещенном солнцем коридоре стоит Аида, одноклассница. Косичка, рукав платья с белой манжетой. Она с кем-то разговаривает. В проеме появляются то ее профиль, то рука с портфелем, которым она бьет себя по ногам в белых гольфах. Один гольф немного съехал. Почему-то Бахе очень интересно смотреть на Аиду.

А в классе продолжается разговор. Уборщица начинает мыть пол, директор тянет Баху за рукав. Он машинально вытаскивает из рюкзака дневник и подает его директору.

Раскрывается дверь. В коридор выходит директор, следом за ним — Баха. Аиды уже нет.

Баха расстилает на столе чистую белую майку, разглаживает утюгом. Смачивает ватку синей тушью из пузырька, кладет на майку бумажный трафарет, промакивает ваткой. Убирает трафарет, довольно улыбается: на майке появилась расплывчатая синяя надпись: «БАХА». Проглаживает утюгом. Напяливает майку, довольно рассматривает себя в зеркале, не видя, что на спине у него проступает бледная надпись: «АХАБ». Убирает со стола утюг и видит, что тушь отпечаталась на поло-

тенце, на котором он утюжил. Баха комкает полотенце и, секунду подумав, забрасывает его на шкаф: там его не найдут. Еще подумав, подходит к зеркалу и смотрит на свою спину через плечо, видит надпись: «БАХА». Снова задумывается. Наконец до него доходит. Бормочет: «Бывают же дураки...»

Вдруг со двора слышится голос бабки.

Б а б к а. Баке, ты дома? Ты почему дома? Хлеб купил?

Баха хватает мяч и вылетает из дома.

Баха натыкается на бабку, держит мяч так, чтобы прикрыть надпись.

Б а х а. Иду-иду. Уже ухожу.

Б а б к а. Ай, лодырь! Ты почему еще здесь? За хлебом, давай-давай!

Баха выбирается со двора бочком, не поворачиваясь к бабке спиной.

В комнате кроме стола уже появились другие вещи: диван, стулья, небольшой стол у окна, за которым сидит мать и строчит на швейной машинке.

Саша лежит под столом, перед ним шахматная доска. Он играет сам с собой.

М а т ь. Саша, ну что ты все дома, иди поиграй во дворе.

С а ш а. Один не хочу. С тобой хочу.

М а т ь. Я не могу, мне работать нужно.

С а ш а. Один не пойду.

Из смежной комнаты появляется Жанка, присаживается перед Сашей на корточки.

Ж а н к а. Все валяешься! Пойдем во двор.

С а ш а. С тобой не пойду. Ты плохая.

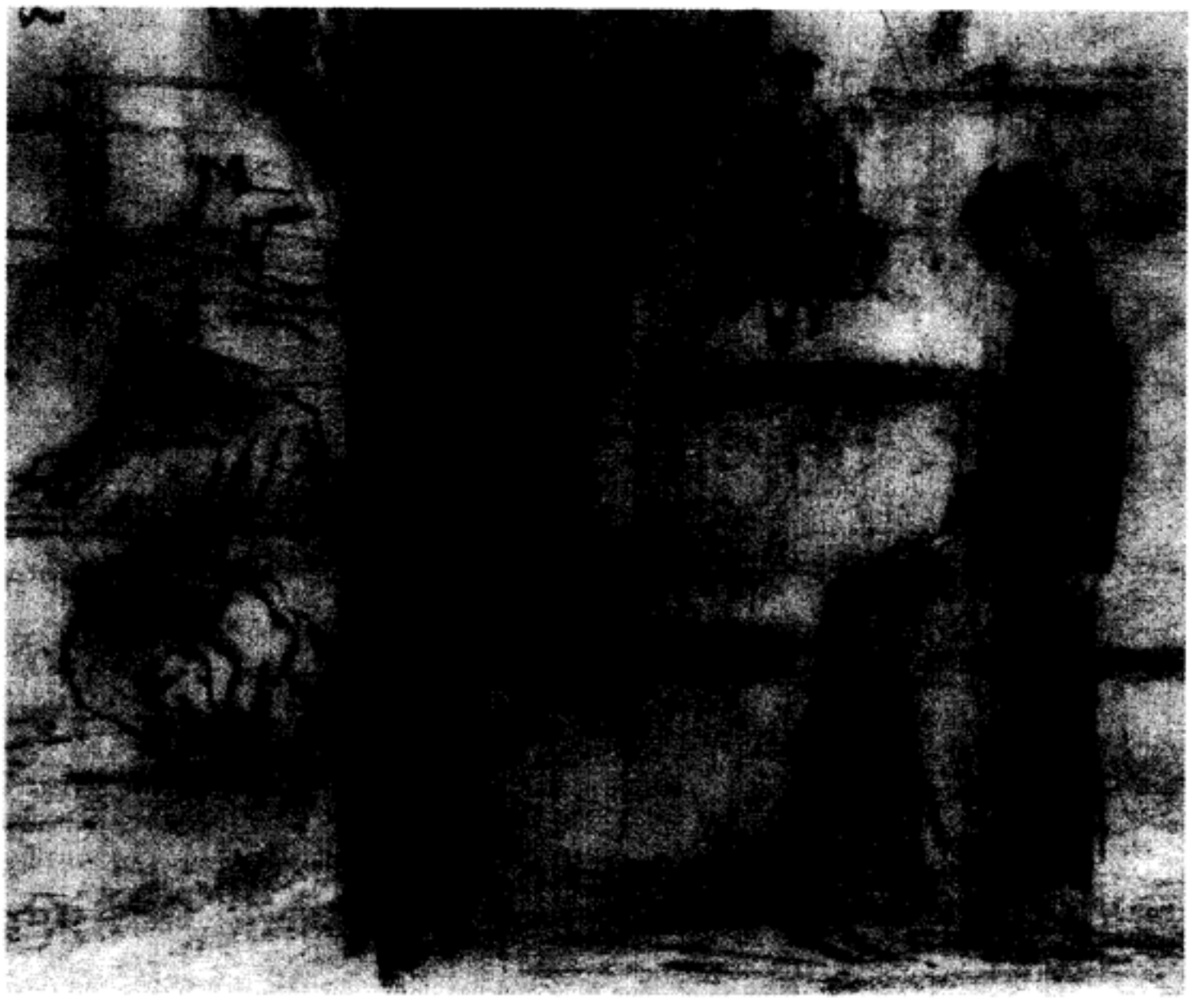
Ж а н к а. Сам ты плохой! Смотри, какой жирный стал!

М а т ь (*укоризненно*). Жанка!

С а ш а. Не стал.

Ж а н к а. Еще как стал! Лежишь-лежишь, толстеешь! Вон какие щеки.

М а т ь. Жанка, перестань!



«Люди как братья, пантеры как кошки», режиссер Марат Магамбетов. Эскизы Светланы Филипповой

Ж а н к а. Опять в шахматы играешь! А я тебе бомбежку устрою!

Она елозит руками по доске, фигурки разлетаются. Саша яростно вцепляется в Жанкины ноги.

С а ш а. Убью!

Мать бросается их разнимать. Жанка отбегает в сторону, дразнит.

Ж а н к а. Жирняк, жирняк!

Саша бежит за ней. Жанка забегает на кухню, закрывает дверь. Саша с ревом толкается в дверь.

С а ш а. Убью! Папе скажу, он тебя убьет!

Ж а н к а (*из-за двери*). Это тебя папа убьет! Он меня любит, а тебя нет!

М а т ь. Жанка, перестань!

Саша ревет и колотит в дверь. Звонит телефон. Мать снимает трубку.

М а т ь. Алло... Володя? Ты где? (*Детям, властно.*) Замолчите оба! Володя, все нормально? Почему ты не приехал? Мы же тебя ждем. Ты ведь обещал в воскресенье, мы ждали. Я понимаю, но мы ждали тебя... Ты скоро приедешь? Почему? Нельзя раньше?

Приоткрывается дверь кухни, появляется лицо Жанки.

Ж а н к а. Это папа?

Тимур подходит к кассе.

Т и м у р. Чай и сушки.

Он роется в кармане и находит пятьдесят копеек.

Т и м у р. Извините, я передумал.

Он выходит из магазина. Останавливается у входа.

На траве рядом с магазином отдыхают собаки. Им хорошо на солнце. Одна их них, рыжая, подходит к Тимуру.

Т и м у р (*гладит ее*). Извини, сегодня ничего нет.

Собака, улыбаясь, садится рядом.

Мимо проходит мама одноклассницы Тимура тетя Тамара (высокая большая женщина сорока пяти лет, выглядит старше, прихрамывает). В руках у нее тяжелые сумки.

Т а м а р а. Тимурик, забыл что-то?

Т и м у р. Нет, тетя Тамара, ничего. Давайте я вам помогу.

Гладит на прощание собаку. Она идет за ним, он машет ей рукой.

Т и м у р. Иди, иди.

Тимур берет сумки и заворачивает во двор магазина.

Т а м а р а. Как мама? Долго ей еще лежать?

Тимур. Чувствует себя нормально. А сколько лежать — не знаю. Врачи не много рассказывают.

Тетя Тамара и Тимур поднимаются по лестнице в подъезде.

Т а м а р а. А отец знает, что мать в больнице?

Т и м у р. Нет, я не говорил.

Т а м а р а (*вдруг смеется*). Он очень веселый. Я помню, как он по утрам пел на балконе смешные песни. (*После короткой паузы.*) Я так до сих пор не понимаю, почему они разошлись. Ты маленький был, не помнишь. Мы с твоей мамой дружили, пока был жив мой Коля. Тогда еще отец жил с вами. Ну вот и пришли.

Они останавливаются перед сорок второй квартирой. Там живет тетя Тамара с дочерью Лелей. Тимур хочет уйти, но тетя Тамара не отпускает.

Т а м а р а. Пойдем, я тебя покормлю, месяц один живешь, не ешь, наверное, ничего.

Загораживает выход, и Тимур оказывается внутри. В квартире много книг, беспорядок.

Т а м а р а (*разуваясь, кричит*). Сольвейг, ты дома? (*Тимуру, который хочет разуться.*) Не снимай, не снимай.

Л е л я (*голос из другой комнаты*). Сейчас, мам, доиграю и выйду.

Слышны звуки скрипки.

Т а м а р а. Мой руки, Тимур, сейчас разогрею суп. Любишь грибной?

Т и м у р (*порывается уйти*). Не надо, тетя Тамара.

Входит Леля (семнадцать лет, привлекательная, хрупкая). Она удивленно смотрит на него.

Т а м а р а. Тимур с нами пообедает. Мой руки и садись за стол.

Тетя Тамара наливает всем суп. Звонит телефон, и тетя Тамара уходит. Они остаются на кухне одни. Слышно, как в другой комнате тетя Тамара говорит по телефону. Тимур и Леля молчат. Наконец Тимур спрашивает.

Т и м у р. Почему Сольвейг?

Л е л я. Это мое имя. Мама, когда меня ждала, писала диссертацию по Ибсену. Это ее любимый писатель. И меня Сольвейг назвала. А когда в школу пошла, все смеяться стали, и я решила, что для всех буду просто Лелей, а мама, если захочет, будет называть меня дома Сольвейг.

Т и м у р (*задумчиво*). Странно.

Л е л я. Что?

Т и м у р. Красивое имя. Почему все смеялись?

Л е л я. Чай будешь?

Баха и Бока сидят на подоконнике.

Б о к а. Вон Аидка идет. Вот ведь повезло с соседкой! Все моей матери рассказывает! На уроке не был или банан получил — мать все знает! Хуже сестры. Баха, давай ей что-нибудь сделаем!

Б а х а. А что?

Б о к а. Щас, есть идея.

Бока бежит на кухню и возвращается с ковшом воды.

Б о к а. Давай обольем ее!

Б а х а. Да ну, как-то стремно... зачем обливать?

Б о к а (*подозрительно*). Ты чё, влюбился? Ты что-то крутишься вокруг нее в последнее время...

Б а х а. Бока, не гони. Да мне по фигу. Давай ковш.

Аида приближается к двери подъезда, которая находится почти под окном Боки.

Б о к а. Так, так... еще чуть-чуть... Давай!

Баха, размахнувшись, выплескивает воду. Точное попадание — Аиду окатывает с головы до ног. Она на секунду замирает, потом медленно поднимает голову вверх.

Б о к а (*хохочет*). Есть, Баха! Класс!

Аида начинает громко, во весь голос реветь.

А и д а. Ненавижу! Как ты мне надоел, дурак! Банан ушастый! И ты тоже дурак! Два дурака!

Продолжая рыдать, она заходит в подъезд. Бока хлопает в ладоши. Баха остается серьезным.

Б а х а. Что теперь делать?

Б о к а. А что делать? Скажу, цветы поливал и нечаянно облил, а она, дура, все не так поняла. Вообще, классно получилось! Баха, у тебя глаз-алмаз!

Б а х а (*кисло*). Ладно, я пойду.

Баха сбегает по лестнице. На первом этаже вдруг распахивается дверь квартиры, появляется Аида, выплескивает в лицо Бахе кастрюлю воды. Дверь молниеносно захлопывается. Баха, задохнувшись от неожиданности, весь мокрый, тупо смотрит на дверь. Потом подходит к двери, прислушивается: там тихо. Вдруг замечает светлое пятно на двери. Там что-то шевелится. Баха приглядывается и видит скамейку, дерево, девочку с собакой, вот велосипедист проехал. Только все это он видит перевернутым и нерезким. Поворачивается, чтобы посмотреть, откуда же берется этот свет, видит светящуюся точку на подъездной двери — то ли замочную скважину, то ли просто дырку. Бросается туда, открывает дверь, выглядывает: ну точно, вон и скамейка, и дерево, и велосипедист вдалеке. Возвращается

к пятну и глазеет. Дверь снова открывается, выглядывает Аида. Увидев близко лицо Бахи, испуганно визжит и захлопывает дверь.

Вдоль белой стены опять идет Баха, пиная перед собой свой мяч. Видно, что идет он уже долго.

Глазами Бахи: белая стена тянется без конца.

Тимур во дворе. Он стоит на дороге, задумавшись, наверное, уже долго. Люди проходят, обходят его. Подходит мальчик, спросить, который час, но, не дождавшись ответа, уходит. Во двор заезжает грузовик. Сигналит, Тимур не слышит. Грузовик останавливается, из него вываливается большой флегматичный водитель.

В о д и т е л ь. Стоим?

Т и м у р. Что?

В о д и т е л ь. Чего стоим, говорю. Закурить есть?

Т и м у р. Нет.

В о д и т е л ь. Заработать хочешь?

Т и м у р (*задумчиво*). Хочу.

Тимур выносит из грузовика ящики с продуктами. Спускается по лесенке в подвал, где находится склад магазина «Продукты». Шофер, сидя на лавочке, покуривая, наблюдает. Складывает себе из газеты бумажную панаму. Жарко.

Ш о ф е р. Ты пиджак-то сними. И галстук тоже.

Тимур ставит ящик на землю и раздевается. Пиджак повесил на перила, рядом — галстук.

Ш о ф е р (*надевает панаму на голову*). И рубашку.

Тимур берет в руки ящик и, держа его на весу, поднимает голову, пытаясь найти окна Сольвейг.

Ш о ф е р. Торопись, торопись. Мне еще в два магазина сегодня. Кстати, если хочешь, поехали со мной, заработаешь больше.

Т и м у р (*смотрит на четвертый этаж*). Да.

Вдруг на балконе появляется Сольвейг. Тимур с ящиком слетает вниз по лестнице и прячется в подвале. Шофер удивленно смотрит. Ждет, когда Тимур выйдет из подвала.

Ш о ф е р. Эй, парень, выходи.

Не дождавшись, встает со скамейки, подходит к подвалу и смотрит вниз. Там, у входа в подвал, под козырьком, стоит, замерев, Тимур.

Ш о ф е р. Ты что, не в себе?

Тимур, ничего не говоря, хватает пиджак и убегает.

В палату заходит Тимур. В руках у него пакет.

Т и м у р. Здравствуй, мам.

Его мама (худощавая, с грустным умным лицом, с челкой, в больших очках, лет сорока пяти) смотрит на него.

М а м а. Опять пришел. Ведь я же просила не приходить.

Т и м у р. Перестань. Как ты?

М а м а. Нормально. Ты как? Совсем худой стал. Деньги кончились, да? Позвони отцу, пусть даст тебе денег. И не стесняйся.

Т и м у р. У меня все есть, не беспокойся.

М а м а. Откуда?

Т и м у р. Я заработал.

М а м а. Как?

Т и м у р. Переводами.

М а м а. Какими переводами?

Т и м у р. Я стихи перевожу, с таджикского. По подстрочнику. Для журнала «Литературный путь».

Он вытаскивает из пакета кефир, яблоки, минеральную воду.

М а м а (*глядя в окно, тихо*). Все напрасно.

Тимур тоже смотрит в окно — там, над городом, небо быстро темнеет. Горы сверху до середины уже скрыты сизой пеленой.

Промокший Тимур в подъезде Лели тихо, медленно поднимается по лестнице. Чем ближе к двери, тем медленнее. Внезапно дверь распахивается, и оттуда выбегает Сольвейг. Тимур не готов к этому, хочет убежать, но уже поздно. Она его увидела.

Л е л я. Привет, ты ко мне? Заходи.

Т и м у р. Здравствуй. Да, я хотел попросить. Дело в том, что мне нужен Ибсен.

Л е л я (*смотрит на него внимательно, улыбается*). Ибсен? А что именно?

Т и м у р. «Пер Гюнт».

Л е л я. Да, нужно поискать. Заходи.

Т и м у р. А ты не торопишься?

Л е л я. Нет, заходи.

Пока Леля ищет Ибсена, Тимур смотрит на нее. В комнату заходит тетя Тамара.

Т а м а р а. Здравствуй, Тимур.

Т и м у р. Здравствуйте, тетя Тамара.

Л е л я. Мам, а где у нас «Пер Гюнт»?

Т а м а р а. А зачем тебе?

Л е л я. Не мне, Тимуру.

Т а м а р а. Тимур, ты тоже любишь Ибсена?

Тимур молчит. Он смотрит на луч света на руке Лели и мысленно сочиняет стих.

Т а м а р а. Вот видишь, есть еще ценители, а ты прочла три страницы и бросила. Тимур, объясни ей, ведь ты же поэт.

Т и м у р (*механически*). Да, тетя Тамара.

Т а м а р а. Что «да»?

Т и м у р. Я люблю.

Саша лежит под столом и негромко по слогам читает.

С а ш а. «Контргамбит — разновидность дебюта, в которой осуществляется встречная жертва материала для противодействия планам противника. Например, контргамбит Фалькбеера в королевском гамбите». Мама, а что такое дебют?

Мать молча продолжает строчить на машинке.

С а ш а. Мам, что такое дебют?

М а т ь. Дебют — значит, начало.

Саша несколько секунд думает.

С а ш а. А что такое «встречная жертва материала»?

М а т ь. Саша, я не знаю. Я не умею играть в шахматы.

С а ш а. А почему ты не умеешь? Папа ведь умеет.

М а т ь (*не переставая работать*). Ну, папа умеет, а я нет. Так получилось.

С а ш а. А почему так получилось?

М а т ь. Не научилась в свое время.

С а ш а. А почему?

М а т ь. Саша, сынок, помолчи, пожалуйста, хоть пять минут.

С а ш а. Ладно. (*Про себя, шевеля губами, прочитывает несколько слов. Переворачивается на спину, смотрит на мать.*) Мам, а пять минут уже прошло?

М а т ь. Нет.

Саша снова поворачивается на живот, перелистывает несколько страниц в поисках картинок.

С а ш а. А сейчас прошло?

М а т ь. Нет, еще не прошло.

С а ш а. А когда пройдет?

М а т ь. Через пять минут.

Саша вылезает из-под стола, особым образом кладет «Словарь шахматных терминов», прищурившись, смотрит, поправляет. На столе лежат еще несколько

книг, карандаши, солдатики. Все предметы расположены в порядке, известном только Саше. Он обходит стол вокруг, приглядываясь и поправляя вещи.

С а ш а. Можно на голове постоять?

М а т ь. Нет, ты уже сегодня стоял.

С а ш а. Ну чуть-чуть.

М а т ь. Саша, иди лучше поиграй во дворе.

С а ш а. Не хочу во дворе, хочу на голове стоять.

М а т ь. Ну ладно, только молча.

Саша залезает на диван и встает на голову, опираясь ногами о стену. Теперь мать сидит на потолке, а горы за окном растут сверху.

Звучит проигрыватель. Тимур стоит на голове (на тахте), прислонившись ногами к стенке, и смотрит в окно. В окно (перевернутое изображение) виден город, а за ним — горы. Белые даже летом. Если стоять у окна весь день, можно увидеть путь солнца от восхода до заката. Сейчас оно ярко светит вечерним светом. Недавно прошел ливень, и все блестит — крыши, листья, балконы.

Он слушает музыку: «Пер Гюнт» Эдварда Грига. Звучит песня Сольвейг. На столе лежат несколько книг. Это Ибсен. Насмотревшись, Тимур делает кувырок и оказывается у стола. Садится за стол, берет одну из книг и начинает читать. Звонок в дверь. Тимур, продолжая читать, выходит из комнаты. Подходит к двери, открывает. Заходит Леля. У нее в руках старая книга.

Л е л я. Вот, мама просила передать. Нашелся «Пер Гюнт». (*Протягивает ему книгу. Прислушивается.*) Что это у тебя играет?

Т и м у р. Это Григ.

Л е л я. Мне нравится. Можно послушать?

Т и м у р. Да. Проходи.

Леля проходит в комнату Тимура. Осматривается. Стол, стеллаж с книгами, тахта, стул. Подходит к столу. На столе стоит пишущая машинка, в нее вставлен лист бумаги. Леля наклоняется, чтобы прочесть, что там написано.

Тимур, боясь, что она прочитает, заслоняет собой машинку и торопливо говорит.

Т и м у р. Это я еще не дописал. Если хочешь, прочту тебе что-нибудь.

Л е л я. Свои стихи?

Т и м у р. Да.

Тимур уже жалеет, что предложил.

Л е л я. Да, конечно, хочу.

Леля садится на стул у стола напротив окна, ожидая, что Тимур встанет перед ней. Но Тимур начинает читать, оставшись у нее за спиной, глядя себе под ноги. Леля слушает Тимура, неудобно выворачивая голову, Тимур смотрит в пол. Наконец Леля отворачивается к окну, переводит взгляд на стол и замечает, что рядом с принесенной ею книгой лежит точно такая же. Снова смотрит на Тимура, но не решается спросить. Тимур тем временем читает.

Т и м у р.

Сон о стену стукнет лбом.
Хлопнет дверь. Потом собьются
Мысли-змеи в теплый ком.
Мне хотелось бы проснуться
Там, где смотрит и молчит
Кто-то, кто сидит на склоне;
Где почти у горизонта
Катится зеленый шар;
Где от солнца — только свет:
Солнце там забыто где-то,
Как газета на скамейке, —
Где-то есть, а где — не знаю.
Там забыто много всяких.
Остается только запах.
Или чувство. Или цвет.

И чего там только нет.
Ничего там только нет.
Что-то есть вон там, напротив.
Лучше там я и проснусь.
Я являюсь на обороте
Позабытого ландшафта.

Леля встает, а Тимур садится на диван. Он не смотрит на Лелю. Они молчат.

Потом Леля говорит.

Л е л я. Мне понравилось. Но я не все поняла. Непонятно про газету на скамейке. Почему это солнце?

Т и м у р. Не знаю, не могу объяснить.

Л е л я. Тебе не скучно здесь одному?

Т и м у р. Нет.

Л е л я. А почему твоя мама так долго в больнице?

Т и м у р. У нее рак.

Тимур подходит к пишущей машинке и выдергивает лист с наполовину написанным стихотворением. Прячет его в ящик стола. Замечает две одинаковые книги на столе и, боясь, что Леля это заметит, смахивает свою в ящик стола.

Л е л я. А ты знаешь, Тимур, у нас еще есть что-то Ибсена. Ты приходи. И так, просто.

Баха, ведя свой велосипед, тихо входит во двор. Ставит велосипед под раскрытым освещенным окном, откуда доносится возбужденный голос Рахима.

Р а х и м. ...Ничего не делает, никакой помощи от него нет! Тут бьешься, бьешься, а он, по крайней мере, оболтус! Вот где он сейчас? Не знаешь?! Может быть, он бандит, а?! Сейчас грабит кого-то! Или наркоман, анашу курит с дружками! Дружки такие же!

Баха достает из-под ступеньки крыльца мятую пачку сигарет, закуривает, садится, слушает.

За окном видно, как по комнате, размахивая руками, ходит Рахим в милицейской рубахе. В глубине комнаты мать Бахи молча возится у стола. Рахим подхватывает на руки младшего сводного брата Бахи, ставит его перед собой на подоконник. Рахим тычет сына пальцем в живот, тот неожиданно бьет его кулачком по руке. Рахим довольно смеется.

Р а х и м. Сильный какой! Как папка будешь! (*Снова тычет его пальцем. Мальчик бьет его в глаз.*) О-ох! (*Скривившись от боли.*) Это... ты... иди, поиграй... (*Мгновенно сменив тон, жене.*) Нечего сказать, да? Вот, и ему ты ничего не говоришь! Это почему здесь валяется? Сколько раз говорил, а он бросает где попало!

Выбрасывает в окно мяч. Мяч стукается о забор. Баха, затянувшись в последний раз, плюет на сигарету и бросает ее в стоящий на крыльце милицейский сапог Рахима. Берет мяч и уходит.

Тимур сидит на корточках перед полкой с грампластинками, рассматривает.

Т и м у р. Галстук где-то потерял.

Борис выбирает одну из пластинок и показывает Тимуру. Это Том Уэйтс. Тимур рассматривает пластинку и понимающе кивает.

Б о р и с. У меня много. Выбери себе какой-нибудь на выпускной. Отец из каждой командировки привозит по галстуку. (*Вытаскивает из шкафа коробку с галстуками.*) Ты какой цвет любишь?

Тимур находит пластинку Джо Дассена, достает ее из конверта и ставит в проигрыватель.

Т и м у р. Синий. Я люблю синий.

Б о р и с. А я — оранжевый. Вот, выбирай.

Т и м у р (*берет синий галстук*). Давай этот. Слушай, ты когда-нибудь...

Б о р и с. Что?

Т и м у р. Бывало с тобой такое... Не знаю даже, как сказать...

Б о р и с. Скажи.

Т и м у р. Ты читал Ибсена, «Пер Гюнт»?

Б о р и с. Нет. А что?

Т и м у р. Там девушка была, Сольвейг. И она человека один раз увидела. И полюбила его на всю жизнь.

Б о р и с. Ну и что?

Т и м у р. Нет, ничего. Я просто думаю, возможно ли это?

Б о р и с. Тимур, ты что, влюбился?

Дверь распахивается, и в комнату вбегает Капитан, кладет лапы на плечи Бори.

Б о р и с (*кричит*). Анька, забери Капитана, погуляй с ним.

В дверях появляется младшая сестренка Бориса. Лицо у нее заплаканное.

А н я. Не хочу.

Б о р и с. Что случилось?

А н я (*рыдает*). Ничего.

Аня уходит, Борис выходит за ней.

Его нет довольно долго. Потом слышится стук двери. В квартире наступает тишина. Борис, облегченно вздыхая, заходит в комнату.

Т и м у р. Да.

Б о р и с. Что «да»?

А н я (*радостный голос с улицы*). Боря, Боря, а тебе что-нибудь купить?

Б о р и с. Нет, купи себе шоколадку и немедленно возвращайся. (*Тимуру.*) Что «да»?

А н я (*голос с улицы*). Боря, Борь, а может, Тимуру что-нибудь купить?

Б о р и с (*выглядывает в окно и машет ей*). Иди, иди.

Т и м у р (*стоит в дверях комнаты*). И я пойду. Спасибо за галстук.

Тимур выходит из комнаты. Идет по коридору к входной двери. Боря идет следом.

Б о р и с. Так кто она?

Тимур, не отвечая, уходит.

Баха выходит из двора с велосипедом. Бабка, стоя на крыльце, громко и строго говорит с сильным казахским акцентом.

Б а б к а. Баке, туда и обратно, понял? Батон, понял? Только быстро! Одна нога здесь, другая там, понял? Все встанут, хлеба нет? Быстро-быстро! В магазин, сразу обратно, понял?

Баха что-то недовольно бормочет, то ли спорит, то ли соглашается. Оказавшись на улице, садится на велосипед и едет. Бабка, стоя на крыльце, продолжает говорить в том же духе. Баха вдруг разворачивается и едет в другую сторону, к дому Аиды.

Баха стоит перед дверью Аиды. Но ни на двери, ни на стене нет больше никакого пятна. Он смотрит на дверь подъезда — дырка в двери едва светится. Баха выглядывает на улицу: вроде все то же, но чуда больше нет — может, лужа, от которой отражался свет, высохла, может, утреннее солнце еще слишком низко.

Баха, пиная перед собой мяч, снова идет вдоль белой стены. Двери нет. Постоял, задрав голову, перешел на другую сторону улицы, встал на мяч: ничего не видно, стена высокая.

Снова звучит Григ. Тимур сидит за столом, быстро печатает на машинке. Звонит телефон. Тимур выходит в прихожую, снимает трубку.

Т и м у р. Да, это Тимур. Здравствуйте, дядя Сережа.

Какое-то время Тимур слушает, вставляя односложно «да». Потом аккуратно кладет трубку. Вдруг срывается, бежит на кухню, раскрывает холодильник, выхватывает оттуда и ставит на стол бутылку кефира, кладет апельсины. Снова бежит в прихожую. Хлопает дверь. Кефир и апельсины остаются на столе.

Тимур быстро идет, потом бежит — мимо машин на перекрестке, среди про-

хожих, мимо витрин, вдоль домов и окон, вдоль каменной белой стены... Все время вполголоса повторяет: «Раз, два, три, четыре, пять, раз, два, три, четыре, пять...»

Баха идет по улицам, мелькая среди прохожих, — мимо окон, мимо машин... Постоял перед витриной... Покачался на бордюре... Прошелся по бортику фонтана... Ударил мячом в стену.

Тимур стоит у двери палаты и разговаривает с дядей Сережей. Дядя Сережа — врач и старый знакомый семьи.

Д я д я С е р е ж а. Нельзя тебе это говорить, но больше некому.

Т и м у р. Да, дядя Сережа.

Д я д я С е р е ж а. Отец знает? Ты сказал?

Т и м у р. Нет.

Д я д я С е р е ж а. Тимур, так нельзя. Сейчас уже нельзя так. Слишком плохо. Скажи отцу. Обязательно.

Тимур молчит.

Д я д я С е р е ж а. Да что ты, ты слышишь меня или нет?! Сейчас все это уже не имеет значения. Понимаешь? Тимур, это жестоко. Позвони ему.

Тимур молчит.

Д я д я С е р е ж а. Понятно. Я сам позвоню. Сейчас же. Я не знаю, сколько ей осталось — дней или часов. Всё. Соберись. И будь готов.

Дядя Сережа уходит. Тимур приоткрывает дверь палаты и заглядывает. Видит бледное лицо матери. Она спит.

Собака Рада, положив морду на лапы, внимательно смотрит, как Саша передвигает шахматные фигуры на доске, разложенной прямо перед ее мордой. Саша играет с Радой в шахматы.

С а ш а. Это шах. Ты теперь должна сделать вот такой ход, чтобы защитить короля. (*Передвигает фигуру за Раду.*) Тогда я пойду вот так. А ты?

Мать строчит на швейной машинке. Из смежной детской комнаты появляется Жанка. Она выходит на середину комнаты и молча наблюдает за Сашей. Тот поглощен игрой.

Ж а н к а. Ну что, жирняк, сам сошел с ума с этими шахматами, хочешь и Раду свести с ума?

М а т ь (*не оборачиваясь, предостерегающе*). Жанка!

Ж а н к а. А что он мучает Раду? Мам, скажи ему.

М а т ь. Жанка, отстань от него.

Ж а н к а (*Саше*). Кто выигрывает? Рада?

С а ш а. Я.

Ж а н к а (*издевается*). Какой ты молодец! Попробуй тогда с мышами поиграть, будешь вообще лучше всех.

С а ш а. С мышами не буду.

Ж а н к а. Ага! Испугался! Да ты просто мышей боишься!

С а ш а. Нет, не боюсь!

Ж а н к а. Боишься, боишься, я ведь знаю!

С а ш а. Не боюсь!

М а т ь. Жанка, перестань! Нечем заняться — пойди погуляй во дворе.

Ж а н к а. Ладно уж, пойду. И Раду возьму.

Жанка хватает Раду за ошейник и нарочно тащит ее через шахматную доску. Фигурки рассыпаются.

С а ш а. А! Дура!

Жанка добилась, чего хотела.

Ж а н к а. Сам дурак жирный!

М а т ь. Ну-ка, перестаньте оба!

Саша хватает шахматную доску и замахивается на Жанку. Жанка пинает его. Он бьет ее доской.

С а ш а. Дура! Дура!

Ж а н к а. Жирняк! Тупица!

Мать вскакивает и пытается растащить их. Они продолжают лягать друг друга. Мать взрывается. Шлепает одного, другую.

М а т ь. Ну-ка, марш в свою комнату! Оба наказаны!

Толкает их в спины. Отбирает шахматную доску, выдергивает собачий ошейник из Жанкиных рук.

М а т ь. Всё! Никаких шахмат! Никаких прогулок и собак! Пока не научитесь вести себя! Будете сидеть в комнате! И чтоб тихо было!

Мать захлопывает за ними дверь, садится за стол.

Ж а н к а. Ну что, жирный, довел маму!

С а ш а. Это не я, это ты!

Ж а н к а. Ну, конечно! Это ты всё! И еще мне из-за тебя попадает!

С а ш а. Это ты, ты!

Ж а н к а. Вообще, всё из-за тебя! Ты знаешь, что из-за тебя от нас скоро папа уйдет?

С а ш а. Куда папа уйдет?

Ж а н к а. Вообще уйдет! Будет жить отдельно! Потому что ты ему надоел!

С а ш а. Папа не уйдет. Он меня любит. Он со мной в шахматы играет.

Ж а н к а. Ага! В шахматы! Вот ты его и достал со своими дурацкими шахматами. Поэтому он уйдет. Пока тебя не было, знаешь, как было хорошо! А теперь мама с папой все время ссорятся! Всё из-за тебя!

Саша начинает плакать.

Мать неподвижно сидит за столом, устало сложив перед собой руки. Из детской комнаты неразборчиво слышны детские голоса. Слышится плач Саши. Мать прислушивается, сдерживаясь, чтобы не побежать к нему. Дверь открывается, с ревом выбегает Саша, бросается к матери.

М а т ь. Что с тобой? Ну перестань, перестань. Это я так сказала. Будешь, будешь играть в шахматы. Успокойся, Сашенька.

С а ш а. Мама, а папа от нас не уйдет?

М а т ь. Что ты? Глупости! Никуда он не уйдет! С чего ты взял?

С а ш а. Жанка сказала, что всё из-за меня.

Мать укоризненно смотрит на Жанку, которая маячит в дверях.

М а т ь. Ты не слушай ее, Жанка глупая, это она нарочно говорит.

Жанка зло хлопает дверью, с грохотом бросается на кровать. Через секунду раздается ее вой во все горло: А-аааааааа!!!!

М а т ь. Ох, ты, господи...

Мать, держа Сашу на руках, идет в детскую. Садится рядом с Жанкой на кровать. Жанка лежит на животе, уткнувшись носом в подушку, и от обиды вопит во все горло. Мать свободной рукой подтаскивает ее к себе, прижимает ее голову к себе, гладит.

М а т ь. Ну что ты, что ты, Жанночка... Саша... Жанка.... Успокойтесь... Мы вас очень любим, и я, и папа... Вы у нас самые лучшие...

У нее на глазах наворачиваются слезы. Жанка и Саша затихают. Мать продолжает их гладить. В дверном проеме появляется Рада и внимательно смотрит на них.

Класс Тимура в фуникулере едет на гору Кок-тюбе. Тимур, прижатый к стеклу, смотрит на проплывающие внизу домики и деревья. Поворачивается, ищет взглядом и видит стоящих рядом Бориса и Лелю: он что-то говорит, она слушает, кивая. Вагончик неожиданно дергается и останавливается. От неожиданности девчонки взвизгивают, все хватаются за поручни. Тимур замечает, как Борис обхватывает Лелю за талию. Через секунду вагончик едет дальше. Рука Бориса остается на Лелиной талии. Борис замечает взгляд Тимура, улыбается ему.

Баха сидит на скамейке и курит. Рядом стоит его велосипед. Из кустов появляются четверо пацанов чуть постарше Бахи. Неспешно подходят, садятся.

П е р в ы й. Ну, чё, пацанчик, дай закурить.

Б а х а. Нету.

П е р в ы й. Ты чё, жадный?

Баха отрицательно качает головой.

В т о р о й. Ты башкой не мотай, а отвечай, когда старшие спрашивают.

Б а х а. Нет.

П е р в ы й. А если не жадный, дай денег.

Б а х а. У меня нету.

В т о р о й. Чего-то он не хочет с нами дружить. (*Обращаясь к третьему.*) Монгол, давай проверим.

Третий, самый здоровый из них, рывком поднимает Баху. В то время как первый и второй держат его за руки, шарит по карманам, ничего не находит.

М о н г о л. Нет у него ни фига.

В это же время четвертый пацан садится на велосипед. Баха пытается вырваться, кричит.

Б а х а. Эй, не трогай велик!

В т о р о й. Ты, черт, ты чё такой борзый!

Второй сильно бьет его поддых. Потом на него обрушивается град ударов — бьют все трое. Баха пытается отбиваться, кому-то попадает по носу, кому-то по зубам. Пацаны звереют. Его сбивают на землю и теперь уже бьют ногами. Слышны только выкрики «гаси черта!», «козел», «убью»... Избив, быстро уходят. Баха лежит на земле. Потом садится, вытирает слезы, размазывая грязь по лицу.

Баха умывается под краном, рядом хлопочет Айша, его мать.

А й ш а. Вот, держи полотенце. Дай-ка посмотрю.

Она рассматривает ссадины на лице Бахи, жалостливо качает головой. Баха отворачивается.

А й ш а. Сейчас йодом помажем, быстро заживет.

Б а х а. Да ладно, мам, все нормально, не надо йодом мазать.

Входит Рахим, видит Баху.

Р а х и м. А, герой. Так тебе и надо, не будешь шляться где попало.

А й ш а. Что ты, у ребенка велосипед отобрали — потому избили. Ты же знаешь, сам он не драчун.

Р а х и м. Как велосипед отобрали? Ты совсем с ума сошел?

А й ш а. Не ругай его, за что? Найди этих, забери велосипед.

Р а х и м. Ты замолчи! (*Бахе.*) Это своей матери-дуре сказки рассказывай! Где велосипед?

Б а х а. Отобрали.

Р а х и м. Всё! Всё! Иди отсюда! И без велосипеда не возвращайся!

Толкает Баху к выходу. Следом идет Айша, причитает.

Б а х а. Эй, ты! Не обзывай мою мать!

Рахим сильно толкает Баху, и тот оказывается во дворе.

Р а х и м. Иди! Давай!

А й ш а. Рахим! Баке! Не надо!

Баха уже у калитки. Рахим спускается с крыльца и запинается о мяч Бахи.

Р а х и м. И тут эта дрянь валяется!

Пинает мяч в сторону Бахи. Мяч стукается о калитку и останавливается у ног Бахи.

Р а х и м. Давай, давай! Хватит с тобой нянчиться! Без велосипеда не приходи!

Б а х а. Не приду.

Айша плачет, хватает Рахима за руку, тот отдергивает.

Р а х и м. А ты заткнись и иди в дом!

А й ш а. Рахим, не гони его!

Р а х и м. Я и тебя выгоню! Иди в дом!

Баха тем временем выкатывает мяч на позицию и изо всех сил пинает. Мяч попадает точно в лицо Рахима. Рахим отлетает назад, из разбитого носа хлещет кровь.

Б а х а. Гад!

Р а х и м (*срывается на визг*). Сволочь! Я убью тебя!

Поднимается, чтобы кинуться на Баху. Тот убегает.

Баха заходит в подъезд. Проходит мимо двери Аиды. Поднимается выше. Останавливается у двери Боки. Звонит. Дверь открывает мать Боки (статная, строгая женщина сорока лет).

Б а х а. Здрасьте, тетя Зауре. А Ербол дома?

З а у р е. Здравствуй, здравствуй. Ну ты и красавец! Ербола твоего я тоже вот так же вот распишу, будет знать!

За ее спиной высовывается из комнаты Бока, робко спрашивает.

Б о к а. Мам, это ко мне?

З а у р е. А ну, иди на место!

Бока тут же исчезает.

З а у р е. Никуда он не пойдет. Наказан.

За ее спиной снова беззвучно появляется Бока, устраивает видимую только Бахе пантомиму — хватает себя за горло: всё, мол, кранты.

З а у р е (*не оборачиваясь*). А ну, на место!

Бока показывает Бахе пальцем в сторону окна и исчезает. Зауре захлопывает дверь. Баха спускается по лестнице, снова замедляет шаг у двери Аиды. Выходит из подъезда.

Баха садится на лавочку у подъезда. Из окна на втором этаже появляется голова Боки. Он шепотом кричит.

Б о к а. Мать с куревом засекла, прикинь! Чуть не убила! Да еще дневник нашла! А там три банана!

Вдруг раздается голос Аиды — она стоит у двери подъезда: только что вышла.

А и д а. Да ты и сам банан ушастый!

Б о к а (*задохнувшись от возмущения*). Ты! Ты! (*Бахе.*) Прикинь, и эта змея еще нажаловалась, что я ее облил! Уродка!

А и д а. От урода слышу! Банан ушастый!

Б о к а. Ну смотри! Я тебе устрою!

Из комнаты слышится зычный окрик Зауре.

З а у р е. Ербол!

Бока исчезает.

А и д а (*Бахе*). Так ему и надо! Тебе, я вижу, уже надавали!

Баха молчит. Аида подходит ближе, распаляется.

А и д а. А у тебя сколько там бананов нашли? Еще больше?

Баха молчит.

А и д а. Чего молчишь?

Б а х а (*пожимает плечами*). Не знаю.

А и д а. Что-то без дружка своего ты несмелый.

Баха снова пожимает плечами. Аида с любопытством разглядывает его, замечает порванную и грязную футболку.

А и д а. Кто тебя так?

Б а х а. Пацаны в парке.

А и д а. А за что?

Б а х а. Велосипед забрали.

А и д а. Ничего себе. А ты родителям сказал?

Б а х а. Угу.

А и д а. И что теперь будет?

Она садится на скамейку рядом с Бахой.

Б а х а. А что будет? (*Пожимает плечами.*) Ничего. Велосипеда не будет, и всё.

А и д а. Больно?

Б а х а. Ерунда. Просто обидно.

А и д а. Да, я понимаю...

В окне появляется голова Боки, он говорит страшным шепотом.

Б о к а. Баха, ты чё с этой гадюкой разговариваешь?! Дай ей в глаз за меня!

Баха молчит.

А и д а. Тоже мне командир нашелся! Банан ушастый.

Бока выходит из себя.

Б о к а. Эй, ты чего сидишь?! Дай ей в глаз! За друга! За меня!

Аида на всякий случай встает и отходит подальше от Бахи.

Бока уже просто брызжет слюной.

Б о к а. Баха, брат! Навешай ей, чего ты ждешь!

Б а х а. Не хочу.

Б о к а. Баха, ты чё! Ни фига себе!

Аида показывает Боке язык.

А и д а. Вот так, ушастый! Баха мне друг!

Б о к а. Баха, ты слышал? Это что, правда?!

А и д а. Правда, правда!

Б а х а. Врет она. Но и бить ее не буду.

Б о к а (*в полный голос*). Да-а, вот это друг называется... Гад ты, Баха!

А и д а (*презрительно, Бахе*). Да уж... трус!

Аида решительно уходит, хлопает дверь подъезда.

Б о к а. Из-за бабы продал. Бабник!

За спиной Боки появляется Зауре и дает ему звучный подзатыльник. Бока исчезает.

Баха горестно сидит еще несколько секунд, потом встает и, прихрамывая, уходит.

Баха идет по аллее вдоль озера. Подходит к скамейке, садится, потом ложится. В глаза бьет свет фонаря, который торчит прямо над скамейкой. Баха ворочается, пытается лечь на живот, вниз лицом. Неудобно. Снова садится. Встает, идет дальше, сворачивает из аллеи и исчезает в темноте.

Баха выходит к озеру. Озирается — здесь ни души. Он идет по причалу вдоль ряда привязанных лодок. Спрыгивает в одну из них — там сыро, под ногами хлюпает вода. Идет дальше, пытается разглядеть, в какой лодке нет воды. Наконец находит, забирается туда. Берет с кормы спасательный круг, шарит под лавкой, вытаскивает кусок брезента. Пристраивает все это к лавке, чтобы получилось что-то вроде постели. Ложится на спину, смотрит вверх, в звездное небо. Тихо, только плещет вода. Неожиданно на глаза наворачиваются слезы. Баха торопливо вытирает их, но слезы снова бегут. Звезды расплываются и пляшут.

Мать и Жанка входят в темную детскую. Полоса света из коридора освещает комнату. На кровати лежит Саша.

М а т ь (*протягивает Жанке пижаму*). Переодевайся.

Ж а н к а. Мам, а сказку?

М а т ь. Тише, тише — Сашу разбудишь.

С а ш а (*сквозь сон*). А я не сплю.

Ж а н к а. Мамочка, любименькая, пожалуйста.

М а т ь (*помогает Жанке переодеться и рассказывает*). Ну, слушайте. В воде и у воды живут золотоволосые су пери — хозяйки рек и источников. Если услышит человек пение су пери, навсегда одолеет его тоска по красавице. (*Берет расческу и расчесывает Жанку, заплетает ей косу.*) Гребень у су пери волшебный. Кто дотронется до него, тот непременно утонет. Когда-то давно жил один юноша. Нашел он как-то на берегу реки золотой гребень. Поднял его, стал рассматривать, и вдруг в руке его гребень растаял, растекся водою, исчез. (*Подходит к Саше, снимает с него брюки, рубашку, укрывает одеялом.*) Испугался юноша, вспомнил, что рассказывали ему о золотых гребнях су пери, и с тех пор перестал он подходить к воде. Ни у реки не бывал, ни даже воды из ручья не пил...

Рыжая собака подходит к входной двери, приподнимается, кладет лапы на ручку двери. Дверь открывается. Собака тихо уходит. Дверь остается открытой.

М а т ь (*садится на кровать Саши*). Как-то раз ехал юноша верхом на коне и не заметил, как конь его наступил в маленькую дорожную лужу.

Мать прислушивается. Слышно, как открывается входная дверь. Мать выходит в коридор. Входная дверь открыта.

М а т ь. Володя?

Прислушивается к тишине в квартире. Тихо. Мать подходит к входной двери и закрывает ее. Возвращается в детскую и подходит к окну. Смотрит на улицу.

Ее глазами: улица из окна. По двору деловито пробегает стая собак, впереди — рыжая собака.

М а т ь (*тихо*). Вы спите?

Ж а н к а (*громко*). Нет. И что дальше?

М а т ь. Конь наступил в лужу. Стало затягивать всадника и коня в лужу, как в болото. Вот уже и голова коня ушла под воду. Хотел юноша крикнуть, но голос ему отказал, хотел соскочить с коня, но не смог шевельнуть ногой. Так затянули его в воду красавицы су пери.

Мать ушла. Жанка стала дразнить Сашу.

Ж а н к а. Я — су пери. Я утащу тебя в воду.

Жанка хватает Сашу за ногу. Он кричит и лягается.

После выпускного вечера весь класс гуляет в парке. Идут по аллее, освещенной фонарями. Кто-то принес с собой магнитофон. Его ставят на скамейку, включают музыку. Начинаются танцы. Тимур смотрит на Лелю, нерешительно идет к ней. Его опережает Борис, и Леля уходит танцевать с ним. Тимур садится на скамейку. Один из одноклассников Тимура встает на скамейку и объявляет.

О д н о к л а с с н и к. А сейчас — белый танец.

Леля вдруг подходит к Тимуру, он не успевает испугаться. Леля снимает туфли на высоких каблуках.

Л е л я. Тимур, я оставлю здесь туфли?

Ставит туфли на скамейку рядом с Тимуром и босиком идет танцевать с Борисом. К Тимуру подходит одноклассница Ольга.

О л ь г а. Тимур, пойдем потанцуем.

Тимур смотрит на туфли Лели.

Т и м у р. Нет, Ольга, извини, я не могу. Мне нужно покурить, и потом, я все равно не умею.

О л ь г а. Тогда давай покурим вместе. Это чьи туфли?

Она берет туфли и ставит их на землю возле скамейки, но Тимур поднимает их и кладет на скамейку с другой стороны. Ольга садится рядом.

О л ь г а. У тебя есть сигареты?

Т и м у р (*смотрит на Лелю и Бориса*). Нет.

Ольга что-то говорит, смеется. Тимур ее не слышит. Он видит только Лелю — как она улыбается Борису, а он — ей.

Баха спит, вдруг просыпается от шума. Приподняв голову, смотрит: в стороне, за деревьями в аллее гуляет компания (класс Тимура) — слышны голоса, смех, музыка.

Баха снова ложится, натягивает на себя уголок брезента — прохладно.

Прихожая в квартире Тимура. Тишина. Вдруг звонит телефон, долго, настойчиво. Потом замолкает.

Тимур сидит на скамейке. Вдруг встает, оглядывается. Снова садится. Снова встает. Смотрит по сторонам — на одноклассников, на Ольгу, на Лелю, которая снова танцует с Борисом. Танец кончается. Тимур берет туфли и подходит к Леле.

Т и м у р (*подает ей туфли*). Я хочу поговорить с тобой, Сольвейг.

Л е л я (*берет туфли, вытирает ноги о траву, обувается*). Не называй меня так.

Т и м у р. Извини.

Она уходит, ничего не отвечая. Тимур идет за ней, а за ними идет Борис. Так, втроем, они идут довольно долго и доходят до той части парка, где обычно гуляет Тимур. Там темно и безлюдно.

Становится холодно, Тимур снимает пиджак и подает Леле. Она останавли-

вается и смотрит на него. Не знает, брать ли пиджак. А он так и стоит с пиджаком в руке. Борис, который все время шел сзади, догнал их и тоже остановился.

Б о р и с (*тихо*). Тимур.

Т и м у р (*тихо*). Что?

Борис ничего не отвечает. Мимо проезжает машина, и свет ее ослепляет Тимура. Он закрывает рукой лицо.

Саша просыпается с плачем, зовет маму.

С а ш а. Мам, мама!

Ж а н к а (*недовольно*). Чего ты раскричался?

С а ш а. Позови маму. Мне страшно.

Ж а н к а. Иди сам. Я спать хочу.

С а ш а (*тихо воет*). Мама, мама, мама-а-а-а...

В комнату входит мать. Она в ночной рубашке.

М а т ь (*укрывает его, гладит по голове*). Что, Саша?

С а ш а. Мне эти приснились.

М а т ь. Кто?

С а ш а. Эти, с желтыми волосами.

Тимур стоит, смотрит на воду. Мимо него между деревьев проходят Леля и Борис — тихо, стараясь не шуметь. Он стоит, смотрит на воду, что-то задумчиво крутит в руке.

Утром Саша просыпается из-за громких голосов — из кухни из-за закрытой двери доносится голос матери.

М а т ь. ...Каждый день они меня спрашивают: где папа, где папа? Что я скажу? Я говорю: скоро, скоро, потерпите, папа приедет. Папа уже едет, папа вот-вот...

О т е ц. Перестань и пойми наконец: сейчас опасный сезон, могут быть сели...

М а т ь. А там, в степи? Тоже могли быть сели? Что там? Я не знаю, что там было, мы там для тебя тоже не много значили...

О т е ц. Ну хватит, в конце концов, тебя дети услышат.

М а т ь. Ты думаешь, они ничего не понимают? Честнее будет вообще разойтись.

Тем временем Саша натягивает шорты и рубашку и идет на кухню. Жанка уже стоит у закрытой двери. Саша встает рядом. Родители, будто почувствовав, замолкают. Мать выглядывает в коридор. В проем видно, что за столом спиной сидит отец.

М а т ь. Так, Жанка, Саша, берите Радку, идите погуляйте, только недалеко, во дворе. Я вас позову.

Отец начинает поворачиваться, но мать захлопывает дверь.

Саша и Жанка молча собираются и вместе с рыжей собакой идут во двор. Саша взял с собой бинокль.

Рыжая собака деловито бегает по двору — от лавки к дереву, от дерева к двери подъезда. Жанка, держась за поводок, мотается следом. Рядом бегает Саша и хнычет.

С а ш а. Дай мне, дай мне.

Ж а н к а. Нет, не дам, ты еще маленький и слабый.

С а ш а. Я не слабый!

Ж а н к а. Еще какой слабый! Слабак!

С а ш а. Я сильный! Это ты слабая!

Ж а н к а (*ехидно*). Ах, ты сильный? А чего ты тогда ночью ревел, если такой сильный?

Саша молчит.

Рада вдруг с силой дергает поводок и вырывается.

Ж а н к а. Рада! Куда! Стой!

Бежит за Радой, Саша — за Жанкой.

Рада выбегает со двора, бежит вдоль по улице. Жанка и Саша бегут следом. Рада несется по аллее парка, за ней — Жанка и Саша. Прибегают на озеро. Рада садится на берегу, будто ждет чего-то. Саша и Жанка слоняются по берегу, потом Жанка бежит по плавучим мосткам, к которым привязаны прогулочные лодки.

Ж а н к а. Ну давай, иди сюда. Покажи, какой ты смелый.

Саша топчется на берегу и не решается идти за ней.

Жанка добегает до конца.

Ж а н к а. Что стоишь? Иди.

С а ш а. Я не хочу.

Ж а н к а. Да ты просто трус!

Она бежит назад. Подбегает к Саше, выхватывает у него бинокль. Саша пытается отобрать бинокль, Жанка с хохотом убегает и лезет на дерево.

Ж а н к а. Не достанешь, не достанешь!

Саша пытается лезть на дерево, но у него ничего не получается. Жанка тем временем лезет все выше. Саша возвращается на берег, садится, смотрит на воду. Замечает, что неподалеку на камне сидит человек. Это Тимур. Жанка, удобно устроившись, сидит на дереве. Смотрит в бинокль, что-то напевает. В поле зрения попадают дерево на том берегу, чертово колесо, рябь на воде, спина Саши... Жанка переворачивает бинокль и смотрит снова: далеко-далеко сидит Саша у озера. Жанка смотрит на свою руку.

Тимур встает, снимает галстук, кладет его в карман пиджака, оставляет пиджак на берегу. Закатывает рукава рубашки и берет большой камень. Заходит в воду. Он идет с камнем. Смотрит на свои руки, держащие камень, и думает, что, наверное, когда потеряет сознание, он выпустит камень и всплывет, — и останется жив. С сожалением вспоминает о галстуке, оставленном на берегу, — ведь им можно было привязать камень.

Т и м у р (*продолжая идти*). Галстук.

Саша замечает, что человек, который сидел на берегу, взял большой камень и зашел в воду. Он встает и идет по плавучим мосткам в глубь озера. Они идут почти параллельно. Поравнявшись с краем пристани, Тимур уходит под воду с головой.

Глазами Саши: он видит, как Тимур скрывается под водой. Он понимает, что его заманивают су пери, и ему становится очень страшно. Сначала неуверенно, а потом все громче он кричит.

С а ш а. Жанка! Жанка!

Жанка продолжает глазеть по сторонам. Вдруг слышит голос Саши. Находит его биноклем: Саша стоит на краю пристани и машет ей руками. Жанка смотрит и не понимает. Саша неожиданно прыгает в воду. Жанка, бормоча: «Ой, мамочки, мамочки!», чуть не срываясь, спускается с дерева. Несется к озеру, потом по мосткам, кричит.

Ж а н к а. Помогите! Помогите!

Баха просыпается от крика, поднимается и видит девчонку, бегущую к озеру. Видит, как маленький пацан барахтается в воде и явно тонет.

Тимур продолжает идти.

Глазами Тимура: где-то впереди, в зеленой темноте, мерещится ему силуэт. Он понимает, что это Царица. «Сейчас надо вдохнуть, — думает он, — и все кончится».

Баха, спотыкаясь, выбирается из лодки на причал и бежит к его дальнему краю.

Глазами Тимура: Царица уже совсем близко. Ему кажется, что он видит ее глаза.

Вдруг Тимур слышит сверху неясный шум, всплеск. Он поднимает голову и видит в воде маленького человека. Наверное, это тот пацан, который сидел на берегу. Тимур понимает, что человек тонет. Секунду он решает, потом выпускает камень и поднимается вверх.

Жанка скачет и визжит от ужаса. Баха скидывает кроссовки и прыгает в воду.

Тимур выныривает и, схватив Сашу, тащит его к берегу. Баха барахтается рядом.

Саша сидит на берегу. Рядом плачет Жанка. Тимур молча снимает с Саши рубашку, выжимает. Чтобы согреть, трет руками спину Саши. Баха выжимает майку.

Невдалеке сидит рыжая собака и наблюдает за ними.

Тимур своим пиджаком укрывает Сашу. Баха садится рядом. Так они вчетвером смирно сидят и молча смотрят на озеро.

Вдоль белой стены идет Баха. Вдруг останавливается — перед ним зеленая дверь. Какое-то время стоит, потом делает шаг, второй. Наконец толкает рукой дверь.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО» ЗА 2008 ГОД

Цифрами обозначен номер журнала

З Д Е С Ь И Т Е П Е Р Ь

Актуальное кино — не снимать! Сочи-2008. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии участвуют **Лоран Данилю, Даниил Дондурей, Виталий Манский, Армен Медведев, Андрей Плахов, Кирилл Разлогов, Александр Роднянский, Сергей Титинков, Игорь Толстунов, Раиса Фомина, Иван Форгач, Сергей Члиянц, Жоэль Шапрон, Елена Яцура** 8

Время «че». Канн-2008. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии участвуют **Евгений Гусятинский, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Лев Карахан** 7

Гудков Лев — Дондурей Даниил — Панн Эмиль. «Он русский, это многое объясняет» 5

Дондурей Даниил — Бакштейн Иосиф — Морев Глеб. Завершилась ли эпоха Просвещения? 1

Дондурей Д. — Радзиховский Л. — Роднянский А. Инновации. Телевизор. Идеология 6

Дондурей Даниил — Разлогов Кирилл — Угаров Михаил. Современная культура: динамика застоя 3

К 100-летию российского кинопроизводства 11

От «фильмы» — к «продукту». Анкета «ИК». На вопросы отвечают **Александр Велединский, Владимир Дмитриев, Иван Дыховичный, Андрей Звягинцев, Павел Лунгин, Евгений Марголит, Майя Туровская**

Поздняков Александр. Начало

Ромашков Владимир. За кулисами. (*Публикация А.Позднякова.*)

Неигровое кино — ресурс игрового. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии участвуют **Зара Абдуллаева, Виктория Белопольская, Арсен Готлиб, Сергей Дворцевой, Даниил Дондурей, Виталий Манский, Виктор Матизен, Ирина Павлова, Марина Разбежкина, Вика Смирнова, Алена Солнцева, Алексей Учитель, Алексей Ханютин** 10

Перестройка как процесс 9

Драгунский Денис. Мещанская драма

Ерофеев Андрей. Десоветизация искусства. *(Интервью ведет Тамара Дондурей.)*

Искусство и перестройка. В дискуссии участвуют **Мария Байбакова, Иосиф Бакштейн, Сергей Борисов, Дмитрий Врубель, Екатерина Деготь, Фолькер Диль, Наталья Колодзей, Александра Обухова, Никола Овчинников, Федор Павлов-Андреевич, Мария Попова, Ольга Свиблова, Николай Филатов**

Радзиховский Леонид. Потребители с большой дороги 4

Сериалы против кино. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии участвуют **Владилен Арсеньев, Александр Атанесян, Наталья Венжер, Анатолий Голубовский, Даниил Дондурей, Лев Карахан, Никита Михалков, Максим Стишов, Дмитрий Фикс, Сергей Фикс, Александр Хван, Сергей Члиянц** 2

Сценарий: про что кино? «Круглый стол». В дискуссии участвуют **Ким Белов, Елена Гремина, Нана Гринштейн, Андрей Дмитриев, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Александр Кабаков, Екатерина Нарши, Дмитрий Нестеров, Ирина Павлова, Павел Финн, Валентин Черных, Катя Шагалова** 12

Юрьев Дмитрий. Легализация лояльности 4

И М Е Н А

ИЗАБЕЛЬ АДЖАНИ 3

Аджани Изабель. Точки над «i». (*Беседу ведет Мишель Ребишон.*)

АЛЕКСЕЙ БАЛАБАНОВ 1

Суховерхов Арсений. Пространство подростка

ФИЛИПП ГАРРЕЛЬ 3

Кушнарева Инна. Повседневность после Истории

ОТАР ИОСЕЛИАНИ 10

Баландина Наталья. Волшебная феерия

МАЙКЛ ЙОРК 2

Йорк Майкл: «Хороший артист — это вор». (*Интервью ведет Мумин Шакиров.*)

МАЙКЛ КЕЙН 4

Цыркун Нина. Командор Кейн

СТИВ МАККУИН 9

Маккуин Стив. Последний оплот сопротивления. (*Интервью ведет Мария Бейкер.*)

Рождественская Ксения. Развоплощение тела

СЕРГЕЙ МАКОВЕЦКИЙ 2

Машукова Александра. Роман с собой и роман с миром

ЖАННА МОРО 4

Моро Жанна: «Я не мечтала стать звездой, я искала приключений». (*Комментарий Беатрисы Кулон.*)

МАНУЭЛ ДИ ОЛИВЕЙРА 11

Долин Антон. Суперстар

ТИМОТИ О'САЛЛИВАН 5

Фоменко Андрей. Тимоти О'Салливан, фотограф фронтира

МАЙКЛ ПАУЭЛЛ 8, 11

Дарахвелидзе Георгий. Ландшафты сновидений **(11)**

Дарахвелидзе Георгий. Тот, кто заявил: «Я — кино» **(8)**

МАЙКЛ ПИТТ 10

Питт Майкл: «Ничего общего с Брэдом...» (*Беседу ведет и комментирует Гвен Дуге.*)

АЛЕКСАНДР РОДНЯНСКИЙ 8

Роднянский Александр. Отравление адреналином. (*Беседу ведет Дмитрий Трояновский.*)

ЮРИЙ СТЕПАНОВ 1

Машукова Александра. Без иллюзий

Дэнielсен Шейн. Кинематограф новой Европы 8
Ковалов Олег. Наш ответ Джойсу ..... 3—4
Ковалов Олег. «Четвертый смысл» ..... 10—11
Комм Дмитрий. Красота мечты и кошмара 7
Комм Дмитрий. Эскимоска и Голливуд 9
Кривуля Наталья. 3D — и смотри 6
Майзель Евгений. Преступление и наслаждение 3
Разлогов Кирилл. Особый взгляд? 7
Самылкина Екатерина. Ностальгия по настоящему 3
Сычев Сергей. Боятся как огня 10
Торе Жан-Батист. 70-е: перезагрузка 2
Фоменко Андрей. Стереофотография 7
Хржановский Андрей — Катаев Григорий. Невеселый разговор 5
Цвет времени: синий. (*Евгения Леонова — Мария Гордон — Ирина Лапина*) 5

Р Е П Е Р Т У А Р

Абдуллаева Зара. Каждому свое кино 11
Абдуллаева Зара. Маленький большой фильм..... 11
Абдуллаева Зара. Меланхолия 2
Абдуллаева Зара. Посторонний 8
Абдуллаева Зара. При всем при том 3
Андреева Ольга. От мифа к «мылу» 8
Аннинский Лев. Платим и теперь 8
Артюх Анжелика. Перекресток различий 5
Артюх Анжелика. Синяя фея, или Американская мечта 1
Бакурадзе Бакур. Игра в бисер. (*Интервью ведет Игорь Сукманов.*) 8
Бейкер Мария. На гребне войны 11
Бейкер Мария. «Подмена» в Юрьеве 8
Богомолов Юрий. Поговорим за «Ликвидацию» 2
Гарт Давид. Арбузная жвачка и слезный магендовид 6
Гусятинский Евгений. Конвой 9
Гусятинский Евгений. Правила игры 7
Гусятинский Евгений. Чертова середина 1
Гусятинский Евгений. Live 11
Десятерик Дмитрий. Вне контроля 6
Долин Антон. Братство агнца 7
Долин Антон. Превращение 11
Долин Антон. In oil we trust 3
Дроздова Марина. Многослойность реальности 8
Зиборова Ольга. Герой не нашего времени 10
Зиборова Ольга. Миссис Икс 4
Зинцов Олег. Ювенильное небо 11
Карахан Лев. Анализ крови 1
Кенфилд Кевин. Большое настоящее 2
Кузьмина Лидия. Барышня Месть 1
Кузьмина Лидия. Нетипичные обстоятельства 6
Кушнарева Инна. Малыш и Карлсон 9
Кушнарева Инна. Пересчет утопленников 10
Леонова Евгения. Вперед на четвереньках 4
Леонова Евгения. Кладбище скрытых возможностей 9
Любарская Ирина. Механика судьбы 8
Майзель Евгений. Интим не предлагать 4
Малюкова Лариса. Куклы 8
Малюкова Лариса. Методом «эклера» 7
Малюкова Лариса — Разлогов Кирилл. Тише едешь — дальше будешь 6
Никифорова Виктория. Станем китайцами 5
Овчаров Сергей: «Я готов ставить чеховский «Вишневый сад» еще и еще...» (*Интервью ведет Александра Тучинская.*) 9
Плахов Андрей. Космос как метафора 11
Плахов Андрей. Нет у революции конца 7
Плахова Елена. Политическая инсталляция 7
Разлогов Кирилл. Евразийский хронотоп 8
Рождественская Ксения. Парадокс Китано 11
Сараскина Людмила. Вдали от сигнальных огней 1
Слапиня Анна. Глазами подростка 2
Смирнова Вика. Поэма без героя 4
Смирнова Вика. Тереза, или Время возвращения 9
Солнцева Алена. Хорошо артикулированное подсознание 1
Стишова Елена. Без интриги 9
Стишова Елена. Восхождение на Фудзияму 3
Сукманов Игорь. Каннский след 8
Сукманов Игорь. Территория любви 10
Тарханова Катя. Невыносимая легкость дня 8
Тарханова Катя. Цельновязаный жакет 4
Тучинская Александра. Сад-фантом, или Чехов снова с нами 9
Тыркин Стас. Бешеный Мик 3
Тыркин Стас. Невидимки 11
Учитель Алексей. По острию бритвы. (*Интервью ведет Екатерина Самылкина.*) 9
Цыркун Нина. Драма на море 7
Цыркун Нина. Искусственный газон 2
Цыркун Нина. Каждому — СВОЕ 4
Цыркун Нина. На воде 1
Цыркун Нина. Но нельзя рябине... 1
Цыркун Нина. Парень из стали 5
Цыркун Нина. Секс, ложь и мемуары 10
Цыркун Нина. Три цвета 8
Цыркун Нина. Тусклое золото Берлинале 3
Цыркун Нина. Хэппенинг 6
Щербакова Ирина. «Бирнамский лес» Катыни 3
Щиголев Андрей. О чем кричит кукушка 9

Ф Е С Т И В А Л И

АНАПА-2007, *«Киношок»* 2
Дроздова Марина. Наши намеки вполне прозрачны
БЕРЛИН-2008 3
Абдуллаева Зара. При всем при том
Долин Антон. In oil we trust
Стишова Елена. Восхождение на Фудзияму
Тыркин Стас. Бешеный Мик
Цыркун Нина. Тусклое золото Берлинале
Щербакова Ирина. «Бирнамский лес» Катыни
ВЕНЕЦИЯ-2008 11
Абдуллаева Зара. Каждому свое кино
Абдуллаева Зара. Маленький большой фильм
Бейкер Мария. На гребне войны
Гусятинский Евгений. Live
Долин Антон. Превращение
Зинцов Олег. Ювенильное небо
Плахов Андрей. Космос как метафора
Рождественская Ксения. Парадокс Китано
Тыркин Стас. Невидимки
КАНН-2008 7
Время «че». В дискуссии, посвященной 61-му Каннскому кинофестивалю, участвуют **Евгений Гусятинский, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Лев Карахан**
Гусятинский Евгений. Правила игры
Денёв Катрин. Два интервью по личным (и не только) вопросам

Десятерик Дмитрий. «Будьте реалистами — требуйте невозможного!»
Долин Антон. Братство агнца
Малюкова Лариса. Методом «эклера»
Плахов Андрей. Нет у революции конца
Плахова Елена. Политическая инсталляция
Разлогов Кирилл. Особый взгляд?
Цыркун Нина. Драма на море
КАРЛОВЫ-ВАРЫ-2008 9
Гусятинский Евгений. Конвой
Стишова Елена. Без интриги
Учитель Алексей. По острию бритвы. (*Интервью ведет Екатерина Самылкина.*)
МОСКВА-2007, *фестиваль документальных фильмов «Кинотеатр.doc»* 3
Болотян Ильмира. Doc как способ идентификации
Самылкина Екатерина. Ностальгия по настоящему
МОСКВА-2008, *ММКФ* 9
Кушнарева Инна. Малыш и Карлсон
Леонова Евгения. Кладбище скрытых возможностей
Овчаров Сергей: «Я готов ставить чеховский «Вишневый сад» еще и еще...» (*Интервью ведет Александра Тучинская.*)
Смирнова Вика. Тереза, или Время возвращения
Тучинская Александра. Сад-фантом, или Чехов снова с нами
Щиголев Андрей. О чем кричит кукушка
МОСКВА-2008, *Неделя израильского кино в Москве* 6
Гарт Давид. Арбузная жвачка и слезный магендовид
МОСКВА-2008, *фестиваль «Св. Анна»* 6
Малюкова Лариса — Разлогов Кирилл. Тише едешь — дальце будешь
ОБЕРХАУЗЕН-2008 5
Артюх Анжелика. Перекресток различий
СОЧИ-2008, *«Кинотавр»* 8
Абдуллаева Зара. Посторонний
Актуальное кино — не снимать! «Круглый стол»
Андреева Ольга. От мифа к «мылу»
Аннинский Лев. Платим и теперь
Бакурадзе Бакур. Игра в бисер. (*Интервью ведет Игорь Сукманов.*)
Бейкер Мария. «Подмена» в Юрьеве
Гудкова Анна. Жизнь питчинга только начинается
Дроздова Марина. Многослойность реальности
Любарская Ирина. Механика судьбы
Малюкова Лариса. Куклы
Разлогов Кирилл. Евразийский хронотоп
Сукманов Игорь. Каннский след
Тарханова Катя. Невыносимая легкость дня
Форгач Иван. Под прикрытием культурной миссии
Цыркун Нина. Три цвета

Ч Т Е Н И Е

Адабашьян Александр. Проезд Серова 10
Арабов Юрий. Чудо 9
Арабов Юрий. Юрьев день 5
Гремина Елена. Однажды поздним вечером 2
Дишдишян Ованим. Вниз по Евфрату на плотах. (*Публикация Рубена Дишдишяна.*) ..... 4—6
Долгопят Елена. Ванюша 1
Долгопят Елена. Alter ego 12
Драгунский Денис. Шесть сценариев 12
Купреянова Ипполита. Французский балкон 12
Магамбетов Марат, Филиппова Светлана. Люди как братья, пантеры как кошки 12
Мизгирев Алексей. Бубен, барабан 3
Минаев Игорь, Михайлова Ольга. Маяк 11
Пальчикова Анастасия. Один на один 7
Сасина Марина. Одна война 12
Стругацкий Аркадий, Стругацкий Борис. Ведьма 2
Шевченко Ольга. Пойма 6

ФИЛЬМЫ И ТЕЛЕПРОГРАММЫ, О КОТОРЫХ ПИСАЛИ В «ИСКУССТВЕ КИНО» В 2008 ГОДУ

«3 минуты 41 секунда» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«12» (Лев Карахан 1
Александра Машукова) 2
«24 город» (Er shi si cheng ji / 24 City) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«400 ударов» (Les quatre cents coups) (Наталья Баландина) 10
«Автостоянка» (Ting che) (Кирилл Разлогов) 7
«Ад в Тихом океане» (Hell in the Pacific) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Адмиралъ» (Ольга Зиборова) 10
«Аллея славы» (Glory Alley) (Дмитрий Комм) 9
«Алфи» (Alfie) (Нина Цыркун) 4
«Американец в Париже» (An American in Paris) (Дмитрий Комм 7
Дмитрий Комм) 9
«Аники Бобо» (Aniki Bóbó) (Антон Долин) 11
«Антуан и Колетт» (Antoine et Colette) (Наталья Баландина) 10
«Апрель» (Наталья Баландина) 10
«Ахиллес и черепаха» (Achilles to kame) (Зара Абдуллаева 11
Ксения Рождественская) 11
«Без единой улики» (Without a Clue) (Нина Цыркун) 4
«Безнадежный день» (O Dia do Desespero) (Антон Долин) 11
«Безумства Зигфилда» (Ziegfeld Follies) (Дмитрий Комм) 7
«Белый орел» (Александра Тучинская) 11
«Бенильде, или Мать-девственница» (Benilde ou a Virgem Mãe) (Антон Долин) 11
«Беспечная» (Happy-Go-Lucky) (Зара Абдуллаева 3
Нина Цыркун) 3
«Бесплатный пунш» (Gratis Punsh) (Анжелика Артюх) 5
«Бесы», *ТВ* (Людмила Сараскина) 1
«Бешеный пес Джонни» (Johny Mad Dog) (Кирилл Разлогов) 7
«Божественная комедия» (A Divina Comédia) (Антон Долин) 11
«Борец» («Рестлер», The Wrestler) (Зара Абдуллаева 11
Евгений Гусятинский) 11
«Бригадун» (Brigadoon) (Георгий Дарахвелидзе 11
Дмитрий Комм) 7
«Бумажный солдат» (Зара Абдуллаева 11
Андрей Плахов) 11

«Бэтмен возвращается» (Batman Begins) (Нина Цыркун) 4
«В ожидании чуда» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«В реальном времени», *цикл док. фильмов* (Сергей Дебижев — Александра Тучинская) 3
«В ясный день можно заглянуть в вечность» (On a Clear Day You Can See Forever) (Дмитрий Комм) 7
«Вальс с Баширом» (Vals im Bashir) (Лариса Малюкова) 7
«Вегас: правдивая история» (Vegas: Based on a True Story) (Зара Абдуллаева) 11
«Венди и Люси» (Wendy and Lucy) (Кирилл Разлогов) 7
«Верим в любовь» (Zuo you) (Нина Цыркун) 3
«Версаль» (Versailles) (Кирилл Разлогов) 7
«Весеннее действо» (Acto de Primavera) (Антон Долин) 11
«Ветер в ночи» (Le vent de la nuit) (Инна Кушнарева) 3
«Видимое и невидимое» (Do Visível ao Invisível) (Антон Долин) 11
«Внутренняя территория» (Gabbla) (Зара Абдуллаева) 11
«Война Чарли Уилсона» (Charlie Wilson's War) (Том Хэнкс — Жюльетт Мишо) 6
«Волшебник из страны Оз» (The Wizard of Oz) (Дмитрий Комм) 7
«Волшебное зеркало» (Espelho Mágico) (Антон Долин) 11
«Воображаемая жизнь ангелов» (La vie rêvée des anges) (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«Воробьиная песня» (Avaze gonjeshk-ha) (Нина Цыркун) 3
«Воспитание Риты» (Educating Rita) (Нина Цыркун) 4
«Восхождение Люцифера» (Lucifer Rising) (Олег Иванов) 10
«Восхождение Скорпиона» (Scorpio Rising) (Олег Иванов) 10
«Всегда прекрасна» (Belle toujours) (Антон Долин) 11
«Встреть меня в Сент-Луисе» (Meet Me in St. Louis) (Дмитрий Комм) 7
«Высокие чувства» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Гангстер» (American Gangster) (Анжелика Артюх) 1
«Где-то между маем и летом» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Георг» (Georg) (Ольга Зиборова) 4
«Герой местного значения» (Local Hero) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Глория» (Gloria) (Ольга Артемьева) 10
«Говорящее кино» (Um Film Falado) (Антон Долин) 11
«Голод» (Hunger) (Стив Маккуин — Мария Бейкер 9
Кирилл Разлогов 7
Ксения Рождественская 9
рубрика «Здесь и теперь») 7
«Гоморра» (Gomorra) (Елена Плахова) 7
«Горящая прерия» (The Burning Plain) (Зара Абдуллаева) 11
«Граница рассвета» (La frontière de l'aube) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Гудбай, Соло» (Goodbye Solo) (Стас Тыркин) 11
«Да будет свет!» (Shine a Light) (Стас Тыркин) 3
«Две любовницы» (Two Lovers) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Девственность» (Виталий Манский — Сергей Сычев) 10
«Дело «Ипкрисс» (The Ipcress File) (Нина Цыркун) 4
«День радио» (Катя Тарханова) 4
«Джулия» (Julia) (Нина Цыркун) 3
«Диво» (Il Divo) (Елена Плахова) 7
«Дикая невинность» (Sauvage innocence) (Инна Кушнарева) 3
«Дикое поле» (Кирилл Разлогов 8
Игорь Сукманов) 8
«Дитя» (L'enfant) (Люк Дарденн) 9
«Длинноногий папочка» (Daddy Long Legs) (Дмитрий Комм) 9
«Долина Авраама» (Vale Abraão) (Антон Долин) 11
«Дон Кихот» (Don Quichotte) (Александра Тучинская) 11
«Другая» (L'autre) (Зара Абдуллаева) 11
«Дуб № 419» (Ильмира Болотян) 3
«Душка» (Dushka) (Александра Машукова 2
Нина Цыркун) 1
«Железный человек» (Iron Man) (Нина Цыркун) 5
«Женщина под влиянием» (A Woman Under the Influence) (Ольга Артемьева) 10
«Жестокость» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм 6
Лидия Кузьмина) 1
«Живи и помни» (Лев Аннинский 8
Игорь Сукманов) 8
«Жижи» (Gigi) (Дмитрий Комм) 7
«Жил певчий дрозд» (Наталья Баландина) 10
«Забавные игры» (Funny Games) (Кэтлин Уитли) 5
«Забавные игры» (Funny Games U.S.) (Кэтлин Уитли 5
Михаэль Ханеке — Шейла Джонстон) 5
«Залечь на дно в Брюгге» (In Bruges) (Лидия Кузьмина) 6
«Запретное царство» (The Forbidden Kingdom) (Виктория Никифорова) 5
«Зардоз» (Zardoz) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Застава Ильича» (Олег Ковалов) ..... 10—11
«Зеленый театр в Земфире» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Игра» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«Игры воображения» (Ильмира Болотян) 3
«Индиго» (Евгения Леонова — Мария Гордон — Ирина Лапина) 5
«Иоланда и вор» (Yolanda and the Thief) (Дмитрий Комм) 7
«Искупление» (Atonement) (Нина Цыркун) 2
«Искусственные воды» (Eaux d'artifice) (Олег Иванов) 10
«Исповедь будет вот-вот» (Confession Coming Soon) (Анжелика Артюх) 5
«История воды» (Une histoire d'eau) (Наталья Баландина) 10
«Кабала в Кабуле» (Kabale à Kaboul) (Ильмира Болотян) 3
«Каждому свое кино» (Chacun son cinéma ou Ce petit coup au Coeur quand la lumière s'éteint et que le film commence) (Евгения Майзель 4
Нина Цыркун) 4
«Как Анечка увидела член» (Ильмира Болотян) 3
«Как стать стервой» (Анжелика Артюх) 5
«Карамазовы» (Karamazovi) (Елена Стишова) 9
«Катынь» (Katyn) (Ирина Щербакова) 3
«Кентерберийская история» (A Canterbury Tale) (Георгий Дарахвелидзе) 11

«Клетка» (Leonera) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Коломбо» (Columbo), *ТВ* (Евгений Майзель) 3
«Колыбельная» (Олег Ковалов) 4
«Конец VI главы» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Контрабанда» (Contraband) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Контроль» (Control) (Дмитрий Десятерик) 6
«Край света» (The Edge of the World) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Красный шар» (Le ballon rouge) (Инна Кушнарева) 9
«Краткие сведения по некоторым эпизодам» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Кроличья луна» (Rabbit's Moon) (Олег Иванов) 10
«Кухня-джаз» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Лео Последний» (Leo the Last) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Ликвидация», *ТВ* (Юрий Богомолов 2
Александра Машукова) 2
«Лили» (Lili) (Дмитрий Комм) 9
«Листопад» (Наталья Баландина) 10
«Лица» (Faces) (Ольга Артемьева) 10
«Любимая» (L'aimée) (Вика Смирнова) 9
«Любовь-морковь» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«Мадам Бовари», *реж. Винсенте Миннелли* **(Madame Bovary)** (Дмитрий Комм) 7
«Марадона глазами Кустурицы» (Maradona by Kusturica) (Кирилл Разлогов 7
рубрика «Здесь и теперь») 7
«Мать» (Ильмира Болотян 3
Алена Солнцева) 1
«Мать-одиночка и хор» (Анжелика Артюх) 5
«Между стен» («Класс», Entre les murs / The Class) (Евгений Гусятинский 7
рубрика «Здесь и теперь») 7
«Мечта Кассандры» (Cassandra's Dream) (Вуди Аллен — Синтия Лючиа 3
Нина Цыркун) 1
«Мечтатели» (The Dreamers) (Инна Кушнарева) 3
«Мешок» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Мика и Альфред» (Майкл Йорк — Мумин Шакиров) 2
«Минни и Московиц» (Minnie and Moskowitz) (Ольга Артемьева) 10
«Мне не больно» (Александра Машукова) 2
«Мои солдатики» (Марина Дроздова) 2
«Мой класс» (Ильмира Болотян 3
Екатерина Самылкина) 3
«Молчание Лорны» (Le silence de Lorna) (Антон Долин 7
рубрика «Здесь и теперь») 7
«Монастырь» (Ильмира Болотян) 3
«Монастырь» (O Convento) (Антон Долин) 11
«Моя страна, моя страна» (My Country My Country) (Ильмира Болотян) 3
«Мужья» (Husbands) (Ольга Артемьева) 10
«Муха» (Анна Слапиня) 2
«Мы из будущего» (Евгения Леонова) 4
«Небесные тихоходы» (Sukai kukora) (Олег Зинцов) 11
«Невольно» (De ofrivilliga) (Кирилл Разлогов) 7
«Не трогайте топор» (Ne touchez pas la hache) (Вика Смирнова) 4
«Нет, или Тщетная слава» («Non», ou A Vã Gloria de Mandar) (Антон Долин) 11
«Незнакомая земля» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Незримое» (Анжелика Артюх) 5
«Неуловимый Первоцвет» (The Elusive Pimpernel) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Нефть» (There Will Be Blood) (Антон Долин 3
Нина Цыркун) 3
«Нирвана» (Ольга Андреева 8
Игорь Сукманов) 8
«Новая земля» (Игорь Сукманов) 8
«Норманд сверху» (Normand From the Top) (Анжелика Артюх) 5
«Нулевой километр» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«Обещание» (La promesse) (Люк Дарденн) 7
«Облако 9» (Wolke Neun) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Обреченная любовь» (Amor de Perdição) (Антон Долин) 11
«Обыкновенные любовники» (Les Amants reguliers) (Инна Кушнарева) 3
«Одетый для убийства» (Dressed to Kill) (Нина Цыркун) 4
«Однажды в провинции» (Евгения Леонова) 9
«Озеро Тахо» (Lake Tahoe) (Нина Цыркун) 3
«Океан» (Игорь Сукманов 8
Нина Цыркун) 8
«Она провела слишком много часов под софитами» (Elle a passé tant d'heures sous les sunlights...) (Инна Кушнарева) 3
«Особо опасен» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«Остров», *реж. П.Лунгин* (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) 6
«Островок цветов» (Isle of Flowers) (Анжелика Артюх) 5
«О'Хортен» (O'Horten) (Кирилл Разлогов) 7
«Охота за ворота» (Екатерина Самылкина) 3
«Очарование зла», *ТВ* (Михаил Козаков — Олексий-Нестор Науменко) 2
«Папа Джованны» (Il papà di Giovanna) (Зара Абдуллаева) 11
«Пастораль» (Наталья Баландина) 10
«Пересчет» (Recount) (Инна Кушнарева) 10
«Перо маркиза де Сада» (Quills) (Нина Цыркун) 4
«Письмо» (A Carta) (Антон Долин) 11
«Пламя в океане» (Yi ban hai shui, yi ban huo yan) (Кирилл Разлогов) 7
«Пленный» (Евгений Гусятинский 9
Алексей Учитель — Екатерина Самылкина) 9
«Плохие голубые мальчики» (Panj Pun Olova / Bad Blue Boys) (Анжелика Артюх) 5
«Плюс один» (Лариса Малюкова) 8
«Подводное течение» (Undercurrent) (Дмитрий Комм) 7
«Подмена» (Changeling) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Пока дьявол не узнает, что ты мертв» («Игры дьявола», Before the Devil Knows You're Dead) (Евгений Гусятинский) 1
«Поклонение» (Adoration) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Полет красного шара» (Le voyage du ballon rouge) (Инна Кушнарева) 9
«Порто моего детства» (Porto da Minha Infância) (Антон Долин) 11
«Портрет Дориана Грея» (Александра Тучинская) 11

«Последняя воля» (Last Orders) (Нина Цыркун) **4**
«После вечеринки / Afterparty (Марина Дроздова) **2**
«После прочтения сжечь» (Burn After Reading) (Нина Цыркун) **10**
«После школы» (Afterschool) (Кирилл Разлогов) **7**
«Потоки любви» (Love Streams) (Ольга Артемьева) **10**
«Правила виноделов» (The Cider House Rules) (Нина Цыркун) **4**
«Представление» (Сергей Лозница — Мария Бейкер) **4**
«Прекрасный день» (Un giorno perfetto) (Зара Абдуллаева) **11**
«Преступление и наказание», *ТВ* (Людмила Сараскина) **1**
«Призрак едет на Запад» (The Ghost Goes West) (Георгий Дарахвелидзе) **11**
«Принцип неуверенности» (O Princípio da Incerteza) (Антон Долин) **11**
«Пришелец — спасение Валдиса в 11 частях» (Tulnukas ehk Valdise pääsemine 11 osas) (Марина Дроздова) **2**
«Прогулки по воде» (Lalehet al hamayim) (Давид Гарт) **6**
«Прошлое и настоящее» (O Passado e o Presente) (Антон Долин) **11**
«Проще простого» (Be hamin sadegi) (Андрей Щиголев) **9**
«Путешествие к началу мира» (Viagem ao Princípio do Mondo) (Антон Долин) **11**
«Пятая империя» (O Quinto Império — Ontem Como Hoje) (Антон Долин) **11**
«Пятнашки» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) **6**
«Рейчел выходит замуж» (Rachel Getting Married)
(Зара Абдуллаева **11**
Евгений Гусятинский) **11**
«Река Доуру» (Douro, Faina Fluvial) (Антон Долин) **11**
«Риорита» (Игорь Сукманов) **8**
«Рождественская сказка» (Un conte de Noël)
(рубрика «Здесь и теперь») **7**
«Розетта» (Rosetta) (Люк Дарденн) **7**
«Роса» (Teza) (Зара Абдуллаева) **11**
«Русалка» (Анна Меликян — Тамара Дондурей) **4**
«Рыба» (Марина Дроздова) **2**
«Рыбка Поньо» (Gake no Ue Ponyo) (Зара Абдуллаева **11**
Антон Долин) **11**
«Рыжая и снег» (Екатерина Самылкина) **3**
«Сад» (Сергей Овчаров — Александра Тучинская **9**
Александра Тучинская) **9**
«Свободное плавание» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) **6**
«Сезон дождей» (Сергей Дебижев — Александра Тучинская) **3**
«Секреты» (Sodot, Ha-) (Давид Гарт) **6**
«Семейный очаг» (Domicile conjugal) (Наталья Баландина) **10**
«Сервис» (Serbis) (рубрика «Здесь и теперь») **7**
«Сильный человек» (Александра Тучинская) **11**
«Скафандр и бабочка» (Le Scaphandre et le papillon) (Джулиан Шнабель — Скотт Маколей) **1**
«Скованные пилой» (Chainsaw) (Анжелика Артюх) **5**
«Скрытая угроза» («Повелитель бури», The Hurt Locker) (Зара Абдуллаева **11**
Мария Бейкер) **11**
«Слово и утопия» (Palavra e Utopia) (Антон Долин) **11**
«Слуга Мельпомены» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) **6**
«Соль этого моря» (Salt of This Sea) (Кирилл Разлогов) **7**
«Солярис» (Ант Скаландис) **2**
«Сталкер» (Ант Скаландис) **2**
«Стандартная оперативная процедура» (Standart Operating Procedure) (Нина Цыркун) **3**
«Старикам здесь не место» (No Country for Old Men) (Зара Абдуллаева **2**
Кевин Кенфилд) **2**
«Старушка-ревнивица» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) **6**
«Сын» (Le fils) (Люк Дарденн) ..... **8—9**
«Сыщик» («Игра навылет», Sleuth), *реж. Джозеф Манкевич* (Нина Цыркун) **4**
«Сыщик» («Игра навылет», Sleuth), *реж. Гаролд Пинтер* (Нина Цыркун) **4**
«Таблица умножения» (Екатерина Самылкина) **3**
«Тайсон» (Tyson) (Кирилл Разлогов) **7**
«Таксист» (Екатерина Самылкина) **3**
«Тася» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) **6**
«Тени» (Shadows) (Ольга Артемьева) **10**
«Территория» (Ильмира Болотян **3**
Екатерина Самылкина) **3**
«Тиски» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) **6**
«Тихий американец» (The Quiet American) (Нина Цыркун) **4**
«Токийская соната» (Tôkyô sonata) (Кирилл Разлогов) **7**
«Токио!» (Tokyo!) (Кирилл Разлогов) **7**
«Тот, кто гасит свет» (Игорь Сукманов) **8**
«Три истории любви» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) **6**
«Три истории о любви» (The Story of Three Loves)
(Дмитрий Комм **7**
Дмитрий Комм) **9**
«Три обезьяны» (Üç maymun / Three Monkeys)
(рубрика «Здесь и теперь» **7**
Нина Цыркун) **7**
«Тюльпан» (Кирилл Разлогов **7**
рубрика «Здесь и теперь» **7**
Игорь Сукманов) **10**
«Убийство китайского букмекера» (The Killing of a Chinese Bookie) (Ольга Артемьева) **10**
«Ублюдки» (Los bastardos) (Кирилл Разлогов) **7**
«Уборка» (Ausfegen) (Анжелика Артюх) **5**
«Ужасно счастлив» (Frygtelig Lykkelig) (Елена Стишова) **9**
«Уик-энд» (Week End) (Дмитрий Десятерик) **7**
«Уникальная встреча» (Rencontre unique) (Антон Долин) **11**
«Ускользающая любовь» (Amour en fuite) (Наталья Баландина) **10**
«Фейерверк» (Fireworks) (Олег Иванов) **10**
«Фестиваль» (Ильмира Болотян) **3**
«Флэшка» (Анжелика Артюх — Дмитрий Комм) **6**
«Фотограф» (The Photograph) (Елена Стишова) **9**
«Франсишка» (Francisca) (Антон Долин) **11**
«Фуга» (Марина Дроздова) **2**
«Хижина в небесах» (Cabin in the Sky) (Дмитрий Комм) **7**
«Христофор Колумб. Загадка» (Cristóvão Colombo — O Enigma) (Антон Долин) **11**
«Хрустальная туфелька» (The Glass Slipper) (Дмитрий Комм) **9**
«Царь Иван Васильевич Грозный» («Дочь Пскова», «Псковитянка») (Александра Тучинская) **11**

«Цветение вишни — Ханами» (Kirschblüten — Hanami) (Елена Стишова) 3
«Цветок багульника» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
«Че» (Guerrilla / Che) (Андрей Плахов 7
рубрика «Здесь и теперь») 7
«Человек в плаще» (The Man with a Cloak) (Дмитрий Комм) 9
«Человек с киноаппаратом» (Олег Ковалов) 3
«Четыре возраста любви» (Марина Дроздова) 8
«Черный лед» (Musta jaa) (Нина Цыркун) 3
«Чудо в Милане» (Miracolo a Milano) (Наталья Баландина) 10
«Шахта» (Dixia de Tiankong) (Елена Стишова) 9
«Шпион в черном» (The Spy in Black) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Штрафная линия» (Linha de Passe) (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Шультес» (Зара Абдуллаева 8
Бакур Бакурадзе — Игорь Сукманов 8
Иван Форгач) 8
«Экскалибур» (Excalibur) (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Элегия» (Elegy) (Нина Цыркун) 3
«Элитный эскадрон» (Tropa de Elita) (Нина Цыркун) 3
«Юрьев день» (Мария Бейкер 8
Ирина Любарская 8
Игорь Сукманов 8
Катя Тарханова 8
Иван Форгач) 8
«Я возвращаюсь домой» (Vou Para Casa) (Антон Долин) 11
«Я думаю о вас» (Je pence à vous) (Люк Дарденн) 7
«Я знаю, что делаю!» ('I Know Where I'm Going!') (Георгий Дарахвелидзе) 11
«Я — ковбой» (Soi Cowboy) (Кирилл Разлогов) 7
«Я убил бабочку» (Анжелика Артюх) 5
«Я хочу видеть» (Je veux voir) (Кирилл Разлогов) 7
«Явление» (The Happening) (Нина Цыркун) 6
«Ярик» (Лариса Малюкова — Кирилл Разлогов) 6
Afterparty («После вечеринки) (Марина Дроздова) 2
Kustom Kar Kommandos (Олег Иванов) 10

TELE
TYPE
www. teletype.ru
Москва, улица Неглинная, дом 18,
офис 3
Тел.: +7 (495) 969-24-72
Электронная почта: mailbox@teletype.ru
TELE
TYPE

Журнал издается
при поддержке Федерального агентства
по культуре и кинематографии РФ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1931 года
Учредители: Союз кинематографистов России,
Министерство культуры РФ,
редакция журнала «Искусство кино»

Главный редактор Даниил Дондурей
Исполнительный директор Елена Карташова
Заместитель главного редактора Нина Зархи
Ответственный секретарь Лариса Калгатина
Редактор спецпроектов Лев Карахан
Редакция: Леонид Гурьян, Евгений Гусятинский, Анастасия Дементьева, Татьяна Иенсен, Людмила Мишунина, Елена Плоткина, Елена Стишова, Нина Цыркун, Галина Элькина
Макет: Дмитрий Демский
Обложка: Евгений Добровинский
Дизайн и компьютерная верстка: Людмила Мишунина

•

Адрес редакции: 125319, Москва, А-319, ул. Усиевича, 9
Телефоны: (495) 151-5651, 151-3779. **Факс** (495) 151-0272
www.kinoart.ru

e-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru

Сдано в набор 11.12.08. Подп. к печати 23.12.08
Формат бумаги 70 x 100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная
Печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 14,88
Заказ 0882. ООО «Принт Экспресс»,
Москва, Денисовский пер., 30

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации РФ № 01632 от 7.10.92

Фото и адреса актеров редакция не высылает
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

•

«Искусство кино» распространяется во всех странах СНГ.
Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи
по каталогам агентства «Роспечать»: СНГ — с. 138,
РФ — с. 237, Москва — с. 256. **Индекс** 70402.
В Москве на «Искусство кино» можно подписаться
с получением вышедших номеров в редакции по адресу:
ул. Усиевича, 9 (м. «Аэропорт»),
телефон для справок: 151-3779.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДПИСЧИКОВ!
You can subscribe to our magazine through:
«Periodika»
Guilyarovsky st. 39
129110, Moscow, Russia
Tel. (495) 681-9137
Other: «East view publications, inc.»
3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA
Tel. (612) 550-0961. Fax (612) 559-2931
Toll–free in the USA: 1-800-477-1005
Our address:
Usievich st. 9, 125319 Moscow, Russia
Tel. (499) 151-5651, 151-3779
Fax (499) 151-0272
www.kinoart.ru
e-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru

Журнал издается при поддержке:

телеканала ТНТ

Интернет-версия
«Искусства кино» осуществляется
при поддержке Татьяны Друбич

ISSN 0130-6405

© Журнал «Искусство кино», 2008

24
k/c

ИСКУССТВО
КИНО

НАСТОЯЩЕЕ КИНО

Дорогие друзья!

Никогда не поздно подписаться на
единственный в России ежемесячный
журнал по искусству. Нас знают потому,
что «Искусство кино» — это профессия
и досуг, это новости кино и телевидения,
статьи о новинках репертуара и интервью
с мастерами современной культуры,
увлекательные мемуары и сценарии,
новейшая отечественная
и зарубежная проза.

НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 70402

Электронная версия журнала в Internet по адресу www.kinoart.ru

Тел. (499) 151-6751. Факс (499) 151-0272. E-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru 125319, Москва, ул. Усиевича, дом 9

Индекс 70402
ИСКУССТВО КИНО

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Материалы З.АБДУЛЛАЕВОЙ, О.АРТЕМЬЕВОЙ, А.АРТЮХ, А.ГУДКОВОЙ, Е.ГУСЯТИНСКОГО, Д.ДЕСЯТЕРИКА, А.ДОЛИНА, Д.ДОНДУРЕЯ, О.ИВАНОВА, А.КОСТЮКА, О.МИХАЙЛОВОЙ, Е.СТИШОВОЙ, И.ЩЕРБАКОВОЙ, А.ЩИГОЛЕВА

В РУБРИКЕ «ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ»

Артхаус и прокат
«Морфий» Алексея Балабанова. Диагноз или приговор?
Кинообразование: есть ли надежда на завтрашних мастеров

В РУБРИКЕ «РЕПЕРТУАР»

ЛОКАРНО-2008
«БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ» Алексея Германа-младшего
«ВСЕ УМРУТ, А Я ОСТАНУСЬ» Валерии Гай Германики
«СТИЛЯГИ» Валерия Тодоровского
«ЧУЖИЕ» Юрия Грымова
«ПОДМЕНА» Клинта Иствуда

В РУБРИКЕ «КОММЕНТАРИИ»

АЛЕКСАНДР АДАБАШЬЯН
ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ
СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ
ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ
ЛЕОНИД РАДЗИХОВСКИЙ

В РУБРИКЕ «ИМЕНА»

ЭММАНЮЭЛЬ БЕАР
ХАНА МАКМАЛЬБАФ
БАРБЕТ ШРЁДЕР

В РУБРИКЕ «РАЗБОРЫ»

Новое японское кино в Москве
Тоталитаризм в России и в Германии
Европейское кино в поисках героев

В РУБРИКЕ «ОПЫТ»

КЛИНТ ИСТВУД
ТАКЭСИ КИТАНО
АЛВИС ХЕРМАНИС

В РУБРИКЕ «MEDIA»

Лидеры ТНТ о комедийном ТВ
Развлекательное телевидение

В РУБРИКЕ «ЧТЕНИЕ»

Кормак Маккарти. СТАРИКАМ ТУТ НЕ МЕСТО (фрагменты романа)
Михаил Дурненков. ХЛАМ

2008